

The background of the cover is a painting of a young girl with dark hair, wearing a bright yellow raincoat and red boots, standing on a grassy hill. She holds a red umbrella. The scene is set during a heavy rain, with numerous white streaks representing raindrops falling diagonally across the frame. A large tree with autumn-colored leaves (yellow and orange) is on the right side, and its branches extend over the girl. The overall color palette is warm, dominated by yellows, oranges, and reds, with a soft, hazy atmosphere.

МИКАЭЛА БЛЭЙ

18+

*«Смерть, смерть,
смерть», — прошептала
она про себя. Но было
уже слишком поздно.
Внутри росла паника.*

ЛЮККЕ

Запутанная история о пропавшем ребенке

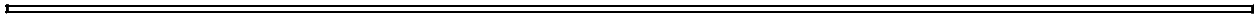
Annotation

Восьмилетняя школьница Люкке бесследно исчезает с занятий по теннису. Журналистское расследование поручают вести Эллен Тамм – телерепортеру криминальной хроники. Девушка прикладывает к поискам все силы, подключает волонтеров и СМИ, но все безуспешно. Ни у полиции, ни у Эллен нет никаких сведений о местонахождении Люкке. Похитили ли ее? Заблудилась ли девочка в огромном Стокгольме? Эллен ищет причины исчезновения Люкке в ее близком окружении. И репортеру открывается довольно трагическая картина.

- [Микаэла Блэй](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Пятница, 23 мая](#)
 - [Эллен. 20.25](#)
 - [Эллен. 20.40](#)
 - [Хелена. 20.45](#)
 - [Эллен. 23.00](#)
 - [Хлоя. 03.45](#)
 - [Суббота, 24 мая](#)
 - [Эллен. 06.30](#)
 - [Хелена. 07.30](#)
 - [Эллен. 08.10](#)
 - [Мона. 10.10](#)
 - [Эллен. 10.50](#)
 - [Эллен. 12.30](#)
 - [Хлоя. 15.30](#)
 - [Эллен. 22.45](#)
 - [Эллен. 23.15](#)
 - [Воскресенье, 25 мая](#)
 - [Хелена. 09.00](#)
 - [Эллен. 09.30](#)
 - [Мона. 09.55](#)
 - [Эллен. 10.15](#)
 - [Хелена. 17.50](#)

- [Эллен. 20.00](#)
- [Эллен. 21.00](#)
- [Эллен. 22.30](#)
- [Эллен. 23.00](#)
- [Понедельник, 26 мая](#)
 - [Эллен. 07.00](#)
 - [Мона. 08.00](#)
 - [Хлоя. 15.00](#)
 - [Эллен. 19.30](#)
 - [Эллен. 20.00](#)
 - [Эллен. 21.00](#)
 - [Эллен. 22.00](#)
- [Вторник, 27 мая](#)
 - [Эллен. 05.50](#)
 - [Хелена. 06.30](#)
 - [Хлоя. 08.30](#)
 - [Эллен. 10.00](#)
 - [Эллен. 11.00](#)
 - [Эллен. 22.30](#)
 - [Эллен. 24.00](#)
- [Среда, 28 мая](#)
 - [Эллен. 07.00](#)
 - [Эллен. 11.00](#)
 - [Эллен. 12.30](#)
- [Четверг, 29 мая](#)
 - [Эллен. 08.00](#)
 - [Эллен. 08.30](#)
 - [Эллен. 10.15](#)
 - [Эллен. 11.30](#)
 - [Эллен. 11.30](#)
 - [Эллен. 23.00](#)
- [Пятница, 30 мая](#)
 - [Эллен. 10.00](#)
 - [Эллен. 18.45](#)
 - [Эллен. 19.00](#)
- [Суббота, 31 Мая](#)
 - [Эллен. 10.00](#)
 - [Эллен. 15.00](#)
- [Благодарю:](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)

Микаэла Блэй Люкке

Copyright © Mikaela Bley, 2015

© Серебро Е., перевод, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Дагу – хочу всегда быть там, где ты

Эта история – вымысел. Хочу подчеркнуть, что все события и герои выдуманы и являются плодом моей фантазии. Поэтому сходство с реальными событиями и обстоятельствами является чистым совпадением. Однако я взяла на себя смелость включить в книгу реальные места и публичные фигуры, чтобы сделать историю как можно более достоверной. Я делала это с уважением и, надеюсь, преуспела. Описание большинства мест в книге соответствует действительности, но я изменила некоторые детали.

Пролог

Она еще раз перевернулась в кровати. Не спалось. Ноги дрожали.

Уставилась в стену. Закрыла глаза, но всего лишь через несколько секунд открыла их снова. Натянула подушку на голову, стараясь заглушить голоса, но ничего не вышло.

Голоса звучали все громче и громче.

– Прости, – прошептала она.

Она зажгла лампу на ночном столике и подошла к письменному столу. Выдвинула верхний ящик и достала несколько ароматических ластика. Сердечки, звездочки, клубнички. Разломив пополам ластик в виде кролика, воткнула кусочки себе в уши.

Потом опять легла, погасив лампу. По щекам текли слезы, и она прошептала:

– Бог, он всех детишек любит, и меня он не забудет.

И куда бы я ни шел, всюду руки он простер.

Счастье может и уйти.

Где же мне любовь найти?

Пятница, 23 мая

Эллен проверила время в правом верхнем углу компьютерного экрана. До последних вечерних новостей оставалось меньше двух часов.

– Парк Тиволи в Кристианстаде полностью затоплен, – громко объявил коллега на все открытое пространство редакции. – По мнению экспертов, еще несколько миллиметров и город уйдет под воду.

Репортер бросился на свое место. Редактор вечернего выпуска новостей сообщил об оползне в Вагнхереде, вызванном сильными дождями, которые обрушились на Швецию.

«Дождь и ветер, как же они мне надоели», – подумала Эллен.

На кухне ее коллеги пили кофе. Сегодня они явно перетрудились. В аппаратной шло совещание руководства редакции.

Сидящий рядом с Эллен паренек по имени Лейф поедал свой ужин из прозрачного пластмассового контейнера, одновременно нажимая указательным пальцем на кнопки клавиатуры.

Когда четыре года назад Эллен пришла на канал ТВ4, она думала, что будет работать в стильном современном офисе. Вместо этого попала в самое обычное конторское помещение. Между белыми рабочими кабинками едва можно пройти, вентиляционные трубы на потолке гудят, а от ламп дневного света не укроются даже самые маленькие поры на лице. И сутки напролет пахнет подогретой в микроволновке едой. Единственное отличие помещения ТВ4 от других – количество знаменитостей в маленьких кабинках зашкаливало. Еще, пожалуй, здесь было чуть-чуть больше шума, чем в основном здании Губернской страховой компании, находившейся в соседнем доме на улице Тегельуддсвеген в Стокгольме.

Эллен бросила взгляд на экран телевизора, стоящего на письменном столе впритык к компьютеру. Встретилась глазами с Давидом Хеллениусом, который радостно приветствовал зрителей в студии *Танцев со звездами*. Не забыть отказаться от участия в дне семьи канала ТВ4 в парке развлечений Грёна Лунд. У нее нет ни малейшего желания быть белой вороной среди счастливых семей и детей с разноцветными браслетиками на запястьях.

Она открыла свой материал об убийстве восемнадцатилетней девушки в Тумбе, который готовила для вечерних новостей.

Сегодня выдался длинный день. У Эллен, криминального репортера, был ненормированный рабочий день. Она приходила в редакцию по мере

необходимости, а когда ты относительно молода и дома тебя не ждет семья, то работы всегда хватает.

Эллен стало холодно, и она застегнула пуговицы на черной кожаной куртке. Весь день она сетовала, что оделась не по погоде. Платье, открывающее голые ноги и короткая куртка не спасали, но кто мог подумать, что в конце мая будет всего лишь восемь градусов тепла? Она, в принципе, понимала зрителей, которые звонили на телевидение с жалобами на погоду, хотя канал Эллен не занимался предсказаниями погоды, а всего лишь зачитывал прогноз.

Скорее бы домой и принять горячую ванну. Зажечь ароматическую свечу с фруктовым запахом, а потом почитать последний номер журнала «Вэнити фэйр», который ее заждался.

Эллен перебрала все бумаги и газеты на письменном столе, чтобы найти наушники и отключиться от шума. Когда-нибудь она все здесь разберет. Может быть, в понедельник. Новая неделя, новые возможности. Так она обычно говорила каждую неделю вплоть до вторника, в лучшем случае, до среды.

Наушники она так и не нашла. Вместо этого сделала телевизор громче и нажала «плей».

Всякий раз, когда Эллен видела себя на экране, повторялось одно и то же. Собственное изображение всегда заставляло ее врасплох, хотя уже можно было и привыкнуть.

Она нажала на паузу, несколько раз глубоко вздохнула и опять стала смотреть.

Но не прошло и несколько секунд, как на экране появилась бегущая строка новостного агентства «ТТ».

Один человек убит в перестрелке на площади Лилла Торг в Мальмё.

Не успела Эллен кликнуть на ссылку, как раздался голос шеф-редактора:

– Редакция в Мальмё – специалист по перестрелкам!

Смерть. Ей постоянно напоминали о смерти, но именно это ей и нужно.

Пока друзья Эллен часами сидели, приклеившись к экрану в ожидании, когда на «Эм-ти-ви» покажут их любимый музыкальный клип, Эллен смотрела один документальный фильм об убийствах и убийцах за другим. Она вырезала из газет некрологи и статьи о людях, умерших не своей смертью, в результате страшных несчастных случаев. Это отвлекало ее от собственных проблем.

Будучи криминальным репортером Эллен была вынуждена ежедневно

думать о смерти. По мнению психолога, ей надо сменить профессию – она слишком одержима смертью и должна разорвать свой порочный круг. Образно говоря, она занимается сексом с врагом. Конкретно этих слов психолог не произносила, но Эллен истолковывала ее мысль именно так. Как бы там ни было, ее поведение нельзя было назвать нормальным, и Эллен понимала это.

– Эллен!

Сконский диалект и низкий голос словно прорезали воздух. Она слишком хорошо знала этот голос. Сердце тотчас забилося быстрее.

Она подняла глаза и неохотно встретилась с ним взглядом.

– Пожалуйста, подойди ко мне. – Он помахал ей рукой.

Он заговорил с ней первый раз с тех пор, как неделю тому назад возглавил редакцию. Первый после того, как без объяснения бросил ее год назад.

Эллен встала со своего места и неуверенным шагом пошла к его письменному столу через всю редакцию. Проклиная себя за то, что сдали нервы, она попыталась сосредоточиться на цели, уставившись на цветочный горшок, стоявший на столе секретаря за Джимми.

Предыдущий начальник единственный из всей редакции сидел в отдельном кабинете. Джимми предпочел сесть со всеми и стать «частью банды». Но никто не обольщался, ведь он пришел сюда расчищать завалы. И это знали все. Новости должны стать качественнее, расходы – меньше, а рейтинги просмотров – выше. После того как недавно он уволил большое количество сотрудников на канале-конкуренте, его прозвали «мальчиком с пилой».

Эллен вынула ручку из пучка на голове и распустила длинные темные волосы.

– Привет, я сейчас. – Он мельком взглянул на нее и опять уставился в свой макбук. – Вот только письмо отправлю.

На столе у Джимми ничего не было, кроме недопитой чашки кофе и отраслевого журнала с его портретом на обложке. Ни одной фотографии. Ни одной личной вещи.

Точно, как и на ее рабочем месте.

В горле пересохло.

Она осторожно изучала его профиль, пока он стучал по клавишам макбука. Мужчины с большими носами всегда были ее слабостью. Высокие скулы четко очерчены, темные волосы коротко подстрижены.

– Теперь все. Извини, что тебе пришлось ждать, – улыбнулся он.

Его голос звучал уверенно, а вот она в себе уверена не была.

– Послушай, какие у тебя отношения с полицией? – спросил он, откинувшись на стуле.

– Хорошие. А почему ты спрашиваешь?

– Ты ведь криминальный репортер?

– Ну да. – Его вопрос сбил ее с толку.

Джимми провел рукой по волосам и взглянул сначала на компьютер, а потом на нее.

– Что тебе известно о пропавшей девочке?

– Что? – Эллен отпрянула назад, словно обожглась об его слова.

Джимми указал на письмо.

Хотя все ее нутро сопротивлялось, Эллен наклонилась и стала читать:

Восьмилетняя девочка бесследно исчезла...

Буквы сливались.

– Вот что заводит зрителей. *Синдром пропажи хорошенькой девочки*, ну, сама знаешь. Эта новость как нельзя кстати. – Он ударил рукой по столу, как будто попал точно в цель.

Эллен несколько раз моргнула, чтобы сфокусироваться.

Джимми продолжил:

– Такие материалы нам нужны. Личные, чтобы нельзя было остаться равнодушным. Не можем же мы делать репортажи только на общие темы. Мы должны конкретизировать. Понимаешь? Чтобы затронуть чувства зрителей.

Эллен уже хватило его разъяснений – ее будто ударили в солнечное сплетение, а в руки впились иголки.

– Девочка пропала с Королевского теннисного корта. Сегодня, во второй половине дня. Надо действовать. Я хочу, чтобы ты...

Эллен покачала головой:

– Это случилось сегодня?

– Да, во второй половине дня.

Эллен выпрямилась и попыталась сделать глубокий вдох, но ей сдавило грудь.

– Ты видел ее фотографию? – спросила она, дав волю злости.

– Что ты хочешь сказать?

– Ты ведь назвал это *синдромом пропажи хорошенькой девочки*. Она что, хорошенькая?

Джимми отъехал от нее на стуле.

– Думаю, ты понимаешь, что я имею в виду. – Он поднялся. – Это устойчивое выражение.

– Да, знаю. Можешь мне поверить. На самом деле это называется

синдром пропажи *белой* девочки. Ведь она белая? Наверняка ты это уже проверил. – Она дышала, как загнанная, пытаясь это скрыть.

Вместо ответа он поднял с пола свою сумку для макбука.

– Ты ведь надеешься, что с ней на самом деле произошло что-то ужасное? – Эллен не могла успокоиться. – Что ее изнасиловали? Или, может быть, она утонула? Лучше всего, если ее расчленили. Чем больше кусков, тем вкуснее. Ты понимаешь, что речь идет о восьмилетней девочке?

Джимми огляделся. Понял, что их слушает вся редакция, заговорил тихим голосом:

– Вот это ты и проверишь. Я хочу, чтобы с самого начала мы были в курсе всех обстоятельств. – Он захлопнул крышку макбука.

– С самого начала...

– Да, с самого начала. – Он повернулся к ней. – И еще: пересмотри свои контакты с полицией, ты криминальный репортер и должна была уже знать все это раньше меня.

Она утерла пот со лба.

– Но это не новости для канала ТВ4... – Подумать только: без году неделя на канале, а уже учит ее, что ей делать. – Может быть, ты думаешь, что пришел работать в вечернюю газету, но...

– Да, ты права, – перебил ее Джимми. – Это не новость. Пока что. Но может стать новостью, и поэтому я хочу, чтобы мы всех опередили. Мы не можем позволить себе ждать, а потом рассказывать о событиях после всех остальных. Создавай новости. – Он положил компьютер в сумку.

Теперь иголки впились во все тело. Эллен точно знала, что с ней произойдет дальше.

– А что мы будем делать, если она недостаточно хорошенькая? – продолжила она.

– Ну ладно, если ты не можешь, я дам это задание кому-нибудь другому в редакции. – Джимми взял сумку под мышку и устало посмотрел на нее. – Я просто подумал, что...

– Ладно, берусь, – согласилась Эллен.

– Хорошо. – Джимми пошел к лифтам.

– Смерть, смерть, смерть, – прошептала она, когда он уже не мог ее слышать. И тогда ее охватила паника.

Эллен. 20.40

Маленькой девочке было восемь лет. *Ровно столько, сколько тогда было Эльзе.*

Эллен открыла глаза. Несколько раз моргнула. Ей стало жарко, и она сняла куртку. От шума вентиляции в ушах гудело. Земля уходила из-под ног, и ей пришлось схватиться за раковину, чтобы не упасть.

– Смерть, смерть, смерть, – прошептала она, тщательно выговаривая каждую букву. От боли в груди она едва могла дышать.

Кто-то дернул ручку двери.

Эллен открыла кран до упора, наклонилась и, налив воду в сложенные в горсть ладони, ополоснула лицо.

– С тобой все в порядке?

– Да-да, – ответила она, пытаясь говорить нормальным голосом. Увидев себя в зеркале, снова быстро опустила глаза.

Дыши Эллен, попробуй дышать.

– Ну что там?

– Я сейчас! – Закусив губу, она обеими руками держалась за раковину. Из крана по-прежнему хлестала вода. Она закрыла кран, оторвала кусок бумажного полотенца и вытерлась.

Смерть, смерть, смерть. Последний из вереницы психологов, с которыми она имела дело, посоветовал ей повторять как заклинание какие-нибудь слова, чтобы не дать панике взять верх. Сначала Эллен это казалось банальным, но она решила попробовать. Она где-то вычитала, что Астрид Линдгрен всегда начинала разговор со своими сестрами именно с таких слов, чтобы потом больше не пришлось говорить о страшном. Эллен выбрала для повтора слово, которое больше всего пугало ее и воскрешало воспоминания, которые она хотела, но не могла стереть из памяти. В печали и потере была такая же определенность, как и в самой смерти. Иногда ей это действительно помогало.

Она взялась за ручку двери, но передумала. Исступленно щелкнула пальцами, последний раз пытаясь сбить мозг с толку.

Надо прийти в себя, здесь нельзя больше оставаться. Дрожащими руками Эллен открыла дверь.

– В этом здании есть и другие туалеты, – бросила она коллеге, пройдя мимо нее на свое рабочее место.

Ей казалось, что все на нее смотрят. Ей хотелось поехать домой,

раздеться и залезть в постель. С головой забраться под одеяло и отключиться, но сейчас она и мечтать об этом не смела.

Руки по-прежнему дрожали, когда она достала телефон и набрала номер Уве.

– Почему я ничего не знала о девочке, которая пропала с теннисного корта? – Она не сочла нужным поздороваться.

Уве рассмеялся на другом конце провода.

– Не понимаю, с каких пор вы начали интересоваться сбежавшими детьми? У вас что там, новостная засуха? Хотя на улице льет как из ведра.

Она действительно услышала, как ему самому понравилась его гётеборгская шутка.

Эллен зашла в один из свободных конференц-залов, чтобы никто не мешал.

– Это мне решать, что для нас новость, а что нет.

Между ними существовала договоренность. Уве, работающий в полиции отвечал за связи с прессой и знал практически обо всех происшествиях.

Все журналисты работали с осведомителями. В этом не было ничего особенного. Гордиться тут было нечем, для Эллен это было неизбежным злом. По условиям сделки Уве должен был следить за тем, чтобы она получала соответствующую оперативную информацию.

В том, что Уве не связался с ней, на самом деле не было ничего странного. Исчезновение людей более обычное дело, чем можно подумать, и когда за ним не стоит преступление, об этом редко узнают новостные редакции. Если на ТВ4 все же становилось известно о пропаже человека, они не спешили это обнародовать, пока не убеждались в том, что это преступление, которое представляет всеобщий интерес. Но с приходом Джимми на место начальника наступили новые времена.

– Почему ты говоришь, что она сбежала? Вам это известно?

– Потому что чаще всего так и бывает. Сейчас наши сотрудники едут на корт, чтобы поговорить с ее родителями.

Эллен представила себе, как Уве ходит взад-вперед по длинным коридорам здания полицейского управления и разговаривает с ней через свой новый блютуз, который специально заказал из Токио. Во время разговора он медленно качает головой, будто на все говорит «нет». Взад-вперед. Седые волосы прекрасно уложены с помощью воска. Она прозвала его Совой. И не только потому, что он похож на сову, но и потому, что в народе совы ассоциируются с неудачей и смертью. Грубо говоря, на этом и строились их отношения. Сова также является символом мудрости, что, к

сожалению, по ее мнению, к Уве не относилось.

В конце концов, ей удалось уговорить его связаться с ней, как только у него появятся дополнительные сведения о девочке.

– О'кей, но если вы все-таки решите сообщить об этом, не ссылайтесь на полицию, – пробормотал Уве, прежде чем положить трубку. – У нас нет возможности принимать от граждан массу бесполезной информации.

Эллен вернулась на свое место и села на стул. Ее взгляд задержался на кадре репортажа из Тумбы, который она остановила на компьютере, нажав на паузу. Она по-прежнему не могла унять дрожь, обливаясь холодным потом, и чувствовала себя в полном смятении. Как смог Джимми силой вовлечь ее в эту историю?

– Ну ладно. Вечер пятницы. Кто будет пить со мной кофе? – спросил Лейф. – Пользуйтесь, пока с вас не стали брать деньги, – сказал он, вставая. – Итак, кофе.

– Спасибо, не буду. – Эллен покачала головой.

– Ну, понятно, бедных это не касается, – продолжил он.

У нее не было сил даже на комментарии.

С Лейфом были связаны три самых больших проблемы. Первая заключалась в том, что он был против любых изменений, вторая – в том, что он был неприятным человеком, а третья – ему не нравилась Эллен. Она не только была неправильного происхождения, но и еще слишком молодой и неопытной, чтобы заслужить его уважение. По мнению Лейфа, четыре года в редакции – это ничто, а то, что она пришла из «Интернета», как называли веб-редакцию, только усугубляло дело.

ТВ4 была ее первой настоящей работой. После окончания журфака Стокгольмского университета она год стажировалась на «Си-эн-эн» в Нью-Йорке, а потом устроилась на ТВ4 веб-редактором. А поскольку веб-редакция не являлась приоритетным направлением, руки у нее были относительно развязаны. Эллен предпочитала делать репортажи о нераскрытых убийствах, привлекая внимание к убийствам, странных убийствах, т. е. обо всем, что имело отношение к убийствам.

Ее работу заметил консультант, разрабатывавший для ТВ4 стратегию конкурентоспособности канала по отношению к сетевым стриминговым сервисам, и ему удалось убедить руководство новостной редакции перевести Эллен в «Новости».

Здесь ее встретили далеко не с распростертыми объятиями. В редакции считали, что девушку взяли по чистой случайности или, скорее всего, она купила должность, поскольку носила фамилию Тамм и выросла в замке Эрелу в провинции Сёдерманланд.

Эллен долго завоевывала доверие своих коллег, и, несмотря на то, что работала в редакции уже почти четыре года, по мнению Лейфа по-прежнему не умела правильно обращаться с полицейской информацией. Он вообще много чего считал.

– Ты пропустила сегодняшнее собрание.

Эллен подняла глаза от экрана и посмотрела на него.

– Да, я была в Тумбе...

– Пользуйся моментом, скоро твоим хобби-проектам придет конец.

– Хобби-проектам? Он что, совсем с ума сошел?

– Да, говоря словами Джимми, «теперь все будет поставлено с ног на голову», – сказал Лейф наигранно. Ему явно не нравился жаргон, которым бравирует новый начальник. Своей почти лысой головой он указал на Джимми.

Джимми сидел к ним спиной и работал в программе «Excel». С тех пор как он пришел к ним неделю назад, он работал сутки напролет. Или для того, чтобы вдохновлять остальных на трудовые подвиги, или потому, что собирался проводить слишком масштабные преобразования. Не секрет, что количество зрителей неуклонно снижалось, а выпуски новостей стоили дорого.

– Что это за общие фразы? На сконском диалекте это тоже нехорошо звучит. Едва можно разобрать, что он говорит. Мы станем командой единоличников. Впредь надо все будет делать самим, – продолжил Лейф, качая головой. – Раньше было лучше.

– Да, и так было всегда, – заметила Эллен.

– Что ты сказала?

– Что раньше было лучше. И так было всегда.

Лейф что-то буркнул в ответ.

Он работал на ТВ4 со дня основания канала – а это более двадцати лет. Когда он появлялся в кадре, картинка становилась практически черно-белой.

Лейф был способным журналистом, и такой опыт, как у него, приобретается только с годами. Это внушало большое уважение, и большинство сотрудников редакции им восхищалось. Многие непосвященные думали, что ведущие программ решают все. Но они ошибались. Лейф был неформальным лидером, но сейчас его позиции пошатнулись. Предыдущий начальник был лучшим другом Лейфа и следил за тем, чтобы у друга зарплата была выше, а привилегий больше, чем у его коллег.

– Ну, я пошел. Спасибо за сегодняшний вечер, – мимоходом бросил

Бенгт Магнуссон.

– Ты завтра выходной? – спросил Лейф, поспешив за ним. – Ты слышал – они собираются сделать короче *Голые факты*? Что на самом деле происходит?

Эллен обновила входящую почту, чтобы проверить, нет ли мейла от Уве, но кроме спама ничего нового не было.

– Мы тут собрались в *Риче* попить пивка, пойдешь с нами? – крикнул Джимми, надевая пиджак.

Все понятно – он чувствует, что вынужден спросить и ее. Эллен покачала головой.

– Только не сегодня. Мне некогда.

– О'кей. Тогда увидимся завтра.

Несколько расфуфыренных девиц из редакции *После 10* с хихиканьем побежали за ним.

Лейф вернулся на место с вечерней газетой под мышкой и с чашкой кофе в руке.

– Что, Джимми уже уходит? Не понимаю я этого парня. Он считает, что в новостях надо объявлять результаты *Танцев со звездами*. Куда мы катимся? – Он стал листать газету. Сделал глоток кофе. – А теперь он хочет, чтобы мы рассказали о девочке, которая сбежала. В чем смысл? Неужели мы станем заниматься такой ерундой?

Эллен наблюдала за ним.

– Разве не странно, что девочка шла на теннис, хотя корт закрыт на ремонт?

Эллен обычно ходила на Королевский теннисный корт обедать, но последнюю неделю из-за ремонта корт не работал.

Лейф пожал плечами.

– И что значит «сбежала», что тебе об этом известно? Почему ты так говоришь? – Она встала так поспешно, что упал конторский стул.

Лейф посмотрел на нее, как на сумасшедшую. Может быть, она и правда не в себе?

– Ты что, не понимаешь? Пропала маленькая девочка! Ты говоришь как полицейский и ни о чем понятия не имеешь.

– Успокойся. Что это за подростковые выходки? – Он отвернулся к экрану.

Эллен схватила в охапку свою одежду и положила компьютер в сумку.

– Взяла полдня? – прокричал кто-то ей вслед, когда она быстрым шагом пошла к выходу. Коллеги засмеялись.

Эллен стала спускаться в гараж. Получается, она одна понимает,

насколько все серьезно?

Хелена. 20.45

Она была в таком стрессе, что едва могла поднять руки. Мысли путались. Сделала ли она все, что должна была сделать мать? Прокрутила ли в голове все возможные сценарии? Что она упустила? Всех ли обзвонила? Родителей из теннисной группы, одноклассников. Но никто ничего не видел и не слышал. Никто.

Не прошло и четырех минут, как Хелена опять взглянула на часы.

Поднявшись по небольшой лестнице к крытому Королевскому теннисному корту, она встала под козырьком у входа, чтобы защититься от дождя, хотя какое теперь это имеет значение. Одежда насквозь промокла, ноги онемели, а пальцы превратились в ледышки.

Где искать дальше, она не знала. Наверное, сейчас разумнее всего оставаться на месте, стоять там, где стоишь.

Они с Харальдом ждали полицию уже целых пятнадцать минут. Почему они не позвонили раньше? Люкке отсутствовала почти четыре часа.

Тучи нагнали сумерки, и на пустую парковку легла темно-синяя тень. «Закрито. Ремонт» было написано на оранжевом листке, наклеенном на одну из стеклянных дверей у входа в крытый корт. Корт откроется через три недели. А сейчас двери заперты, а фасад спрятан за строительными лесами и защитным брезентом. Все напоминает заброшенную стройплощадку. За спиной Хелены находился лесопарк Лилль-Янсскуген и Северный Юргорден. Перед ней – Эстермальмский стадион. Хорошо знакомые места, где она обычно совершала пробежки, теперь казались ей черными дырами.

– Люкке! – крикнула она изо всех сил, но шум машин с шоссе Лидингёвеген и удары ветра о брезент заглушили ее отчаянные попытки докричаться.

Харальд стоял под дождем возле лестницы и смотрел на нее так странно, что она не могла истолковать его взгляд.

– Не понимаю, – произнесла она. – Как ты мог так поступить? Как ты мог ее тут оставить?

– Пожалуйста, ну сколько можно, я...

У Харальда зазвонил телефон и, не закончив фразу, он достал его из внутреннего кармана плаща.

Отойдя на несколько шагов, заговорил тихим голосом.

Хлоя.

Хелена взглянула на свой телефон. Кому бы позвонить? Даже если бы и было кому, сказать ей нечего.

Она опять посмотрела на часы и перевела взгляд на залитый водой открытый корт.

– Что сказала Хлоя? – спросила она Харальда, когда он закончил разговор, хотя за секунду до этого решила именно этот вопрос не задавать.

– Давай не впутывать сюда Хлою.

– Не впутывать? А не поздновато ли? – Хелена принялась искать в сумке никотиновые жвачки. Она бросила курить больше десяти лет назад, но по-прежнему испытывала большую потребность в никотине. Осталось две жвачки.

– Не понимаю, где же полиция? – Она принялась жевать так яростно, что у нее почти свело челюсти. – Не могу взять в толк... Слова застряли в горле.

На парковку свернула полицейская машина, и сердце у нее забилося сильнее.

Всего лишь одна машина. А она думала, что будет несколько.

Хелена проследила за машиной взглядом и, когда полиция остановилась перед ними на мощенной булыжником площадке, почувствовала, что не в состоянии все это пережить.

Из автомобиля вышли двое полицейских в форме.

Харальд двинулся им навстречу, Хелена шла за ним по пятам.

– Я Харальд Хёёк, папа Люкке. – Он протянул руку и поздоровался с двумя довольно молодыми полицейскими. – А это мама Люкке, Хелена Хёёк, извините, Энгстрём. – Он положил руку ей на спину.

Хорошо бы так было всегда, но он моментально опустил руку.

– Ее кто-то увел, – сказала она, встретившись глазами с одним из полицейских. – Вы должны нам помочь!

Слова вылетели из нее черной птицей.

– У вас есть основания считать, что ее кто-то увел?

Полицейский, представившись Фредриком, серьезно взглянул на нее.

Она покачала головой.

– Тогда не надо делать поспешных выводов.

– Нам в самом деле жаль, что так случилось... – сказал другой полицейский, высокий крупный мужчина с бритой головой, чье имя ей не удалось расслышать.

– К вам никто не обращался? А вдруг ее кто-то видел? Ведь она не могла просто так взять и исчезнуть? – перебила его Хелена.

– Нет, к сожалению, мы ничего не слышали. Пока что. Но все образуется. Мы найдем ее.

Фредрик пристально посмотрел на своего высокого коллегу.

Хелена поняла, что тот только что совершил ошибку, пообещав им нечто невыполнимое.

– Вы проверили больницы? Что вы обычно делаете? – спросила она.

– Обычно мы действуем по ситуации... – ответил Фредрик.

– Ее могли похитить?

– Мы понимаем, что вы страшно волнуетесь, и сделаем все, что в наших силах, чтобы найти вашу дочь. Сейчас мы должны воссоздать ход событий, чтобы получить более четкое представление о том, что произошло и как нам надо действовать, – продолжил Фредрик.

– Давайте сядем в машину, – предложил Харальд. – А то мы ходим под дождем уже почти два часа, и становится как-то не по себе. И психически, и физически. Ну, вы понимаете.

Фредрик кивнул и открыл дверцу машины.

– Ведь она была в куртке, Харальд, наверняка она была в куртке?

Харальд промолчал.

Они сели на заднее сиденье. В зеркале заднего обзора Хелена увидела, как ее рассматривает крупный полицейский. О чем он думает?

Она виновата.

И он прав. Исчез ее ребенок.

Двери машины захлопнулись. Харальд словно ничего не заметил. Полицейский продолжал пристально разглядывать ее в зеркале заднего обзора. Ей хотелось попросить его перестать, но она не осмелилась.

Повернулся ключ, и зажглась подсветка приборной доски. На потолке загорелись лампочки, на полную мощность включилось тепло.

Хелена наклонилась вперед.

– Что мы будем делать, чтобы найти ее?

– Давайте начнем все с начала, – сказал Фредрик. – Прежде чем идти дальше, мы должны получить представление о ситуации.

Как же медленно он говорил. Она посмотрела на Харальда, который расстегнул свой темно-зеленый дождевик и тер обеими ладонями лицо.

– Мы ее найдем, – сказал он.

Его светлые волосы были по-прежнему такими же густыми, как в молодости, вот только залысины стали больше.

– Все будет хорошо. – Харальд положил руку ей на колено. – Успокойся. Полиция здесь.

Сейчас ей больше всего хотелось броситься ему на шею и зарядиться

его спокойствием. Ей хотелось ему верить. Что все будет так, как раньше.

Обручальное кольцо у него на пальце сверкнуло в свете лампы на потолке. Она отвела глаза и уставилась в тонированное стекло. По стеклу струился дождь.

– Так, давайте начнем сначала. Вы можете рассказать нам, что случилось? – Из кармана брюк Фредрик достал маленький черный блокнот и ручку.

– Теннис...

– Я...

Харальд и Хелена посмотрели друг на друга.

– Начинай ты, – предложил Харальд.

– Нет, почему я, это же твои выходные...

– Кто из вас видел ее последним? – прервал их Фредрик.

– Моя жена Хлоя, она отвезла Люкке на теннис.

– Хотя никакого тенниса не было, – вставила Хелена.

– Когда это было?

– Около четырех часов. Хочу уточнить – Хлоя не знала, что теннис отменили.

– Нам нужно поговорить с Хлоей. Значит, вы не знали, что теннис отменили?

Хелена немного засомневалась, но потом покачала головой. Краешком глаза она увидела, как Харальд взглянул на свои часы.

– Куда, по-вашему, Люкке могла пойти?

Оба покачали головами.

– У кого-нибудь есть вода? – спросила Хелена.

– К сожалению, нет. А забрать ее тоже должна была Хлоя?

– Да, именно так, – подтвердил Харальд, – к сожалению, я не мог забрать Люкке. На работе возникло одно дело, и я послал Хлое сообщение и попросил ее приехать сюда, но потом оказалось, что она его не получила.

– *Сообщение*, – почти выплюнула Хелена. – Если ты не получил ответ, почему не позвонил, чтобы убедиться?

Харальд смотрел перед собой пустыми глазами.

– Так кто же сюда за ней поехал?

– Никто, – коротко ответила Хелена и в ту же секунду услышала себя со стороны. – Можно я объясню? Я поняла, что что-то не так, когда было уже почти шесть, а Харальд все никак не привозил ее ко мне. На самом деле это не моя неделя, но я должна была взять ее на выходные. Люкке простужена и, понятно, не должна заражать их сына. – Хелена с осуждением посмотрела на своего экс-супруга и продолжила: – Они

должны были приехать ко мне в самом начале шестого. Я стала ему звонить, но не дозвонилась, и, в конце концов, приехала сюда.

– Почему? – вопросительно посмотрел на нее Фредрик.

– Чтобы проверить, не забыл ли он ее забрать. Такое уже случалось. Несколько недель назад из школы позвонила учительница и попросила забрать моего ребенка, поскольку школа уже десять минут как закрылась.

Хелене пришлось прервать оценку квартиры, чтобы заехать за Люкке и потом отвезти ее к Харальду домой. Он, как обычно, отрицал свою вину, на этот раз свалив все на няню, хотя Хелена знала, что няня всегда свободна по средам во второй половине дня.

Разобрать записи полицейского было невозможно, одни сплошные каракули. А сами-то они смогут их прочесть?

– Как только я понял, что возникло какое-то недоразумение, я поехал сюда, – стал оправдываться Харальд.

– Что нам теперь делать? Вы должны начать поиски! Когда подъедет подкрепление? – Хелена вытерла со лба несколько капель – она была в испарине. Стекла совсем запотели.

– Еще несколько вопросов. Как она была одета?

– На ней была теннисная форма, с собой – розовая сумка.

– Она чем-нибудь больна?

– Нет.

– Она часто убегает?

– Она никогда не убегала и вообще не из тех детей, кто так делает, – коротко ответила Хелена.

– Она очень замкнутая девочка и на такое не способна, – добавил Харальд.

Хелена заметила татуировку у молчащего полицейского, у того, кто просто сидел и пристально смотрел на нее в зеркало заднего обзора, и попыталась прочесть длинное предложение, обвивающее его шею.

– Вы позвонили ее друзьям?

– Конечно, позвонили.

– Хорошо. Я понимаю, что это ужасная ситуация, но давайте начнем с того, что лежит на поверхности. Вы уверены, что она не пошла домой? Детей часто находят дома. Спящими в постели. – Он осторожно улыбнулся.

– У нее нет ключей от моей квартиры, а Харальд только что говорил со своей женой.

– Нет, дома ее нет. Я понимаю, что вы должны задавать такие вопросы, но поверьте, мы перебрали все возможные варианты. Мы не знаем, где ее искать.

– Каждый день исчезают сотни людей, и большинство из них находятся. Чаще всего они не рассказывают родным о своих планах.

У нее сомкнуло челюсти.

– Планы. Ей восемь лет.

– Возможно, она просто потерялась здесь, в парке Лилль-Янсскуген.

– Харальд, а вдруг она без куртки!

Харальд наклонился к переднему сиденью.

– Послушайте, я понимаю, что вы должны рассматривать самые разные альтернативы, но я знаю свою дочь – она никогда бы никуда не ушла одна. Мы теряем драгоценное время. Послушайте нас. Надо начать поиски, – сказал Харальд.

Дождь усилился и лупил по крыше так, словно в нее заколачивали гвозди.

– Мы делаем то, что можем.

Фраза звучала заученно и совсем неубедительно.

– Хотя это большой район, она не могла уйти далеко, но мы ничего не исключаем. Ладугордсйердет, Юртхаген и Северный Юргорден. У вас есть фотография Люкке?

Хелена достала телефон и начала листать фотографии, но ей попадались только снимки квартир, которые она продавала.

Харальд, похоже, принялся делать то же самое, но вскоре, ни слова не говоря, положил телефон в карман.

«Наверняка – одни фото сына», – невольно подумала Хелена.

Наконец она нашла фотографию Люкке, сделанную на Пасху. Не очень удачная фотография, но лучше, чем ничего. Они пошли в Скансен. У Люкке выпал передний зуб, и по старой семейной традиции она могла загадать желание. Люкке захотела провести день в Скансене вместе с мамой.

Хелена вспомнила, как она удивилась, когда Люкке не попросила взять велосипеды или что-то в этом роде. Но Люкке настаивала на своем, и хотя у Хелены на самом деле не было времени, они поехали в Скансен. Еще одна жалкая попытка стать хорошей мамой. Они пошли в зоопарк посмотреть на животных, но это был один сплошной стресс. Во второй половине дня Хелена должна была показывать квартиры, и ей нужно было успеть сделать до этого массу дел. Внезапно Люкке начала кричать и плакать и успокоить ее было невозможно. Люди смотрели на нее с осуждением. *Плохая мама*. «Сосредоточьтесь на животных и перестаньте на нас смотреть», – вот что она тогда подумала. Откуда незнакомым людям знать о том, каково ей приходится?

Она протянула телефон.

– Годится. Я перешлю ее на свой телефон? – спросил полицейский.
Хелена кивнула.

– Каким будет ваш следующий шаг? – спросил Харальд. – Наверное, надо подключить отряд местной полиции?

– Можно открыть дверь, а то воздуха не хватает. – Хелена дернула ручку. – Пожалуйста, откройте дверь, – опять попросила она и стянула слишком плотно прилегающую к телу куртку.

– У вас есть вертолеты с тепловизорами? – спросил Харальд.

– Давайте все по порядку. У Люкке есть телефон?

Харальд покачал головой.

– Нет, мы собирались купить ей телефон, но...

– У Харальда другие приоритеты, – оборвала его Хелена. – Он должен был оплачивать расходы на содержание Люкке, но он предпочел тратить все деньги на свою новую семью.

Харальд проигнорировал ее и продолжил:

– ...но она еще слишком мала.

– Мне не хватает воздуха, откройте дверь.

– Мы разошлем везде приметы, чтобы водители такси тоже получили эту информацию. Сейчас мы вызовем сюда подкрепление.

– Не отходите далеко, – сказал другой полицейский наконец, открыв дверь.

Хелена выскочила из машины. Сделала несколько глубоких вдохов и подняла лицо вверх, подставив его дождю.

Эллен. 23.00

Эллен бесцельно колесила по городу, пытаясь отвлечься. Она много раз набирала номер своей мамы, но так и не позвонила. Сказать ей было нечего, и она сделала музыку погромче.

По ветровому стеклу стекали потоки дождя.

Она сосредоточенно слушала музыку на предельной громкости. Самое милое дело.

Вместо того чтобы поехать домой, она решила вернуться обратно на работу, хотя делать этого не следовало.

Она миновала Йердет и свернула на улицу Тегельуддсвеген.

Несмотря на неистовую работу дворников, все равно ничего не было видно, и она в который раз напомнила себе о том, что надо поменять резинки на щетках.

Темнота не прибавляла видимости. В лужах отражался свет автомобильных фар.

Но, подъехав к зданию ТВ4, она не завернула на парковку, а почему-то проехала мимо и поехала дальше в сторону улицы Лидингёвеген, большой магистрали, соединяющей районы Лидингё и Эстермальм. По этой дороге теперь ездили все ее друзья. Как только у них появлялись дети, они переезжали в виллы на остров Лидингё.

Светофор на перекрестке горел красным.

Эллен побарабанила пальцами по рулю. Что она делает? Она что, поедет на Королевский теннисный корт?

Светофор переключился на желтый.

А она это выдержит?

Зеленый.

Она ударила по рулю, чтобы заглушить нарождающиеся в ней чувства.

Опять зажегся красный свет.

Она сделала несколько глубоких вдохов.

– Смерть, смерть, смерть, – закричала она.

И тут она увидела, как полицейская машина въезжает на корт через парадный въезд, который обычно закрыт. Возможно, его открыли из-за обстоятельств.

Обстоятельств.

Когда во второй раз загорелся зеленый, она наконец решилась, пересекла Лидингёвеген, въехала в деревянные ворота вслед за

полицейской машиной и остановилась немного поодаль от трех полицейских машин, которые уже припарковались у корта.

Ей не нужно здесь быть.

Она подпрыгнула от стука в стекло машины. Увидев хорошо знакомое лицо, тихо вздохнула, но опустила стекло.

– Что такая красотка делает тут ночью? – к ней склонился Раггар. – Моет машину под дождем или просто едет мимо, зная, что я здесь? – Он подмигнул одним глазом, одновременно прищмокнув губами. – Ладно, шутки в сторону. Журналисты нам здесь не нужны.

«Так необычно», – подумала Эллен.

Дождь начал быстро затекать в машину, а ветер трепал ей волосы.

– Как дела?

– Да так, ничего нового. Только что сюда прибыл патруль с собакой, который прочесывает окрестности. Мы найдем ее раньше, чем ты проснешься.

Какой же он крупный и самоуверенный. Она впервые встретилась с ним много лет назад, когда он работал охранником в уличном кафе *Кухня*, которое во времена ее учебы в гимназии находилось в помещении. Эллен тогда была еще слишком юной, чтобы ходить в такие заведения. Но он обычно всегда пускал ее с друзьями. Она вспомнила, как он хвастался сшитой на заказ одеждой – ведь он такой большой и вообще одни сплошные мускулы. Возможно, то же самое было и с полицейской формой. Теперь он работал в городской полиции, и она часто на него натывалась. Его звали Раггар. По слухам особой смекалкой он не отличался. Наверняка его просили вести себя тихо, когда бригада выезжала на место преступления, чтобы он не опростоволосился. На шее он сделал себе татуировку: *If you can't do the time, don't do the crime*^[1].

– Машина должна быть без единого пятнышка – ведь последнюю неделю льет, как из ведра. – Он сделал шаг назад и окинул взглядом ее машину, а потом опять наклонился вперед. – Или у розовых авто все не так? – Он громко рассмеялся.

– Раньше? – спросила она.

– Что раньше?

– Ты сказал, что вы найдете ее *раньше*. Вы ведь будете искать ее, пока не *найдете*, или как?

– Ну да, понятно, но ведь уже поздно... – Он скосил глаза на наручные часы.

– А сколько человек ее ищет? – Эллен нетерпеливо оглянулась.

– Сейчас здесь четыре машины. Если мы не найдем ее сегодня

вечером, то найдем ее завтра, вот увидишь. – Он опять подмигнул одним глазом.

Кто-то должен сказать ему, что так не пойдет.

– Завтра? А я могу чем-то помочь сегодня?

Он положил руку на опущенное стекло. Запахло табаком.

– Послушай. Вы, журналисты, не каждый день предлагаете свою помощь. Что случилось? Я что-то пропустил или, может быть, ты просто хочешь потусить здесь со мной? Поезжай лучше домой. Уважь свою семью. Надеемся, что завтра утром новости будут лучше. Хорошо?

Он прав, ей здесь делать нечего.

– Если когда-нибудь захочешь сесть за руль моей машины, просто скажи. – Она подняла стекло и завела двигатель.

Но не успела Эллен включить задний ход, как ее взгляд упал на женщину в юбке и пиджаке с длинными темными волосами, которая, съездившись, стояла у входа. Наверное, мама девочки.

Эллен выключила машину и вышла.

– Послушай, я же просил тебя не вмешиваться. – Раггар поднял руку. – Я сказал, что журналисты нам тут не нужны.

– Брось. Смотри на меня как на обычного человека, который хочет помочь с поисками. – Эллен направилась к входу, но матери там уже не было.

Вместо этого она увидела автомобиль старшего смены, куда стекалась вся информация. Вокруг автомобиля стояли полицейские.

Ветер бил ее по голым ногам. Она до самого горла застегнула кожаную куртку.

Раггар пошел за ней.

– Молодец, – произнесла блондинка средних лет, сидевшая на водительском сиденье с опущенным стеклом. На груди у нее висел значок старшей смены.

– Я пытался, но... – В голосе Раггара поубавилось крутизны.

– Но ты не справился с единственным заданием, которое я тебе поручила, – не пускать сюда журналистов.

Она со злостью посмотрела на Раггара и Эллен и снова принялась разглядывать карту, разложенную на приборной панели.

Рядом стояли два полицейских-практиканта. Эллен очень надеялась, что, несмотря на их юный возраст, работают они продуктивно. Но почему-то у нее возникло чувство, что это не так. Они скорее напоминали двух мокрых щенков, которым хотелось домой.

Эллен подошла к старшей смены и кашлянула.

– Я не знаю, что ты собираешься делать, но мы пытаемся найти девочку, которая исчезла. Ты нас извини, но у нас нет времени на журналистов, которые ходят и что-то тут вынюхивают. Мы друг друга поняли?

– Но...

– Вычеркни К5. Рупстен – Кунглига, – сказал полицейский, сидевший на пассажирском сиденье.

Старшая нарисовала на карте крест. Эллен наклонилась ближе к окну и увидела, что вся карта расчерчена на квадраты. Почти каждый квадрат был перечеркнут.

Эллен вопросительно указала на карту.

– Мы ее найдем, – заверила старшая, поняв, что Эллен собирается сказать. – Но погода нам в этом не совсем способствует. Не могла бы ты отойти?

Эллен сделала, как ее просили, но встала довольно близко к открытой двери со стороны водителя, чтобы слышать сообщения, поступающие по рации из машин, работающих на выезде.

Одна машина сообщила, что они говорили с хозяином собаки в районе Норра Юргордсстаден, но тот не видел ничего существенного.

Рация опять затрещала.

– Вычеркни К8. От Эстермальмского стадиона до улицы Вальхаллавеген – ничего.

– А вы проверили, есть ли здесь камеры наружного наблюдения? – Эллен повернулась к двум полицейским, дрожавшим от холода рядом с ней.

– Они есть, но их нельзя использовать.

– Все камеры закрыты брезентом. – Один из полицейских показал на строительные леса, закрывающие фасад.

В отдалении послышался шум. Один из немногих звуков, которому удалось пробиться сквозь ветер и удары брезента и канатов о три флагштока за кортом.

– Вертолет на подходе, – сообщил полицейский, вышедший из другой машины.

– Как получилось, что вы до сих пор не задействовали вертолет? Ведь ее нет уже почти восемь часов? – Эллен опять повернулась к старшей.

– В Средней Швеции у нас только два вертолета. Когда мы позвонили, один был на Готланде, а другой – на задании в Стренгнесе. Подвинься. – Старшая повернулась к другому полицейскому. Они обменялись парой слов, но Эллен не смогла их расслышать.

Информация по рации постоянно обновлялась. Ничего нового.

Сплошные вычеркивания.

Над их головами кружил вертолет. Она подняла голову вверх, и ей в лицо ударил дождь. Лучи от вертолетных прожекторов были направлены вниз и освещали все вокруг. Ее подмывало спросить, куда подевалась мама девочки, но она не хотела, чтобы полицейские подумали, что она собирается вступить в контакт с семьей. Возможно, родители девочки сидят в другой полицейской машине. За тонированными стеклами ничего не было видно.

От долгого стояния у Эллен заболела спина. Она потянулась и огляделась.

Остановилась глазом на открытых кортах, похожих на бассейны.

Боже мой! Бассейн!

Эллен помчалась по мокрым булыжникам и, перевесившись через холодную стену, заглянула в аквазону. На осмотр бассейна ушла всего секунда – она не увидела ничего примечательного, кроме несколько пустых банок из-под газировки, которые колыхались в воде. Хотя бассейн был освещен, и она отчетливо видела, что на дне, разрисованном под теннисный корт, никого нет, она быстро перелезла через стену к бортику бассейна.

– Что-нибудь нашла?

Раггар шел за ней.

Эллен обошла бассейн, чтобы убедиться, что девочка не прячется где-то поблизости.

– Люкке! – крикнула она и подвинула шезлонги, стоявшие в ряд вдоль бортика. Она сделала еще один круг, не в силах избавиться от ощущения, что вода хочет ей что-то сказать.

– Мы проверяли бассейн, в нем никого нет. Мы осмотрели всю территорию.

– А ты уверен, что она не прячется? – спросила она.

Раггар кивнул.

– А она умеет плавать? – Сердце начало медленно уходить в пятки.

– Вот чего не знаю, того не знаю, – ответил Раггар. – Разве в восемь лет дети умеют плавать? Надо же зарабатывать, как их, плавательные баллы и все такое. По крайней мере, в мое время было так. Сколько мне тогда было? Черт, не помню...

Эллен точно знала, сколько плавательных баллов можно заработать в восемь лет, но промолчала.

– Где ты? – прошептала она, сжимая окоченевшие пальцы. – Ты нас видишь? Ты прячешься?

Она огляделась. Обернулась кругом. В темноте ей показалось, что в кустах шевелятся какие-то тени.

– Люкке, выходи!

– Эй, ты в порядке? – к ней подошел Раггар.

– Ты видел?

– Что?

– Там что-то зашевелилось. – Она указала на кусты перед Эстермальским стадионом. – Нет, там! – Теперь она указывала за теннисные корты. – Ты видел?

– Я вижу только дождь, – отозвался Раггар.

– Она где-то здесь. – Эллен продолжала ходить по кругу, чтобы ничего не пропустить.

– Это оптический обман.

Она вдохнула запах черемухи и закашлялась. Чем энергичнее она дышала, тем тяжелее ей было вдохнуть.

– А не пора ли тебе домой? Такой холод никому не пойдет на пользу.

Эллен почти ничего не чувствовала. Она уже прошла точку замерзания – волосы хоть выжимай, будто она только что из душа.

Она медленно пошла за Раггаром к машинам.

– А почему ее ищут только полицейские? Может быть, надо позвать сюда тех, кто занимается ориентированием? Привлечь отряд местной самообороны?

– Разве в наши дни кто-то еще занимается ориентированием? – Раггар рассмеялся.

– Не знаю. Ну, тогда вызовите поисковый отряд. Что вы обычно делаете, когда пропадают люди? *В наши дни.*

– На то, чтобы организовать поиски силами добровольцев, у нас уйдет больше времени, чем если мы будем искать сами. У нас нет таких ресурсов. – Он положил руку на плечо Эллен в знак того, что разговор окончен.

– Давайте я помогу организовать поиски!

Раггар только покачал головой. Они подошли к машинам, и старшая смены снова бросила неприветливый взгляд на Эллен, прервав разговор с сидящим в машине коллегой.

Шум вертолета становился все слабее и слабее.

– Они уже все? Ведь они только что прилетели. Ее что, не будут искать с вертолета?

– Они искали, но в лесу искать практически невозможно, а на открытой местности поиски проходят быстро. Они ничего не увидели.

– На сегодня все. – Старшая подала какой-то знак, словно объявляла тайм-аут.

– Все? Что? Вы что, с ума сошли? Вы же не можете сейчас прекратить поиски?

– Сегодня мы больше ничего делать не будем. На сегодня поиски окончены.

– Но ведь речь идет о ребенке! Вы связывались с кавалерией? Может быть, они могут помочь. С лейб-гвардией? Позвоните на конюшню! Они же здесь, на Лидингёвеген. – Для наглядности Эллен показала в сторону конюшни. – Вы должны обратиться за помощью!

– Если ты сейчас же не оставишь нас в покое, нам, к сожалению, придется сделать то, что никому не понравится...

Но Эллен проигнорировала это предупреждение.

– Если сейчас вы сдадитесь, я расскажу об этом в завтрашних утренних новостях. Я расскажу, что вы сделали не все. Завтра может быть поздно. Вы слышите, что я говорю? Вызовите сюда подмогу! Вы же не можете просто так пойти домой и лечь спать!

– Сделать больше мы всегда можем, но надо быть реалистами. – Старшая подняла стекло.

Остальные полицейские расселись по машинам и выехали в сторону Лидингёвеген.

– Эй, реалисты! – крикнула Эллен им вслед.

Хлоя. 03.45

Хлое приснилось, что у нее выпали все зубы. В отчаянии она подбирала их по одному с пола и пыталась вставить обратно в десны, стараясь пальцами удерживать их на месте. Но удерживать все зубы одновременно не получалось – они продолжали выпадать.

Ее разбудил пронзительный вой сирены с улицы.

– Харальд! – вскрикнула она, садясь на диване. Звук сирены стих. На всякий случай она проверила, на месте ли зубы, и с облегчением вздохнула, поняв, что это всего лишь сон.

Она не выключила телевизор, и с экрана негромко рекламировали какой-то интернет-магазин, где продавали тренажеры, способные творить чудеса.

Хлоя посмотрела на телефон – часы показывали четверть пятого утра. Ни одного пропущенного звонка. Где Харальд? Он пришел домой? Они нашли Люкке?

– Харальд! – позвала она еще раз, вставая с теплого мягкого дивана.

Она вытерла под глазами, чтобы проверить, не потекла ли тушь. Зажав светлые локоны между указательным и средним пальцами, уложила волосы, словно щипцами.

Она взяла с придиванного столика видеоняню, стоящую на кипе журналов для мам, и включила устройство на полную громкость. Услышала легкое дыхание своего сына. Напряжение в шее и плечах немножко спало. На дисплее она увидела Людде. Картинка была немного расплывчатой, но было понятно, что он мирно спит в своей кровати.

Ей захотелось просто подойти к нему, взять его на руки и обнять. Поддержать на руках. Крепко прижать к себе и никогда не разжимать объятий.

На одном из кресел валялся свитер Люкке. Хлоя сразу же почувствовала раздражение. Но на этот раз оно быстро прошло. Она взяла свитер и прижала его к себе. «Я знаю, – подумала она, – Люкке всего лишь ребенок».

Хлоя прошлась по квартире, только чтобы удостовериться, что Харальд домой не приходил. Она попыталась ему позвонить, но он не ответил. При входе на кухню Хлоя споткнулась о банки с краской, стоявшие прямо на полу. Очень больно ударив палец на ноге, раздраженно выругалась по поводу того, что они никак не могут закончить ремонт.

Какой идиот поставил банки на проходе? Людде не может спокойно ползать, рискуя пораниться о разбросанные повсюду инструменты и лизнуть ядовитую краску. Жить дальше в этой строительной пыли становится опасным для здоровья. Она должна попросить Харальда снова поговорить с рабочими о сроках.

Ремонт шел с тех пор, как они купили квартиру больше года назад. Они провели в гостинице Харальда несколько самых хлопотных месяцев, но когда спальни и ванная комната были готовы, переехали домой. Они больше не могли жить на чемоданах. Им приходилось переезжать из номера в номер из-за различных гостей, которым отдавалось предпочтение.

Когда они жили в гостинице, она почти не виделась с Харальдом. Он словно пользовался случаем и работал круглые сутки, раз уже все равно был на работе. Каждую вторую неделю вместе с ними в гостинице жила Люкке. Когда люкс был занят, они занимали два двухместных номера. Харальд и Люкке всегда селились в одном номере.

Раз от раза легче не становилось. Хлоя знала, что нельзя ревновать к ребенку, но ничего не могла с собой поделать. Харальд делал выбор не в пользу ее и Людде.

Харальд быстро напомнил ей, что они живут тут ради нее. Ведь именно она так хотела эту квартиру. Да, конечно, это так, но ведь и он не возражал? Разве это не было их совместным желанием?

Как только она забеременела, они принялись искать жилище своей мечты. Ей хотелось жить только на улице Карлавеген. Она выросла на этой улице, и все школы, в которые она ходила, были в двух шагах отсюда.

Окна должны выходить на солнечную сторону с видом на аллею посреди улицы. Рядом с супермаркетом «Айса эспланад». Не станет же она ходить за покупками в «Куп», который находится немного дальше.

Когда они наконец нашли достаточно большую квартиру в правильном месте, оставалось только ударить по рукам. Они купили квартиру со свежим ремонтом, но у предыдущего владельца полностью отсутствовал вкус, и ей совсем не нравилась планировка.

Они переделали все.

Хлоя собралась налить себе чаю, когда услышала поворот ключа во входной двери. Она отставила в сторону электрочайник и поспешила в холл.

Харальд как парализованный стоял на коврике у входа и пристально смотрел в пустое пространство. Будто ее тут не было. На сапогах застыла глина, с одежды текло.

– Ничего? – спросила она.

Он покачал головой:

– Ничего.

Тон у него был подавленный.

– Ужасно. Где она может быть? Что говорит полиция?

Харальд ничего не ответил и рухнул в кресло.

– Надо снять с тебя мокрую одежду, ты заболеешь. – Она попыталась помочь ему скинуть куртку, но он только отмахнулся.

Сделав несколько глубоких вдохов, она попыталась понять, что происходит.

– Ты чего-нибудь хочешь? Чаю? Воды?

Харальд закрыл лицо руками.

Хлоя провела рукой по его мокрым волосам. Прикоснулась губами ко лбу.

– Завтра придет мама и посидит с Людде. Мне жаль, что сегодня вечером я не могла искать вместе с вами. Мы ее найдем. Я уверена.

Харальд, похоже, слушал ее вполуха.

– Завтра все закончится. Завтра она опять будет здесь, с нами. – Хлоя попыталась говорить убедительно.

Харальд встал и пошел по коридору в сторону спален. На полпути повернулся и посмотрел на нее пустыми глазами.

– Пойду лягу.

– Сейчас? – Она удивилась и не смогла скрыть разочарование. – Давай поговорим.

– Я страшно устал и должен поспать. – Он отвернулся от нее и пошел дальше. Его сапоги оставляли мокрые следы на только что выложенном елочкой паркете.

– Я тут сижу целый вечер, волнуюсь. Без конца звоню тебе, но все без толку. И вот ты приходишь домой и сразу же ложишься!

От злости она была готова рвать и метать.

Харальд задержался у комнаты Люкке и открыл дверь. Зажег свет и сразу погасил его. Посмотрел на пол, а потом направился в их спальню в самом конце коридора.

Хлоя пошла за ним.

– Ты считаешь, что это моя вина? Я не получала твое сообщение. Я не знала, что должна забрать ее. Ты можешь проверить в моем телефоне, если не веришь мне.

Харальд, не раздеваясь, молча лег на покрывало.

– Погаси свет, – попросил он ее.

Хлоя стояла в дверях.

– Но в чем дело? Ты злишься на то, что я оставила ее на Лидингёвеген? Ты ее чересчур опекаешь. Ей уже восемь лет. Разве она не в состоянии пройти несколько метров до входа? – спросила она.

– Разумеется, в состоянии. Нет, я не злюсь, – ответил он.

Его спокойный голос еще больше вывел ее из себя.

– Ты бы хоть разделся.

На самом деле ей было все равно, что станет с паркетом фирмы «Миссони» от его грязных сапог и мокрой одежды. Но она ухватилась за первое попавшееся, пытаясь заставить его выслушать ее.

У Харальда зазвонил телефон. Первый раз с тех пор, как он пришел домой, он на что-то отреагировал. Он быстро достал телефон из кармана брюк и ответил.

– Алло? Нет, не знаю. Я только что говорил с полицией, у них нет никакой новой информации. Они давно сдались. Да, я только что вернулся. Конечно, теперь постарайся поспать. – Он положил телефон на ночной столик и случайно опрокинул фотографию ее и Людде в рамке, которую она туда поставила.

– Кто это был? – спросила она, хотя уже знала.

Харальд свернулся калачиком, по-прежнему к ней спиной.

– Почему ты не отвечаешь, когда я с тобой разговариваю? – Она понимала, что находится на грани истерики, но ничего не могла с собой поделать.

– Потому что ты еще больше выйдешь из себя, если я скажу, кто это. Честно говоря, у меня сейчас на это нет сил.

– Почему с Хеленой ты можешь говорить, а со мной не можешь?

Ее охватил сильный приступ ревности.

Она подошла к кровати и взяла его за руку, пытаясь развернуть его к себе.

– Пожалуйста, Харальд, не выводите меня из игры. Ты что, не понимаешь, как я волнуюсь? Я пыталась связаться с тобой целый вечер. Почему ты со мной не разговариваешь?

На глаза навернулись слезы.

– Хлоя, я не вывожу тебя из игры. Дело не в тебе. Попробуй это понять. Пожалуйста, давай поговорим об этом завтра. Мне надо хоть немного поспать, а потом я опять поеду на поиски. И пожалуйста, не кричи так, ты разбудишь Людде.

Хлоя запахнула халат и так хлопнула дверью, что задрожали стены.

Выйдя из комнаты, сползла на пол. Все шло не так, как она себе представляла.

Суббота, 24 мая

Эллен с трудом нажимала на клавиши – ладони все еще были совершенно окоченевшими. Она сидела в мокром платье, поскольку не успела съездить домой переодеться.

Она поехала прямо на работу, чтобы выложить приметы девочки и призвать посетителей сайта и зрителей обращаться на ТВ4, если они что-то видели или слышали.

Она стянула с себя насквозь промокшие, запачканные глиной туфли и забралась с ногами на стул, чтобы попытаться согреться.

Поскольку полиция четко дала понять, что не хочет никакой информации от общественности из-за нехватки ресурсов, коллега из веб-отдела помог Эллен создать отдельный аккаунт и электронный почтовый ящик для входящей информации, куда будут поступать все электронные письма, смс-сообщения и звонки от граждан.

Всю ночь она искала Люкке. В конце концов, она связалась с добровольным поисковым отрядом и после согласия полиции и родственников девочку объявили в розыск.

Потрясающе, сколько же людей им удалось собрать в дождливую холодную ночь с пятницы на субботу. Почти двести человек прочесывали парк Лилль-Янсскуген и район Норра Юргорден. Они искали в канавах, на велосипедных дорожках, в лесу и на лестничных площадках.

Но Люкке словно след простыл.

Эллен, как заведенная, обновляла ящик входящих сообщений от телезрителей, но ничего ценного пока не было. «Наверное, люди еще спят», – подумала она. Несколько поступивших писем носили шуточный характер; кто-то видел, как Эмиль поднимал Люкке на флагшток Королевского дворца, кто-то видел ее среди участников *Танцев со звездами*. Банально и пошло. Ее раздражало, что Уве прав. Но в первую очередь в ней самой зрело неприятное чувство.

Эллен открыла браузер и зашла на форум «Флэшбэк», чтобы посмотреть, что они успели сделать. В рубрику «Актуальные темы» уже поступила информация о Люкке. Там были выложены ее приметы и фотография, которую Эллен дала полиция.

Среднего телосложения. Рост 130 см. Белая теннисная юбка и футболка. Розовая сумка с теннисной ракеткой. Длинные светло-каштановые волосы.

Имелась также ссылка на телеграмму из выпуска новостей и две короткие заметки с сетевых страниц вечерних газет. Слухи о том, что папа, наверное, узнал, что девочка не его. Может быть, он почувствовал себя обманутым и преданным, словно всю жизнь жил в мире иллюзий.

Эллен вздохнула и открыла новый документ, чтобы записать ту информацию, которую удалось собрать о семье.

У матери Люкке было довольно обычно имя, и Эллен пожалела, что нельзя сразу отфильтровать всех спортсменов с таким же данными и ссылки на продажи квартиры. Ничего ценного о матери она не нашла.

О Люкке также ничего не было. Она была слишком маленькой, чтобы оставить след в Интернете, и к тому же ее имя не разгласили. Пока что.

Эллен увеличила фотографию девочки.

Волосы Люкке развевались на ветру. Похоже, фото была сделано в Скансене, рядом с оленями.

Хорошенькая девочка. Ангельское личико с маленьким носиком, ясными глазами и длинными, слегка волнистыми волосами. Рот полуоткрыт, и, похоже, между зубами щербинка.

– Где ты? – прошептала Эллен, словно фото могло дать ответ.

– С кем ты разговариваешь?

– Как ты меня напугал! – Она аж подпрыгнула.

– Извини. С тобой все в порядке? – Джимми пристально смотрел на нее.

Она пожала плечами.

– Так рано, а ты уже на работе, – заметил он.

– Ты тоже. – Она мельком взглянула на него. Интересно, как для него закончился вчерашний вечер. Волосы взъерошены, одет в джинсы, толстовку и камуфляжные кеды «Ванс».

– Я набросала сценарий для первого выпуска новостей.

– Хорошо. В каком ключе?

– Что ты имеешь в виду? Мы призываем общественность помочь нам в ее поисках. Она находится где-то неподалеку, и мы должны ее найти. Ты говорил с редактором «Утра новостей»? Мы должны задействовать как можно больше ресурсов. – Она встала и направилась на кухню. – Теперь пойду налить себе кофе.

– А ты знаешь, что на тебе нет туфель? – Джимми пошел за ней. – Подожди.

Эллен остановилась.

– Я только что говорил с моим источником в полиции и узнал, что ты пыталась задействовать кавалерию, поисковый отряд и бог знает что еще.

Мой источник также сказал, что ты угрожала полиции написать о том, что они не выполняют свою работу.

– Ты и твои источники. – Она продолжала идти.

– У нас должны быть хорошие отношения с полицией. Это крайне важно для нашего выживания.

– Ты это серьезно? – Эллен остановилась и покачала головой. – Крайне важно найти девочку живой. В буквальном смысле этого слова. И если я тебя правильно поняла, ты считаешь, что мы не должны реагировать, если полиция ошибается или не выполняет свою работу?

– Успокойся. Естественно, мы должны оценивать работу органов власти, но полиция никакой ошибки тут не совершила. У них есть свои наработки, которым они следуют, – продолжал Джимми.

– Абсолютно верно, это твой взгляд на вещи, только их наработки не сработали. Они ее не нашли.

– Нет, но и ты ее не нашла, хотя подняла на ноги весь город, ведь так?

Эллен глубоко вздохнула.

– Что-то еще? – Она встала лицом к кухонному шкафу, не ожидая ответа.

Он действительно не помнит?

– Эллен?

– Что? – Она неохотно повернулась.

– Нам надо поговорить.

– Говори. – Она взяла в шкафу последнюю чистую кружку и поднесла к кофейному автомату. Нажала на кнопку «Экстракрепкий кофе». Машина глухо загудела, но кофе не лился в стаканчик.

Она со злостью пнула автомат.

– Успокойся.

Эллен нажала на кнопку еще раз и почувствовала больше облегчение, когда у Джимми зазвонил телефон.

– Подожди, я должен ответить, – сказал он и отошел.

Кофе наконец полился в чашку.

– Держите меня четверо, что я вижу? На работе после бурной ночи.

Это был Филип. Как обычно, он говорил громко и четко, так что его поневоле слышали все, кто находился в тот момент на кухне, хотели они того или нет.

– Мне кажется, я никогда не видел тебя в одной и той же одежде два дня подряд. И без туфель. Ну, как он? – Филип ослепительно улыбнулся. От него пахло стиральным порошком и шампунем.

– Привет. – Эллен сделала глоток свежего кофе.

– Ты знаешь, что твои глаза похожи на два только что побритых лобка?
Эллен чуть было не выплюнула кофе на пол, но ей удалось удержать его во рту.

– Что? Ты с ума сошел?

– Придешь ко мне в гримерку, когда будет время, и я приведу тебя в порядок, – ответил Филип.

– Тут грим не поможет.

– Извини меня, но ты говоришь с одним из лучших шведских визажистов. Ты понимаешь, что только что оскорбила меня. По-крупному. – И хотя Филип соорудил одну из своих самых безобразных гримас, он был хорошенький, как кукла. Его лицо обрамляли золотистые вьющиеся волосы. Фарфоровая кожа и длинные темные и, разумеется, загнутые ресницы.

Подойдя поближе, он прошептал:

– Что, хорошо было? Сколько раз?

– Эллен всю ночь искала пропавшую девочку, – сказал Джимми, который уже закончил разговор.

– Что ты делала? – На этот раз Филип спросил серьезным тоном и покачал головой. – Скажи, что ты шутишь, – продолжал он, открывая кухонный шкаф.

– Больше ее никто не искал... – Слова застряли у нее в горле.

– Послушай. – Он смотрел на нее в упор. – Это не твоя ответственность. Это не твоя вина. Ты меня слышишь? – Он взял ее за подбородок. – Ты не можешь изменить то, что случилось, найди ты эту девочку или нет. Ничего не изменится.

Филип открыл еще один шкаф.

– Вы что, издеваетесь надо мной? У нас четыре посудомоечных машины и ни одной чистой чашки? – Он сорвал со стены белой гламурной кухни лист А4. – Вы читать умеете? – Он поднял лист, чтобы все, сидящие за круглым столом, смогли его увидеть. – *Твоя мама здесь не работает.* Что тут непонятного? Я в шоке. – Он смял листок. – Но еще больше я беспокоюсь. Страшно беспокоюсь. Слышишь? Ты посмотри на себя. На тебе это скажется.

Филип знал ее лучше всех. Они подружились еще в юности, когда вместе учились в школе-интернате Лундсберга. Они сразу же нашли друг друга. Обоих отправили туда против их воли. Эллен потому, что ее родители наконец смогли от нее избавиться, а Филипа потому, что гомосексуальность портила имидж семьи аф Лестер.

Он взял грязную чашку, стоявшую в мойке.

– Ты можешь попытаться хоть один раз подумать о себе? – спросил он и начал мыть чашку руками.

– Эллен, нам надо поговорить, – вклинился Джимми.

– Ну ладно, – прервался Филип, – не буду вам мешать. – Я все равно не смогу выпить здесь кофе. – Он положил чашку в мойку и вытер руки. – Занимайтесь своими делами, а я пойду гримировать Лотту Энгберг, что не менее важно. Она будет петь детские песенки с прелестным маленьким детским хором. – Подмигнув одним глазом, он бросил на Эллен странный взгляд и исчез в сторону гримерки.

– Через час, когда все будут на месте, мы проведем совещание с остальными членами нашей команды, – объявил Джимми. – Я хочу, чтобы ты продолжала работать над этим делом, если с тобой все в порядке.

Эллен кивнула.

– Анна пусть собирает материал. – Джимми взял булочку с барной стойки. – Оператором у тебя будет Андреас.

– Он уже вышел из декретного отпуска?

– Как раз сегодня его первый рабочий день. Он не снимал несколько месяцев, но считается лучшим. Впрочем, ты и сама это знаешь. – Джимми многозначительно посмотрел на нее.

Андреас и Эллен встречались недолгое время, когда она пришла работать на ТВ4, но сейчас они были просто коллегами.

Джимми разрезал булочку пополам и намазал ее маслом.

– Если меня не подводит интуиция, до конца этого дела еще очень далеко. А интуиция меня обычно не подводит. – Он отрезал сырорезкой несколько ломтиков сыра, сверху положил ломтик ветчины, три кружочка огурца и кусочек красной паприки. Получился человечек. – Красиво, правда?

Эллен почувствовала себя совершенно без сил, она едва могла стоять на ногах. Она не спала больше суток.

– Ты в порядке? – Он взял ее за руку.

Она отдернула руку.

– Да.

– Хорошо, извини. Извини.

– Просто я устала.

– Ты можешь работать?

– Да. Мы должны найти девочку. – Она сделала глоток кофе.

– Да, но еще мы должны создавать новости и самое важное в данный момент... – Джимми откусил большой кусок бутерброда и, прожевав его, продолжил: —...ты можешь сделать так, чтобы мама девочки участвовала

завтра в утренней передаче?

– Что? У Тильды?

– Завтра День матери. – Он откусил еще кусок бутерброда. – Стопроцентное попадание.

Сбросив с себя одеяло, она села на кровати. И только через несколько секунд вспомнила, что случилось.

Она продолжала сидеть на кровати, закрыв голову руками. Влажные волосы нависали на уши. Голова болела, во рту пересохло.

Очевидно, она задремала после душа. Она помнила, что легла на кровать, обмотавшись сырым полотенцем, чтобы дать отдых глазам. А сейчас уже восемь. Значит, она проспала почти три часа.

Она медленно встала и сделала несколько шагов. Ноги ныли после вчерашних поисков.

Из-под одеяла раздалось жужжание. Она стала лихорадочно искать телефон и, в конце концов, нашла его под подушкой.

– Хелена. – После вчерашнего крика у нее почти пропал голос, и было больно глотать.

– Привет, это Юнас Ватт из «Афтонбладет». Извини, если я не вовремя...

– «Афтонбладет»? – У нее совсем пропал голос. Она откашлялась, чтобы вернуть его. – Так ты из газеты?

– Да, именно. Самая большая вечерняя газета в Швеции. Извини, что звоню так рано, – продолжил он. – В первую очередь прими мои соболезнования.

Сердце бешено забилося.

– Соболезнования? Что ты хочешь сказать? Разве полиция нашла ее? Она...?

– Нет, нет. По крайней мере, мне это неизвестно. Извини, если не так выразился, я хочу сказать, что нам жаль, что ваша дочь пропала. Мы хотим сделать все, что в наших силах, чтобы помочь ее найти, и мы заметили, что наши читатели горят желанием помочь. Поэтому хотим тебя спросить: а ты не хочешь вести для нас блог, чтобы читатели могли следить за поисками?

– Что?

– Тебя, должно быть, испугало слово «блог», но обычно это не занимает много времени. Ты можешь рассказывать мне, а я буду записывать. Мы называем это «блогом» главным образом для читателей. Понимаешь ход моих мыслей?

– Блог?

– Да, именно, – подтвердил журналист.

– Ты что, шутишь?

– Нет, вовсе нет, разреши мне объяснить...

Не дав ему продолжить, она положила трубку.

У нее зачесались руки. Потом плечи. Она неистово чесалась, одновременно листая пропущенные звонки – ни одного знакомого номера.

Она прослушала сообщения на автоответчике. У нее хотели взять интервью шесть различных газет и сайтов.

Теперь у нее чесалась вся спина.

Хелена надела халат и пошла на кухню. Выдвинула верхний ящик под мойкой. Она жила в этой квартире почти четыре года, но так и не привинтила ручки к белым дверцам. Несмотря на большое количество попыток, ящики так и оставались без ручек. И она привыкла.

Ящик был доверху забит. Она перебрала несколько коробочек и баночек, пока не нашла альведон. Потом ей попался никотинелл, и она быстро засунула в рот две жвачки. Открыла буфет и достала муку, сахар, гречку и пачку заготовки для кекса, срок годности которой истек несколько месяцев тому назад. Она все собиралась заняться выпечкой вместе с Люкке, но не хватало времени. Хелена дотянулась до задней стенки буфета – а вдруг там осталась пачка сигарет? Она пошарила рукой, но ничего не нашла.

Вместо этого взяла две таблетки альведона, запрокинула голову и проглотила их, не запивая.

Подойдя к окну, выглянула на улицу Ньюбругатан. Никого. В это субботнее утро все еще спали. Словно ничего не случилось. Дождевая вода лилась вниз по слегка покато́й улице.

Тело все еще зудело, и на руках алели расчесы.

Хелена хотела было позвонить в полицию, но передумала. Может быть, лучше позвонить Харальду.

Всю ночь они искали Люкке и прекратили поиски только в четыре утра. Харальд поехал домой к своей семье, а Хелена поехала к себе домой. Она огляделась и тотчас вспомнила об электронном письме.

Его надо уничтожить.

Она выбежала в холл и села за маленький письменный стол, такой же узкий, как и ее лэптоп.

Они жили в маленькой трехкомнатной квартире. Спальня Люкке, ее собственная спальня и маленькая гостиная. Это все, что они могли себе позволить.

Когда они развелись, она получила от Харальда четыре миллиона. Вот ее стоимость. Ее ценник. Большие деньги, но только не для Харальда.

Сумма никак не отразилась на его кошельке, и тем не менее он не пожелал дать ни ей, ни хотя бы Люкке, больше.

Она, конечно, могла бы купить более просторную квартиру в другом районе, но ей хотелось жить только на Эстермальме. Их дом не самый лучший на этой улице, но жить можно. Подземная парковка, хорошо организованное пространство. Удачное вложение, если на рынке жилья когда-нибудь произойдут изменения. Последний год дела шли неважно. Квартиры продавались с трудом. Престижный район или первоклассный ремонт никакой роли не играли. В наше время никто не хотел расставаться со своими деньгами.

Компьютер, как обычно, включился не сразу. Пока он загружался, у нее забило сердце. Она сидела и барабанила пальцами по столу. Почему она не стерла мейл до того, как легла спать? А вдруг его кто-то нашел? Можно ли понять, что она его прочла? Она не представляла, возможно ли это.

Когда компьютер заработал, она вошла в электронную почту и принялась искать. Имя тренера по теннису выскочило у нее из головы. Задав в поиске слово «теннис», она наконец нашла письмо об отмене занятий и стерла его.

В ту же секунду зазвонил телефон. Она вздрогнула, словно ее застали врасплох, и прежде чем ответить, полностью очистила корзину.

Звонок был из полиции – ее просили прийти.

* * *

Через тридцать пять минут вместе с Харальдом она переступила порог комнаты для допросов в здании стокгольмской полиции.

Маленькая комната оказалась безликим офисом с ламинатом на полу и типичной казенной мебелью. Белые стены с желтоватым оттенком. Шторы не стирались несколько лет.

Хелена впервые попала в большое здание на острове Кунгсхольмен, если не считать тот раз, когда стояла в очереди за новым паспортом. Но это было в другой части здания.

Она не стала снимать пиджак, хотя он вымок по дороге от машины. Сжав ладони в кулак, она постаралась по возможности ничего не задеть в комнате, когда шла к одному из стульев, чтобы сесть.

Напротив них сидели два полицейских в штатском, с которыми они раньше не встречались. Оба – мужчины средних лет. Один представился

как какой-то там дежурный, а другой – как руководитель следственной группы.

От названия их должностей ей стало не по себе.

Дежурный по имени Микаэль просматривал какие-то бумаги, а второй, Ларс, печатал на компьютере.

На обоих – клетчатые рубашки, заправленные в брюки. У руководителя следственной группы мобильник в водонепроницаемом чехле был прикреплен к поясу голубых джинсов. У обоих плохая осанка, оба сидели, наклонив головы вперед.

«Наверное, они согнулись под тяжестью всего того, с чем им приходится сталкиваться», подумала Хелена и выпрямилась.

Над ними висело несколько невыразительных постеров из «Икеи» с силуэтами больших городов. Один из них изображал Нью-Йорк до 11 сентября. Другой город она не узнала.

У нее накопилось множество вопросов к полицейским. Ей хотелось задать вопросы и попросить стакан воды, но она тихо сидела и ждала.

Харальд сидел с ней рядом, выглядел он неважно.

– Вы это узнаете? – вдруг спросил следователь и развернул экран так, чтобы им было видно.

Хелена вздрогнула и закрыла рот рукой.

– Где вы ее нашли?

На фотографии была сумка Люкке.

– Что это значит? – Она не понимала. Спина взмокла, и зачесалось одно плечо. Затем другое, и скоро снова чесалась вся спина.

– В парке Роламбсховспаркен, – кратко ответил полицейский.

– В парке Роламбсховспаркен? – Голос у Харальда дрожал. – Почему там? Вы можете объяснить?

– Да, я понимаю, у вас будет масса вопросов, и мы ответим на все, что сможем, – сказал дежурный полицейский, растягивая слова. – Сейчас трудно сказать, что означает эта находка.

– Но мы хотим, чтобы вы знали: мы относимся к этому очень серьезно. Найденная сумка с большой вероятностью указывает на то, что Люкке куда-то увезли против ее воли.

Харальд откинулся на стуле и в отчаянии всплеснул руками, как будто это был конец. Конец.

– Мы подозреваем, что ее похитили.

Похитили... Только от одного слова у нее внутри все сжалось.

– Да, надеюсь, мы ошибаемся, но мы составили заявление о похищении и возбудили уголовное дело.

Хелена попыталась поймать взгляд Харальда, но он пустым взглядом смотрел прямо перед собой.

– Мы послали сумку на техническую экспертизу, но нам надо знать, что в ней лежало, чтобы выяснить, чего не хватает. – Полицейский взял ручку и приготовился записывать.

Хелена и Харальд сидели молча.

– Простите, – сказал дежурный, не получив ответа. – Я понимаю, что на вас столько всего свалилось, но вы должны пытаться помочь нам и отвечать на вопросы.

– Да, конечно, – откашлялся Харальд. – Но, честно говоря, я не знаю, что лежало у нее в сумке. Сумку ей собирала няня.

– Няню зовут Мона... – добавила Хелена и внезапно впала в ступор. Она не могла вспомнить фамилию Моны, хотя та работала у них несколько лет. – Ты помнишь ее фамилию? – спросила она Харальда, который, извиняясь, покачал головой.

– Нам придется задать вам и людям из вашего окружения, которые могут знать, где Люкке, еще несколько вопросов. Обычная рутинная работа. Мы также хотели бы взять у вас образцы слюны, чтобы сделать анализ следов ДНК, которые наверняка найдут на сумке. Даже если не вы собирали эту сумку, вы ведь точно до нее дотрагивались. Нам также нужна зубная щетка Люкке или что-нибудь в этом роде, чтобы сделать анализ ее ДНК.

– Ответ будет готов не позднее среды, – вставил руководитель следствия. – Но мы надеемся найти вашу дочь раньше.

Не очень убедительно, но Хелена была вынуждена ухватиться за эту версию, чтобы совсем не потерять контроль над ситуацией.

Руководитель следствия выразительно посмотрел на дежурного, и тот тотчас исчез из комнаты.

В сумке Хелены зажужжал телефон, но она не стала брать трубку.

– Мы хотели бы осмотреть компьютер Люкке, если он у нее был. А также все, что может дать хоть какие-нибудь зацепки.

Оставшийся в комнате полицейский сначала посмотрел на Харальда, а потом задержал взгляд на Хелене.

– Своего компьютера у нее нет, но иногда я разрешаю ей пользоваться моим старым, – сказал Харальд.

– Хорошо. Наверняка многие сейчас хотят с вами связаться. Не только родственники, но и пресса. Сегодня утром на нас оказали большое давление, и мы назначили пресс-конференцию на одиннадцать часов. – Полицейский бросил взгляд на часы. – Это через два часа, и я думаю, будет

хорошо, если вы скажете несколько слов. Чтобы от вас все отстали.

– Что? – невольно вырвалось у Хелены. Куда она попала? Блоги, пресс-конференции...

– Спокойно. – Харальд убедительно посмотрел на нее. – Я согласен, мы должны делать все, что можем.

Перед глазами Хелены возникли фотографии родителей пропавшей Мэдли Макканн. Английской девочки, которая бесследно исчезла несколько лет назад, когда семья отдыхала в Португалии. Родители дали массу интервью, но так и не нашли свою дочь.

– Нам нужна любая помощь, которую нам могут оказать. Может быть, звучит странно, но СМИ обращаются к общественности не так, как мы. И поверьте мне. Лучше поговорить с журналистами во время пресс-конференции, чем отдельно. Эти журналисты – как настоящие коршуны.

Хелена еще раз вспомнила британскую семью и то, как родителей записали в подозреваемые.

– А что, по-вашему, мы должны сказать? – спросил Харальд.

– Это решать вам, но будь я на вашем месте, я бы попросил общественность о помощи. Кто-то мог что-то видеть. У вас есть несколько часов на подготовку. До начала пресс-конференции мы все вместе обсудим.

Хелена надеялась, что Харальд запомнит слова полицейского, она сама была не в состоянии сосредоточиться.

– Мне надо задать вам еще пару вопросов, – продолжил полицейский, настраивая стоящий на столе маленький магнитофон.

– Время – восемь сорок утра, комната для допросов номер три...

Хелена нервно смотрела на Харальда, пока полицейский зачитывал детали.

– Позже мы допросим вас по отдельности. Чистая формальность. Вам незачем волноваться, но сейчас нам надо задать вам несколько вопросов, просто-напросто добавить кое-какие сведения, – объяснил он, глядя перед собой из-под кустистых бровей. – Извините, но где именно вы находились вчера, – он заглянул в свои бумаги, – когда исчезла Люкке?

– Я был на работе, – быстро ответил Харальд.

Похоже, полицейскому не очень понравился такой быстрый ответ, и он задал дополнительный вопрос.

– Не подумайте, что я хочу вас как-то задеть, это просто обычная рутина. Но кто-то может это подтвердить?

Харальд кивнул и написал кое-то имя на лежавшем перед ним листе бумаги.

Полицейский повернулся к Хелене.

– Я тоже была на работе.

– Кто-то может это подтвердить?

Хелена написала имя своей коллеги. Как только она выйдет отсюда, она сразу же позвонит ей.

Вернулся дежурный и сел рядом со следователем. Они кивнули друг другу, будто между ними существовала негласная договоренность.

– В адрес вашей семьи поступали угрозы? – спросил дежурный.

– Угрозы? Что вы имеете в виду? – спросила Хелена. Ей показалось, что в комнате стало нечем дышать.

– Вам кто-то угрожал?

Хелена посмотрела на Харальда, который покачал головой.

– Кто-нибудь требовал у вас деньги?

– Что? Вы что, подозреваете, что ее похитили? – Он запнулся.

– Мы должны рассматривать все варианты, – ответил дежурный.

– Но... – Харальд сдержался и замолчал. Его плечи опускались все ниже и ниже.

– Я хочу, чтобы вы знали: у нас вы можете чувствовать себя в безопасности. Если у вас кто-то требовал деньги, чтобы вернуть вам вашу дочь, вы должны нам это рассказать. Мы знаем, как поступать в таких ситуациях. Если это так, вы должны нам рассказать. У нас было несколько случаев, когда похитители угрожали родителям, чтобы те не шли в полицию, но мы знаем, как с этим справиться, вам не надо бояться.

Угрозы? Выкуп? Одна сплошная мешанина из слов, которые друг с другом никак не соотносятся. Внезапно все стало происходить как в замедленной съемке.

– Вам не казалось, что вас преследуют?

– Кто-нибудь желал Люкке зла?

Нет! Нет! Нет! Прекратите!

– А как у нее в школе с друзьями?

– Хорошо. – Харальд, к счастью, вроде бы владел своими чувствами и отвечал на вопросы.

– Значит, по вашему мнению, никто не желал зла ни ей, ни вам? – опять спросил следователь.

Хелена потерла глаза и посмотрела на полицейских. Покачала головой. Следователь стучал по клавиатуре.

– Хотите сообщить нам что-то еще? – Сначала он посмотрел на нее, а потом на Харальда. – Какая у вас дома обстановка?

– Что вы хотите сказать? Мы ведь в разводе, у Харальда новая семья... – Хелена замолчала.

Полицейские ждали, что она договорит фразу до конца.

– Вы думаете, что ее нет в живых? – Вопрос Харальда прорезал воздух.

Хелена задержала дыхание.

– На это вопрос я не хочу и не могу отвечать, оснований так считать нет, и от того, что мы будем строить здесь предположения, легче не станет. Мы ищем вашу дочь, и пока у нас нет никаких других сведений, мы исходим из того, что она еще жива.

– Извините, что опоздала. – Эллен закрыла за собой дверь конференц-зала *Хей Бабероба*, где все уже собрались. – Я только что говорила с полицией, они нашли сумку Люкке в парке Роламбсховспаркен. Через три часа состоится пресс-конференция.

– Хорошо, будем вести прямую трансляцию в Сети. Проследите за тем, чтобы они вставили эту новость в «Утро новостей», – сказал Джимми, сидящий во главе стола. – Мы сможем включить это в следующий выпуск новостей?

– Конечно, – сказала Эллен и, наскоро обняв Андреаса, села. – С возвращением. – Как хорошо, что они станут работать вместе.

– Спасибо, я совсем не против поработать. Даже в субботу. – Хоть он и улыбался, глаза у него были в красных прожилках. – Один ребенок – это психическая перестройка, двое детей – это, черт возьми, физическая перестройка. Я совершенно без сил.

Он не изменился. Просторные джинсы и еще более просторная футболка с надписью «Fuck the Fuckers»^[2] большими буквами на груди.

– Посмотрим, что ты скажешь, когда у тебя будет трое детей, – сказала Анна, сидевшая напротив них. – И могу сказать, что когда они вырастут, легче не станет.

Стакан Детеканн был всегда наполовину пуст. На самом деле коллегу звали Анной, но Филип с Эллен звали ее Детеканной. Она утверждала, что читает только некоторые статьи в «Свенска Дагбладет» и презирует коммерческое содержание, т. е., в принципе, все, что показывают по ТВ4, но они знали, что на самом деле она читает только детективы. Их общий коллега рассказал об этом Филипу в гримерке. Они были членами одного книжного клуба.

– Что мы знаем? – спросил Джимми и провел рукой по красному лакированному столу. За ним висели афиши популярного сериала *Остаться в живых* вперемешку с кадрами из *Бананы в пижамах*.

– О'кей. – Эллен подключила проектор к своему компьютеру. – Люкке Хёек, восемь лет. Дочь Харальда Хёека и Хелены Энгстрём.

На экране появилась фотография Люкке.

– Она пропала около шестнадцати часов назад. Последний раз ее видели у Королевского теннисного корта.

Эллен открыла документ со сведениями о семье, которые она успела

собрать.

– Отец Люкке управляет принадлежащей семье гостиницей «Руби» на площади Норрмальмсторг. Хелена – риелтор. Оба выросли в районе Юрсхольм и сейчас живут на Эстермальме, недалеко друг от друга. Оба родились в шестьдесят пятом году. Жена Харальда Хлоя Хёёк моложе, она семьдесят седьмого года. У нее своя фирма, деятельность которой пока приостановлена, поскольку Хлоя в декрете. Ее доходы равны нулю. По описанию фирма занимается экологическим детским питанием.

– То есть высший свет. – Джимми встал со стула и достал маркер из прикрепленного к доске держателя. – О'кей, какие сценарии тут возможны? – спросил он и написал на доске одно слово.

Похитили?

Эллен открыла карту Стокгольма, на которой обвела в кружочки теннисный корт и парк Роламбсховспаркен.

– По информации полиции сумку нашли здесь, – она показала мышью на карту, – то есть, в другом конце города, так что или кто-то увез ее против воли, или...

– О'кей. А если посмотреть на это с точки зрения новостей? – спросил Джимми.

– Я думала, что именно это я и делаю, – ответила Эллен.

– Что мы знаем такое, что другим неизвестно? Предположительно речь идет о преступлении.

– Да, полиция думает, что совершено преступление, но это не значит, что мы уже не найдем ее живой.

– Нет, конечно, – сказал Лейф, подняв глаза от вечерней газеты, которую он просматривал. – Она наверняка где-нибудь спряталась и скоро объявится и скажет «ку-ку».

– Тебя это забавляет? – спросила Эллен.

Лейф слегка ухмыльнулся.

– А кого подозревает полиция?

– Пока никого, они опрашивают членов семьи и людей из окружения девочки.

– А есть возможный подозреваемый? – продолжил он.

– Пока нет, – ответила Эллен. – По моим данным, – добавила она. – У тебя, что, есть другая информация?

– Нет. – Лейф пожал плечами.

Он наклонился к Детеканне и сказал что-то, что Эллен не расслышала.

– Не шепчи. Если тебе есть что сказать, скажи вслух, – заметила Эллен.

– Идем дальше. – Джимми стукнул маркером по доске.

– А знаете ли вы, что каждый год в Швеции пропадает пятьсот детей? – подала голос Детеканна.

Джимми, который как раз собирался что-то опять написать на доске, обернулся.

– Что? Это правда? Мне нужна дополнительная информация. Мы из этого что-нибудь сделаем. Хорошо, Анна. – Он написал цифру на доске, но остановился. – Это вместе с иммигрантами?

– Извини? – произнесла Эллен так, словно у нее что-то застряло в гортани. – А какое, по-твоему, это имеет значение?

– Естественно, никакого. Одинаково плохо, но я думаю о ценности новости и ее аспекте.

Эллен посмотрела на Детеканну.

– Никогда раньше не слышала эту цифру. Это правда?

– Да, правда, – ответила Анна. – Но большинство исчезновений не приводит ни к масштабным полицейским мероприятиям, ни к участию общественности. Чаще всего ребенка уводит один из родителей. Честно говоря, меня тоже удивила эта цифра. Об исчезновении такого рода не говорят. СМИ следят за событием, если вовлечена третья сторона, т. е. полиция.

– Да, и когда речь идет о белом ребенке из высшего общества, –插入了 Эллен.

– Именно, – сказал Джимми, словно забил в гроб последний гвоздь. – Это суровая действительность. Я знаю, как несправедлив мир, когда у тебя нет денег и ты темнее, чем среднестатистический житель этой страны. – Он провел по своим темным волосам для уточнения. – Это так, но это не имеет значения, мы собрались здесь не поэтому.

– Но я не понимаю, почему не подключают полицию, когда за исчезновением стоит один из родителей? – спросила Эллен.

– Потому что чаще всего это считается спором по поводу опеки...

– Стоп. Давайте сосредоточимся на Люкке, – прервал Джимми. – Мы ограничены во времени. – Он напряженно посмотрел на часы.

– Двадцать пятое мая – международный день пропавших детей, – заметил Андреас, который возился со своим телефоном.

Все посмотрели на него.

– Прямо страшно становится! – смущенно улыбнулся он.

– Да, может быть. Кто-то похитил ее, чтобы привлечь внимание общественности к этому дню. Просто-напросто пиар-путч. – Эллен выдавила из себя улыбку.

- Черт возьми. – Андреас рассмеялся. – По-моему, в этом что-то есть.
- Анна, узнай все о семье, – попросил Джимми.
- Никто из них не проходит по уголовным делам, – заметила Эллен.

Детеканна медленно поставила чашку с чаем рядом со своей тарелкой, на которой лежали два хлебца с мармеладом. Теперь чашка стояла так, что все могли прочесть надпись. *Лучшая в мире мама.*

– Люкке ходит в Седегренскую школу на Эстермальме. Это частная школа, или немунципальная, как теперь принято говорить. Во всяком случае, прибыльная. По мне – таких школ вообще не должно быть.

– Спасибо, Анна. Теперь мы знаем твою позицию по этому вопросу, – вздохнул Джимми.

Эллен невольно подумала о том, что Детеканне не мешало бы покрасить корни волос, а то у нее на голове полоса седых волос в целых два сантиметра.

– Продолжай, Анна, – устало попросил Джимми.

Эллен подошла к доске и взяла у Джимми маркер.

– Мы должны ее найти. Что нам делать? – спросила она нетерпеливо.

– Нет, не так: что нам делать, чтобы создать качественные новости? – поправил ее Джимми, но все-таки сделал шаг в сторону. – Педофилы, – добавил он и сел на свое место. – Напиши.

Словно он рассказал, что собирается съесть на ужин. Эллен надеялась, что никто не видит, как у нее дрожит рука, когда она начала писать на доске. Она подчеркнула слово «Похищена», которое до нее написал Джимми.

– Учитывая доходы семьи, это вполне возможно. Согласно моему источнику в полиции никто еще не выдвигал никаких требований, но это может произойти, – заметила Эллен и написала на доске еще одно слово.

Семья

– Мы не должны исключать этот вариант только потому, что Люкке белая девочка из высшего общества, – пояснила она.

– А какие у них могут быть мотивы? Папа педофил? – спросил Андреас.

– Нет, – ответила Детеканна. – По крайней мере, он не судим.

– Или мама, – сказала Эллен. – С тем же успехом это может быть она.

Детеканна вздохнула.

– А зачем маме похищать своего ребенка?

– Я не знаю, но, может быть, она убила ее по ошибке и где-то спрятала. Или она хочет отомстить папе. Кто знает? В США был случай...

– Так то в США, – оборвала ее Детеканна.

– Дичь какая-то, – заметил Андреас.

– То есть ты хочешь сказать, что мама, если она сделала что-то своей дочери, скорее сойдет с ума, чем папа, если он использовал свою дочь в сексуальных целях?

– Ну, не знаю. А что?

– Давайте двигаться дальше, – предложил Джимми, начав качаться на задних ножках стула.

Эллен откашлялась.

– Да, мы попытаемся поговорить с друзьями, соседями и семьей, но будем делать это в рамках разумного. Пусть в грязном белье копаются вечерние газеты.

– Разумеется, но мы должны быть впереди всех, – сказал Джимми.

– В десять утра поисковый отряд начнет еще раз прочесывать местность. К сожалению, мы не успеем принять участие в поиске, поскольку в это время состоится пресс-конференция.

– Поиск? Почему мы должны участвовать в поисках? Если вы и должны что-то искать, так это новости, – опять поправил ее Джимми.

Эллен вернулась на свое место.

– Извини, я не хотел тебя обидеть... – Взгляд Джимми изменился.

В сумке завибрировал телефон. Эллен, не задумываясь, взяла трубку.

– Я только что видела тебя в новостях.

Эллен встала со стула и придвинула его к столу.

– Я не понимаю, почему именно ты должна делать репортаж о пропавшей девочке?

– Привет. Да, именно. – Эллен пыталась говорить обычным голосом, чтобы никто в *Хей Баберибэ* ничего не заподозрил. Может быть, она даже переигрывала?

– Это ужасно. Почему ты это делаешь?

Эллен пошла к двери.

– Да, конечно, – произнесла она с деланным энтузиазмом в голосе.

– Ни один нормальный человек так бы не поступил, учитывая все то, что нам пришлось пережить.

Эллен пыталась удержать в руках телефон, сумку и компьютер, одновременно прикладывая пропуск к двери, чтобы выйти из комнаты.

– А я ненормальная, – тихо ответила она, надеясь, что никто в комнате ее не слышит. Вся спина у нее взмокла, ей надо выйти. Она снова попыталась открыть дверь.

– Спасибо за помощь, – кисло сказала она своим коллегам, когда пропуск наконец сработал и дверь открылась.

– Что ты сказала? – спросила ее мама.

Эллен прислонилась к стене в коридоре.

– Подумай о семье маленькой девочки. Ты, наверное, не забыла, как с нами обращались журналисты...

– Пожалуйста, конечно, я не забыла.

– Ты можешь быть такой жесткой. Что ты хочешь этим доказать, Эллен?

Эллен не ответила.

– Как ты могла в это впутаться, я не понимаю, как ты можешь заниматься таким недостойным делом? – Теперь она всхлипывала.

– Я пытаюсь найти девочку. Только и всего! – Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы не закричать на свою маму.

– То, что случилось, уже случилось, и ничего нельзя исправить, – продолжала ее мама.

– Я знаю, – прошептала Эллен. Сумка выскользнула у нее из рук и упала на пол.

– Мы ее не вернем.

Эллен закрыла глаза.

Мона. 10.10

У нее болел каждый мускул.

Мона дотронулась до груди. Здесь было больнее всего. Очень сильно билось сердце.

Ночь практически прошла без сна. Из-за волнения и непогоды она не спала до утра. В конце концов, приняла одну, нет, две, успокоительные таблетки. Легла в постель, и таблетки сделали свое дело.

Хорошо бы лечь и не проснуться.

Хотя часы показывали начало одиннадцатого, она еще не оделась.

Мона села на диван. Принялась разгадывать кроссворд в сегодняшней газете, но не смогла заполнить ни одного квадратика.

За окном лил дождь. Сквозь шум дождя она слышала, как на перроне остановился поезд метро. Хотя всю свою сознательную жизнь она прожила рядом со станцией Абрахамсберг, она так и не привыкла к грохоту. Скрежет тормозов мог по-прежнему разбудить ее среди ночи. Она много раз пыталась уговорить хозяина вставить более толстые стекла, но хозяин отказывался. Это слишком дорого, хотя у нее только три окна и балконная дверь.

Она отложила кроссворд и взяла книгу. Прочитав одну и ту же страницу бесчисленное количество раз, включила телевизор.

И тут в прихожей зазвонил телефон.

Она надела тапочки и запахнула тонкий халат. Робким шагом прошла в прихожую и взяла трубку.

– Мона Перссон, – сказала она, поправляя вязаную скатерть под телефоном.

– Мартин Янссон, полиция. Надеюсь, я не позвонил...

– Вы нашли ее? – спросила Мона, не дав ему закончить фразу.

– Нет, к сожалению. Но мы нашли ее сумку, вернее, ее рюкзак.

Грудь еще больше сдавило. Она видела это в новостях.

– Как мы поняли, вы собирали ей сумку. Мне нужно знать, что там лежало.

Мона застыла как вкопанная и попыталась вспомнить.

– Да. Это так. Я все сделала, как обычно: положила ее теннисную форму, кроссовки, полотенце... или нет, полотенца не было, гель для душа. Люкке всегда переодевалась в школе, так что я не знаю, положила ли она что-то еще в сумку.

- А больше вы ничего не помните?
- Нет, или да, резинка для волос. Волосы были распущены.
- О'кей...

В голосе полицейского слышалось разочарование. А она надеялась, что ей удалось сообщить ему необходимую информацию.

- Я могу что-то сделать?

– Сейчас нет, но мой коллега свяжется с вами в течение дня, чтобы задать дополнительные вопросы, и нам также придется взять у вас образец слюны, чтобы исключить следы вашего ДНК на сумке.

- Конечно, звоните. Можно мне спросить – где вы нашли ее сумку?
- В парке Роламбсховспаркен.

Мона призадумалась.

- Но это же в другом конце города?

– Вот именно. Сожалею, но мне надо еще поработать. Спасибо за помощь. – Полицейский положил трубку.

Мона опустилась на маленькую табуретку рядом со столиком из сосны и снова подняла трубку. Недолго думая, кому из них позвонить, набрала номер Харальда, поскольку все еще шла его неделя.

Харальд подошел после третьего гудка.

- Вы что-то знаете? – спросила она.

– Нет, ничего нового, – ответил он подавленно. – Куда она могла подеваться? Ты должна нам помочь, ты единственный человек, который ее понимает.

Мона покачала головой.

– Никак не могу взять в толк. Люкке не из тех, кто исчезает. Не понимаю, и все тут.

- Она могла сбежать?

Мона опять вспомнила о ссорах.

– Ведь она не тот ребенок, который может сбежать из дома? – продолжил Харальд.

«Ребенок, что за формулировка», – подумала она.

– Вообще-то нет. – Мона засомневалась. – Но последние недели она очень сильно грустила.

- Что ты имеешь в виду?

«Ты действительно ничего не замечал», – подумала Мона.

– Это трудно описать, но она вся ушла в себя. – У нее не было сил объяснить. Это только сделает ему больно, но никак не поможет.

- Но она всегда тихая.

Мона не ответила. Что она может сказать?

– Пожалуйста, попытайся вспомнить. Когда ты вчера отводила ее в школу, может быть, она сказала или сделала что-то особенное?

На несколько секунд воцарилась тишина.

– Нет, но я видела по ней, что она расстроена.

Они опять замолчали, и Мона стала вспоминать вчерашний день. Утро пятницы было ужасным. Когда она вошла в комнату Люкке в самом начале восьмого, девочка сидела на кровати и яростно терла пальцы о джинсы.

– Что ты делаешь? – спросила Мона и взяла ее за руки, чтобы она прекратила.

Люкке отвернула голову и прошептала:

– Я не знала.

– О чем ты?

В ту же секунду в дверь постучали, и не успели Мона с Люкке и слово сказать, как в комнату вошла Хлоя.

Мона почувствовала, как Люкке крепко сжала ее ладонь.

– Как хорошо, что ты здесь. – Хлоя посмотрела на Мону. – Я пыталась объяснить Люкке, что не надо брать мое дорогое мыло, которое в Швеции не достать. У тебя есть другое мыло, в маленькой ванне, – продолжила Хлоя, взглянув на Люкке. – На этот раз я тебя прощаю, но хочу, чтобы больше это не повторилось. Договорились?

Люкке кивнула, не поднимая глаз.

– Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю.

Люкке медленно подняла голову и прошептала:

– Договорились.

– Спасибо, давай забудем это и постараемся провести день хорошо. – С этими словами Хлоя вышла из комнаты.

– Не обращай внимания, – прошептала Мона, похлопав девочку по щеке.

Но Люкке продолжала с силой скрести ладони о джинсы.

– Я должна уничтожить запах этого мыла, – твердила она. – Я должна уничтожить запах!

Мона не знала, как успокоить Люкке, и дала ей возможность выговориться.

Через какое-то время девочка замолчала.

– Извини. – Она посмотрела на Мону голубыми глазами, полными слез.

– Давай наденем свитер и позавтракаем. – Мона похлопала Люкке по розовым щечкам.

Мона накрыла Люкке завтрак и, услышав, как Харальд и Хлоя

ссорятся в холле, стала мыть посуду.

Как обычно, речь шла о Люкке.

На этот раз Хлоя утверждала, что слышала, как Люкке кашляет. Поэтому она не хочет, чтобы Люкке оставалась у них на выходные, а то она может заразить своего младшего брата.

Мона не заметила у Люкке никаких признаков простуды.

В конце концов, Хлое удалось уговорить Харальда позвонить Хелене, чтобы та забрала дочку. Они кричали друг на друга по телефону.

Она бросила взгляд на Люкке, сидевшую за столом на кухне. Девочка не притронулась к еде и сидела, закрыв уши.

Мона уронила стакан в мойку, и он разлетелся на мелкие осколки.

– Люкке умная девочка. Она прекрасно понимала, о чем шла речь, – тихо сказала она Харальду, о чем сразу же пожалела.

– Что ты сказала?

– Ничего.

– Как бы то ни было, пожалуйста, не уходи из дома, вдруг она придет к тебе. Разумеется, я заплачу.

– Не нужны мне никакие деньги, Харальд.

– А она не может быть у какой-нибудь подружки? Разве полиция не спрашивала тебя, у кого она может быть? Я думаю, у нас есть имена...

– Харальд, у нее нет друзей.

В трубке замолчали.

Мона не хотела рассказывать об одноклассниках Люкке, которые относились к ней плохо. Когда она приводила ее в школу, дети с ней даже не здоровались, хотя девочка иногда проявляла инициативу и пыталась установить контакт, но это становилось все реже и реже.

Мона много раз просила учительницу что-то предпринять. Но ей говорили, что сейчас так много дел, что этим займутся только после летних каникул.

После летних каникул.

Сколько раз Мона пыталась рассказать Харальду и Хелене о том, каково Люкке приходится в школе, но они ее не слушали.

Разговор окончился, но Мона продолжала сидеть на табуретке. Трубка лежала у нее на коленях.

Внутри нее зрело чувство, но она хотела побороть его, не дать ему взять верх.

Люкке было четыре года, когда Мона начала работать в семье Хёёк. Родители тогда только что развелись, и для всех это был болезненный период.

Это была не первая разведенная семья, в которой работала Мона. Все разводы были полны ненависти. И всегда страдающей стороной оказывались дети. Как бы она ни пыталась это себе объяснить, у нее ничего не получалось.

Но эта семья превзошла все остальные. Здесь все било через край. И не только потому, что маленькая Люкке была особым ребенком – очень одиноким и ранимым.

Эллен. 10.50

До прямого эфира оставалось десять минут. Джимми решил, что пресс-конференция должна транслироваться вживую и на канале ТВ4. Он утверждал, что это идеально подходит для целевой группы.

Андреас проверил оснащение камеры, а Эллен в последний раз просмотрела сценарий.

Вся журналистская братия собралась в здании полиции на Кунгсхольмене. Были представлены все газеты, сайты, теле- и радиоканалы. Хотя в помещении уже было слишком много народу, журналисты все прибывали и прибывали. Эллен давно не видела такой явки.

Закусив губу, Эллен попыталась собраться. В руке она держала микрофон с эмблемой канала – большой красной четверкой.

– У тебя потекла тушь. Поправь ее, а то мы не сможем начать. – Андреас показал на ее правый глаз.

Она попыталась стереть тушь слюной. Андреас покачал головой.

Эллен продолжала тереть. Под глазом начало пощипывать, а сутолока стала ее раздражать. Почему она не пошла работать на радио?

– Давай, Эллен, мы должны подготовиться как можно быстрее. Скоро начинаем, – сказал он, выставя расстояние на камере.

Она кивнула, он прав.

Она взяла зеркало и попыталась убрать тушь, наложенную поверх телевизионного грима. Филип сделал хорошую основу, но из-за дождя, а теперь еще и духоты в комнате грим надо бы подправить.

– Осторожно, – сказала она кому-то, кто ткнул ее в спину. Отметила, где находятся запасные выходы, и вычислила, как быстро она сможет выйти, если не справится.

Она еще раз пробежала глазами мятый сценарий, который набросала в машине по дороге в здание полиции. Одернула платье, чтобы оно сидело как надо, сделала глубокий вдох и попыталась отключиться от посторонних звуков и движений.

Андреас кивнул. Она подняла микрофон и посмотрела в камеру.

– Я нахожусь в здании стокгольмской полиции... – Она опустила микрофон. – Нет, надо переписать. Я не смогу это произнести. Это слишком банально. – Она поискала ручку в сумке, но не нашла. Пришлось довольствоваться карандашом для подводки глаз. Не зная, что она будет

менять, принялась черкать сценарий.

– Давай же, Эллен. Оставь. Время идет.

Время идет, время идет. Будто она этого не знает.

Она еще раз посмотрела в камеру. Набрала в легкие воздуха.

– Я стою здесь... – Она впала в прострацию. – Как полная идиотка.

– Черт побери, возьми себя в руки, – сказал Андреас.

Он не мог скрыть раздражения, и Эллен его понимала. Она была сама не своя. Обычно она сразу приступала к делу.

– Не нервируй меня, – сказала она решительно и вытерла пот со лба. А она успеет поупряться?

Немедленно возьми себя в руки!

Окружавшие ее журналисты говорили, перебивая друг друга; стоял оглушительный гвалт. От запаха мокрой одежды ей стало плохо. В конце концов, ей удалось сделать вполне приличное вступление. Едва она успела договорить, как открылась самая дальняя дверь в комнате.

Все замолчали. Слышны были только щелчки вспышек.

Вошедший первым Уве поднялся на подиум.

Эллен рассказала зрителям, что происходит и чего можно ждать от трансляции. Зачитала вслух отрывок пресс-релиза, который полиция выпустила сегодня утром. По спине текло. К счастью, ей больше не надо появляться в кадре.

Вслед за Уве в комнату вошла она, мама.

Вид у нее был усталый, что было вполне естественно после наверняка бессонной ночи.

От ее пустого взгляда переворачивалось сердце. Эллен представила себе свою маму, и у нее сжало диафрагму.

Люкке была похожа на маму.

Сразу же появился папа. Вид у него тоже был измученный. Родители Люкке походили на двух раненых зверей. Они поднялись на подиум и встали у микрофонов.

Андреас крутился вместе с другими фотографами, чтобы выбрать самый лучший ракурс.

Эллен радовалась, что сейчас ей больше ничего не надо делать, и продолжала наблюдать за родителями. У мамы ни один мускул не дрогнул. Она стояла, не двигаясь, и смотрела в одну точку. Эллен попыталась увидеть, смотрит ли мама на что-то конкретное или просто сфокусировала взгляд, чтобы сохранить равновесие. На ней был темно-синий облегающий костюм. Заостренное личико.

Папа переминался с ноги на ногу, вертел обручальное кольцо и

подкручивал часы.

Хотя Эллен не знала, по какой причине развелись родители Люкке, она невольно испытывала раздражение по отношению к папе, который завел новую семью.

– Добро пожаловать. Меня зовут Уве Свенссон, я пресс-атташе полиции. Для начала хочу поблагодарить вас за то, что вы пришли. – Он поводил головой вперед-назад, как сова. – Люкке Хёёк пропала вчера во второй половине дня неподалеку от Королевского теннисного корта.

На белом экране за подиумом высветилась фотография Люкке. Уве прокомментировал утреннюю находку, рюкзак Люкке. Район поиска был скорректирован с учетом места находки, и полиция теперь больше склоняется к тому, что речь идет о похищении, и принимает соответствующие меры. Составлено заявление о похищении человека.

– Что ты делаешь? – прошептал Андреас.

– А что?

– Перестань щелкать пальцами.

– Извини. – Эллен помахала перед собой сценарием, чтобы вдохнуть немного воздуха.

Уве закончил говорить и представил папу Люкке. Папа посмотрел поверх толпы журналистов, а потом на микрофоны, не зная, в какой ему говорить.

Эллен качнуло.

– С тобой все в порядке? – шепнул Андреас ей в ухо.

– Да вроде. Мне только очень тяжело дышать, и немножко кружится голова.

– Меня слышно? – спросил папа Люкке, постучав пальцем по микрофону. Он откашлялся, сделал глубокий вздох и только потом начал говорить. – Я, как вы понимаете, папа Люкке, Харальд Хёёк. Хочу сначала поблагодарить вас за поддержку и за то, что вы пытаетесь помочь нам найти нашу Люкке. Для всей семьи это была ужасная ночь. Нам остается только надеяться на то, что найдем ее невредимой. Мы действительно нуждаемся в вашей помощи и в помощи общественности.

Он говорил низким решительным голосом, но в голосе слышался страх.

– Кто бы ни похитил нашу девочку... – Он смотрел в камеры пристальным взглядом. От этого взгляда было трудно отвести глаза, так же, как и от взгляда Люкке на фотографии над ним. – Я прошу вас, верните девочку ее маме. – Мельком взглянув на маму Люкке, он посмотрел поверх голов журналистов и продолжил: – Верните ее папе и младшему брату и

всем тем, кто любит ее и скучает по ней.

Теперь у него дрожал голос, и он провел ладонью по щеке, словно вытирая слезу. Потом развернулся и стал рассматривать фотографию Люкке.

У мамы по-прежнему не дрогнул ни один мускул. Она продолжала что-то высматривать в пустоте.

Харальд оперся о трибуну на подиуме. Уве подошел к нему и положил руку ему на плечо.

Эллен вытерла лоб.

– Если у вас есть вопросы, пожалуйста, задавайте. В вашем распоряжении десять минут, – объявил Уве.

– Как вы думаете, что произошло с вашей дочерью? – выпалил первый вопрос репортер «Афтонбладет».

Родители неуверенно посмотрели друг на друга, а потом на Уве.

– Родители будут отвечать только на вопросы по существу. Домыслы мы оставим вам, – откликнулся Уве.

– Есть ли подозреваемый?

– Вы думаете, что ее похитили?

– Речь идет о деньгах?

Вопросы сыпались градом.

– Мы не можем ничего исключить, но пока нам не выдвинули никаких требований, которые указывали бы на это.

– Здесь может быть замешан педофил? – спросил один из журналистов.

Эллен опасалась этого вопроса. Этого предположения. Даже мысли такой не допускала. Она попыталась считать реакцию родителей, но понять их было сложно. Ведь им эта мысль тоже приходила в голову.

– Как мы уже сказали, нельзя ничего исключать.

Мама по-прежнему не произнесла ни одного слова.

– Вы получили какую-нибудь наводящую информацию?

– Мы получили сотни мейлов. Но пока, к сожалению, ни одна из наводок ни к чему не привела. Мы призываем общественность по-прежнему сообщать нам, если они что-то увидят или услышат. Мы стараемся работать как можно более оперативно и делать все, что в наших силах, чтобы найти Люкке живой и невредимой.

– Как она могла просто так взять и исчезнуть? Неужели нет никаких свидетелей?

– А вы заблокировали границы?

– Задавайте вопросы по одному, – призвал Уве. – Как мы сказали,

нельзя ничего исключать, но есть основания считать, что ее похитили.

– Это почему?

– Мы не можем сообщить вам детали, но на это указывает найденный рюкзак.

– Кто нашел сумку? – как можно громче спросила Эллен.

Уве откашлялся.

– Как я уже сказал, мы не хотим посвящать вас в детали.

– Стоит ли другим родителям беспокоиться за своих детей? – спросил кто-то из журналистов.

– Оснований для этого пока что нет.

По залу прошел гул.

– У меня вопрос к родителям, – выкрикнул кто-то. – Как вы считаете, ваша дочь еще жива?

– Как уже было сказано, никаких домыслов... – В голосе Уве послышалась озабоченность.

– Почему же, я охотно отвечу на этот вопрос. – Харальд вышел вперед. – Нет совершенно никаких оснований считать, что ее нет в живых, и никаких доказательств того, что ей причинили вред. Мы только должны сделать так, чтобы найти ее, пока не поздно. Пожалуйста, помогите нам найти нашу Люкке.

* * *

Пока Эллен ждала, что Андреас запихнет фотооборудование в маленький багажник ее машины, она сидела в машине и барабанила пальцами по рулю.

С каждой секундой она ударяла все сильнее и сильнее. Что бы ни говорил Харальд Хёёк, создавалось впечатление, что, по мнению полиции, Люкке нет в живых. Они не говорили так напрямую, но это читалось между строк. Неужели они действительно уже сдались?

Эллен попыталась отогнать летающую вокруг нее муху, но та продолжала упорно висеть в воздухе.

Телефон Эллен запищал – пришло сообщение от Уве.

У меня для тебя есть дополнительная информация. Позвони, когда освободишься.

– Давай быстрее! – сказала она Андреасу, хотя он уже закончил и был готов запрыгнуть на пассажирское сиденье. У него с одежды стекала вода.

– Успокойся. Если ты так торопишься, могла бы и помочь. – Он

поправил кепку и вытер руки о джинсы. – Какая у тебя маленькая машина.

– С возвращением на работу. – Не успел Андреас закрыть за собой дверь, как она уже включила коробку передач.

– Тебе лучше? – спросил он, когда они выехали с парковки.

Эллен кивнула.

– Мне безумно жаль родителей. – Она сосредоточилась на езде. – Только заедем по дороге в киоск прессы, я должна выпить кофе. – Она сделала стерео громче, чтобы избежать дополнительных вопросов.

– Судя по всему, ты не изменила своему музыкальному вкусу, – во весь голос сказал Андреас, пытаясь перекрычать Леди Гагу.

Он всегда жаловался на то, что ей нравится коммерческая и слишком поверхностная музыка. Сам он слушал только тяжелый хип-хоп вообще безо всякой мелодии.

Для Эллен музыка служила терапией, она вырубала все чувства, когда мантра не помогала. Чем громче, тем лучше. Это все равно, что смотреть фильмы ужасов, ходить на бокс или время от времени интересоваться порнофильмами. Все что угодно, лишь бы только отвлекаться и подавлять приступы отчаяния.

Сделав музыку еще громче, она начала медленно расслабляться.

Они ехали по мосту Барнхюс в сторону района Васастан, вниз по улице Тегнергатан.

На улицах почти никого не было. Люди спрятались от дождя.

Выехали на улицу Свеавеген. Здесь практически нельзя было разъехаться с другими автомобилями из-за огромных луж. Киоск находился на другой стороне улицы, и ей пришлось доехать до перекрестка с улицей Оденгатан и нарушить правила.

– Если бы у меня была такая машина, как у тебя, я бы спокойно разворачивался на все сто восемьдесят градусов.

Эллен припарковалась у киоска рядом с Высшей школой экономики в двух шагах от входа в метро Родмансгатан.

– Как здорово, что ты не я, а то нам бы мы пришлось проехать через весь город, чтобы найти законную парковку, – заметила она и открыла дверь машины, пока рядом не было других машин. – Посиди здесь, я сейчас.

– Не понимаю, что тебе тут надо? Разве нельзя выпить кофе на работе?

К счастью, она не успела ответить. Дверь захлопнулась, и она побежала к киоску, чтобы окончательно не промокнуть.

Анетта, как всегда, стояла за кассой. Ее рыжие волосы были еще ярче, чем обычно. Под цвет волос она надела красные пластмассовые серьги.

Когда Эллен была маленькой, такие серьги лежали в пакетиках с чипсами.

– Привет, – сказала Анетта, интенсивно жуя жвачку. – Чем могу помочь?

– Один «Рэдбул» и один кофе, спасибо. Нет, лучше два кофе. Больших, – ответила Эллен, выдавив улыбку.

Анетта кивнула и поставила в автомат два бумажных стакана.

– И кто тут у нас такой усталый? – спросила она, продолжая жевать. – К сожалению, булочек нет. Сегодня утром нам забыли их привезти. – Она поправила свои пластмассовые серьги. – Как водится, они забыли об этом в субботу, когда люди хотят полакомиться.

Эллен почувствовала, что больше говорить им не о чем, и кивнула.

Анетта закрыла кружки крышками и вставила их в держатель.

– Вот так. Как будешь платить – наличными или карточкой? – спросила она и подмигнула одним глазом, обведенным черной подводкой. У нее почти не осталось ресниц.

– Наличными, – ответила Эллен и осторожно протянула четыре тысячи. «Наверное, достаточно», – подумала она, взяла два кофе и напиток и пошла к двери.

– Приходи еще, – наигранно крикнула Анетта.

Прежде чем сесть в машину, Эллен попробовала снова позвонить Уве. Если они были довольны, он, как правило, отвечал быстро.

Эллен. 12.30

Как только Андреас и Эллен вернулись в редакцию, они сразу же пошли в одну из свободных маленьких монтажных.

– Только не зажигай свет, – попросила она Андреаса. – Пусть будет темно.

Комната была со звукоизоляцией, и Эллен наслаждалась тишиной. Откинувшись назад, она стала обдумывать сложившуюся ситуацию, пока Андреас загружал отснятый материал.

Через какое-то время она стала размышлять вслух:

– Мой источник в полиции рассказал, что они начали искать ее у известных педофилов, или, во всяком случае, изучают обстоятельства ее исчезновения, которые могут на них указывать. В районе поисков выявлено пятьдесят два человека, осужденных за сексуальные домогательства.

– Но почему они не озвучили это на пресс-конференции?

Эллен пожала плечами.

– Но они же сказали, что ничего исключать нельзя.

Потому что так сложилось. Но она не собиралась посвящать ни Андреаса, ни кого-либо другого в свою сделку с Уве.

– Я не понимаю нескольких вещей, – сказала она. – Кто-то увел Люкке, но почему он или она оставили сумку? Если девочку кто-то похитил, то он должен выдвинуть какие-нибудь требования. Но полиция утверждает, что никаких требований нет.

– Но ведь полиция не исключает похищение Люкке?

– Нет, но если похитителей не интересуют деньги, что тогда их интересует?

Андреас подключил камеру к компьютерам, и на экране один за другим стали появляться тысячи застывших кадров, пока отснятый материал грузился на жесткий диск.

– Тогда ее похитил какой-то жуткий педофил. С тех пор как у меня появились дети, я едва могу произнести это слово вслух. Я буквально выхожу из себя, и меня тошнит, – сказал Андреас.

– Но почему педофил оставил сумку?

– Может быть, он сделал это импульсивно, и его охватила паника. – Андреас пожал плечами.

– Если его охватила паника, и он избавился от сумки, что тогда он сделал с Люкке?

Эллен размышляла с той же скоростью, с какой перед ней на экране возникали кадры с пресс-конференции.

– Может быть, это пара, которая не может иметь детей и которая... – предположил Андреас.

– Ей уже восемь лет. Она же не маленький грудной ребенок.

– Конечно, – сказал Андреас.

– Наверное, мне стоит поговорить с Кларой из отдела программ. С той, которая отвечает за *Неведомое*.

– Не слишком ли далеко ты заходишь?

– Они, может быть, видят то, что никто другой не видит.

– Это же всего лишь фокус-покус.

– Вовсе нет. Ты видел программу?

– Нет.

– Сначала Клара тоже не верила в это, но теперь у нее совсем другое мнение. Могут сказать, что это не фокус-покус. Эти люди...

– Видят мертвых. – Он рассмеялся.

– Прекрати. Мы должны попробовать все.

– Не понимаю, почему полиция не хочет рассказать, кто нашел сумку. Разве это не странно?

– Знаешь почему? – Эллен взглянула на него. – Потому что они не знают. Кто-то оставил сумку на рецепшен рано утром в субботу, и они не поняли, что это может иметь отношение к Люкке. Мужчина, который выгуливал свою собаку в парке Роламбсховспаркен, – вот и все, что они знали или смогли увидеть в камерах наблюдения в рецепшен. Ничего интересного, согласно моему источнику. Только недобросовестность, которую они хотят скрыть.

Раздался щелчок – сигнал о том, что загрузка отснятого материала окончена. На экране показалась фотография мамы Люкке крупным планом.

– Родные Люкке как-то странно вели себя на пресс-конференции, – заметил Андреас.

– Пожалуй. Возникает чувство, что им есть что скрывать. – Эллен достала телефон и написал мейл Детеканне.

Анна, проверь, пожалуйста, есть ли в суде материалы по возможному делу об опеке над Люкке. Спасибо!

Хлоя. 15.30

Она осторожно открыла дверь в комнату Людде. Он спал в своей кровати, словно ничего и не случилось. Хлоя с облегчением вздохнула – он не проснулся, когда полиция проводила обыск или как там это называется. К счастью, она убедила их не заходить в комнату Людде, поскольку он спал, хотя дело шло к вечеру. Каким-то образом она внушила себе, что младенцы понимают больше, чем можно предположить, и не хотела, чтобы его втянули в этот кошмар.

На потолке кружились звезды от ночной лампы. Новые светонепроницаемые шторы оправдывали свое название и совершенно не пропускали дневной свет.

Как унизительно, что к ним домой приходила полиция. Они до всего дотронулись и почти все перевернули вверх дном. Что они хотели найти? И все эти вопросы. Она была последней, кто видел Люкке до ее исчезновения.

Хлоя на цыпочках шла к кровати Людде и наступила на французского игрушечного жирафа. Жираф запищал. Она подняла его и положила на место в один из ящичков с игрушками. Ящички были сделаны в виде вагонов поезда, прикрепленных к большому локомотиву, на который Людде любил вскарабкиваться.

Она смотрела на спящего сына – какой же он сладкий. Их с Харальдом маленький сыночек.

Когда Харальд и его бывшая жена вместе выступали на пресс-конференции по телевизору, было трудно поверить, что они по-прежнему семья. Хотя Хлоя знала, что по-другому не будет, она не могла привыкнуть к тому, что до нее у него была другая жизнь и что его прошлое постоянно напоминает ей о себе.

Во время их третьего свидания Харальд преподнес ей сюрприз, пригласив поехать с ним в Париж. Он заказал столик в ее любимом ресторане и где-то между устрицами и шампанским рассказал ей, что женат и что у него есть ребенок.

Тогда она не придавала этому большого значения. И особенно не удивилась. Было бы странно, если бы у него не было семьи, учитывая, что он старше ее на целых десять лет. Это не играло никакой роли. Он был тот, с кем она хотела разделить свою жизнь. Он воплощал все, что она хотела видеть в муже, в настоящем мужчине. С Харальдом она чувствовала себя

защищенной. Совсем не как с парнями, с которыми она встречалась до него; по сравнению с Харальдом они просто мальчишки. А он был настоящим джентльменом, который знал, как нужно вести себя с женщиной.

Она никогда не сомневалась в том, что он уйдет от жены ради нее, хотя друзья ее предостерегали.

Хлоя всегда знала, что привлекательна, но благодаря Харальду почувствовала себя особенной, что для нее даже оказалось непривычным. Он видел нечто большее, чем только ее внешность. Он считал, что с ней весело и интересно, и прислушивался к ее словам.

Но последнее время они все чаще ссорились.

В понедельник, когда Харальд пришел домой с работы и сел рядом с ней на диван, страсти накалились.

– Ты знаешь, Калле, наш директор по продажам, ты мельком видела его сегодня на обеде, все время говорил о том, какая ты красивая. Бедняжка, у него такая скучная жена, аж скулы сводит. Иди сюда. – Он притянул ее к себе и медленно расстегнул на ней блузку. – По-моему, ты не понимаешь, как я рад, что у меня есть ты.

– Почему же. – Она улыбнулась. – Вы общались?

– Кто мы?

– Калле с женой и ты с Хеленой? – спросила она и начала застегивать блузку.

Харальд решительно отвел ее руки и заглянул под блузку.

– Ненавижу, что до меня у тебя была жизнь.

Он заложил ей волосы за уши.

– Это была не жизнь.

– Тогда зачем надо было заводить от нее ребенка? Что за идиотизм! – Хлоя немного отодвинулась от него.

– А ты не думаешь, что я не имел права поступить по-другому? – Он опять притянул ее к себе.

– Не понимаю, как ты вообще мог в нее влюбиться? – спросила она.

– Прекрати. Я не хочу думать о Хелене. Я хочу думать только о тебе. – Харальд нежно поцеловал ее сначала в ухо, а потом в шею. Затем поднял глаза. Осторожно взяв ее за подбородок, он серьезно посмотрел на нее. – У меня не было выбора, я сделал то, что должен был сделать. Это был единственный естественный шаг. Завести ребенка. Я не посмел ее бросить. Я не могу этого объяснить. Больше всего на свете я хотел бы встретить тебя раньше. Но ты это уже знаешь. Сколько раз нам надо говорить об этом? – Он запустил руку ей под джинсы и дотронулся до ее трусов.

– Перестань. – Она встала с дивана.

– Пожалуйста, достаточно. Мне это надоело. Если еще раз я услышу хоть слово о Хелене и Люкке, я...

– Что ты?

– Хватит, ты заходишь слишком далеко. Ты что, не понимаешь? – На этой фразе Харальд вышел из гостиной.

Хлоя пошла за ним в холл и увидела, как он натянул на себя дождевик, взял ключи со столика и молча ушел.

Она выбежала за ним на лестничную площадку.

– Если сейчас ты уйдешь, можешь никогда не возвращаться. Понятно? Ты слышишь, что я говорю? – закричала она ему вслед.

Дверь подъезда хлопнула. Он ушел.

Харальд вернулся домой только через день и отказался отвечать на вопрос, где он был. Хлоя решила к нему не приставать, но целую неделю он вел себя странно и казался раздраженным.

Она слегка толкнула Людде, чтобы проверить, дышит ли он. Малыш всхлипнул и перевернулся. Светлые младенческие волосы вились на затылке.

Она обошла кроватку, чтобы увидеть его личико. Какой красивый. Само совершенство. Глаз невозможно отвести. Она способна часами стоять тут и смотреть на спящего сына.

Она сжала его маленькую ручку, а потом запахнула халат и вышла из комнаты. «Почему Харальд не дает о себе знать?» – подумала она, переступив порог ванной.

Хлоя отделала ванную зеленым мрамором от пола до потолка. Ванная выглядела как в настоящей гостинице, и Хлое это очень нравилось.

У раковины она увидела мыло. Ей стало стыдно. Она обошлась слишком строго с Люкке, когда девочка взяла не то мыло, но Хлое не нравилось, что Люкке пользуется ее ванной. Это была ее комната, где лежали ее личные вещи, и она не хотела, чтобы здесь крутился маленький ребенок.

Тем или иным образом Люкке всегда выводила Хлою из себя. Вчера это было мыло. Нелегко жить с чужим ребенком, который к тому же постоянно напоминает ей о прошлом Харальда.

Хлоя открыла кран, намылила руки мылом и вдохнула его приятный запах.

Она отреагировала неадекватно и знала это. Но Люкке должна выучить действующие в их доме правила, а это значит, что разногласия неизбежны. Хлое выпала неблагоприятная роль. И все же хорошо, что она

стоит на своем, уговаривала она себя.

В начале их отношений Харальд утверждал, что любит в ней «бури в стакане воды», любит, что ее захлестывают эмоции. Он часто говорил, что она – прямая противоположность его предыдущей жене. Тогда она воспринимала это как комплимент. Сегодня она сомневалась, комплимент ли это, и страшно ревновала.

Она представила себе Хелену, стоявшую на пресс-конференции рядом с ее мужем. Полное владение собой, ни один мускул не дрогнул. Может быть, он все же хочет такую женщину, как Хелена? Может быть, он был у нее, когда ушел из дома? Может быть, он и сейчас у нее?

Хлоя распахнула халат и посмотрела на свои груди, потом дотронулась до них руками, подняла их и долго на них смотрела. Затем опустила их.

Ее груди походили на два пустых пакета из супермаркета «Айса», на дне которых лежало немного каши.

Подруга Хлои вычитала в газете, что мужчины хотят, чтобы груди их приветствовали. Хлоя до конца не понимала, что это значит, но была уверена, что это не ее случай.

Ее груди никого не приветствовали. Они уже сказали свое.

Не говоря уже об ее животе. Он был чуть ли не больше, чем ее грудь. Она всегда была стройной, но стоило ей прибавить хотя бы один килограмм, как он сразу же откладывался у нее на животе.

Надо пробежаться. После этого можно позволить себе кофе, яйцо и половинку грейпфрута. С исключениями покончено.

Она выдвинула ящик под мойкой и увидела, какой там беспорядок. Грязные полицейские руки.

К тому же у полиции хватило наглости попросить у нее образец слюны. Она отказалась. Ссылочная ДНК или как там они сказали? Как она могла вляпаться в эту историю?

Они забрали с собой старый компьютер Харальда, которым разрешали пользоваться Люкке. И их айпад. А они смогут видеть все, что она искала в Гугле?

Полиция также взяла щетку для волос Люкке и ее дневник.

Она не знала, что Люкке вела дневник. Полицейские сказали, что, похоже, Люкке его прятала, но не сказали, ни где, ни что в нем написано.

Есть надежда, что ей не надо беспокоиться.

Эллен. 22.45

Закончился последний эфир. За день не появилось ничего нового. Одни сплошные домыслы. Эллен сделала несколько хороших врезок с полицией, рассказывающих о поисках, которые пока не вывели их на Люкке. Полиция не говорила напрямую, что ищет среди известных педофилов, но продолжала просить общественность о помощи.

Эллен так волновалась, что не поехала домой, а кружила на машине по городу.

Несмотря на субботний вечер, уличные кафе пустовали. Из-за дождя тротуары блестели, а на улицах можно было поскользнуться.

Она медленно ехала по улице Вальхаллавеген в сторону района Ёердет. На переходе у торгового центра «Фельтёверстен» она увидела мужчину. Она притормозила и стала искать зарядку к телефону. Выругалась, обнаружив, что, наверное, забыла зарядку на работе. Телефон молчал как проклятый. Вдохнув, она стала рассматривать мужчину на переходе. Без зонтика и дождевика, одна только короткая замшевая куртка. Спина согнута, в руках два полных пакета с едой.

Она обратила внимание на осанку мужчины. Он был таким же худым, как и раньше, а остатки волос поседели.

«Что он здесь делает? – подумала она. – Он что, здесь живет?»

Она хотела опустить окно и окликнуть его, но сдержалась. Скорее всего, она не успеет даже выйти из машины, как он скроется из виду. Что делать?

Он ее не видел, в этом она была уверена.

Она проехала вперед, завернула за галерею, припарковалась и побежала обратно к переходу.

Быстрым шагом пошла обратно мимо парковки и перебежала на другую сторону Вальхаллавеген, чуть было не попав под колеса машины. Встала в глубокую лужу и промочила ноги до щиколоток. Посмотрела направо и налево, но его нигде не было видно.

Она решила идти по улице Де Гиирсгатан вдоль парка Тессинпаркен. Дойдя до улицы Стуршерсгатан, увидела его и замедлила шаг, чтобы он ее не заметил. Он остановился у подъезда одного из домов и начал набирать код.

Как только он вошел в подъезд, она бросилась к дому и едва успела войти – еще секунда, и дверь захлопнулась бы.

Эллен тихо закрыла за собой дверь. Услышала, как мужчина поднимается по лестнице на первый этаж, бряцая связкой ключей.

На стене у входа висел список жильцов, но читать его было бесполезно, поскольку он вряд ли значился под своим настоящим именем.

На первом этаже было две двери. Она два раза позвонила в левую дверь, и ей открыла пожилая дама.

– Кроме меня и кошек, здесь никого нет. Понятия не имею, кто теперь живет в доме. В соседней квартире жильцы меняются, как месяцы в году. Их совершенно невозможно узнать. Думаю, эту квартиру снимает коммуна. Хочешь печенья с джемом?

Эллен поблагодарила и позвонила в соседнюю дверь, но ей никто не открыл.

– Привет, – крикнула она в щель для почты. – Я нашла ключи, по моему, они твои.

Из квартиры донесся какой-то звук, и дверь медленно открылась.

– Какие ключи? – спросил он, просунув морщинистое лицо в узкий проем.

– Привет, можно войти? Мне надо с тобой поговорить.

Он распахнул маленькие глазки.

– А мы знакомы?

– Нет, но мы встречались, и я знаю, чем ты занимался. – Она закусил губу и попыталась успокоиться. – Мне надо с тобой поговорить.

Не успела Эллен закончить фразу, как мужчина сделал шаг назад, чтобы захлопнуть дверь.

– Подожди. – Она поставила ногу в дверной проем. – Может быть, я смогу тебе помочь.

– А почему ты решила, что мне нужна помощь?

– Люкке! – крикнула она и встала на цыпочки, чтобы заглянуть поверх его головы в прихожую.

– Что ты делаешь? – прошипел он, пытаясь оттолкнуть ее, но Эллен не сдавалась.

– Если ты меня непустишь, я закричу еще громче, а ты же не хочешь привлечь к себе внимание? – сказала Эллен, пытаясь распахнуть дверь.

Внезапно он перестал сопротивляться и сделал шаг назад. Эллен почти упала в квартиру.

Когда он закрыл за ней дверь, у нее внезапно подкосились ноги. Оставалось только надеяться, что он не видит, как она дрожит. Только теперь она осознала, что сделала. Все произошло так быстро. Она нащупала в кармане телефон, но вспомнила, что он разряжен. И все же

достала аппарат и стала делать вид, что смотрит в него, чтобы мужчина хотя бы видел, что телефон у нее есть.

– Кроме меня здесь никого нет, – сказал он.

Эллен сделала глубокий вздох, а потом прошла мимо него. Он стоял, прижавшись к стене и заложив руки за спину.

– Тебя по-прежнему зовут Ларс? – спросила она, войдя в темную квартиру времен конструктивизма.

Он покачал головой.

– Ты меня помнишь?

– Нет, – ответил он и пристально посмотрел на нее.

В двухкомнатной квартире почти не было мебели. В одной из комнат стояла не застеленная раскладушка с тонким матрасом. Рядом на полу – стакан воды и рулон туалетной бумаги. В углу – напольная лампа. Эллен попыталась зажечь верхний свет, но ей это не удалось.

– Ты здесь живешь? – спросила она, постучав по стене.

– Да. Что тебе надо? Если ты сейчас же не уйдешь отсюда, я позвоню в полицию.

– Звони, – сказала Эллен, надеясь, что полиция не заставит себя ждать. – Возможно, они уже выехали, – продолжила она, чтобы проверить его реакцию.

Но он по-прежнему стоял, не шевелясь и держа руки за спиной.

Эллен вошла в комнату, задуманную, наверное, как гостиная. В комнате ничего не было, за исключением нескольких газет на полу. Она поддела кипу ногой и увидела, что это обычные дневные газеты.

Ей понадобилось немного времени, чтобы удостовериться, что Люкке в квартире нет.

В кухне лежало два пакета с едой, которые он принес.

Эллен зажгла лампу рядом с вытяжкой и поставила пакеты на мойку.

– «О'бой», почему ты купил «О'бой»? – спросила она, вынув упаковку какао, и продолжила копаться в пакете. Нашла печенье «Марикекс». – Разве это не детская...

– Что хочу, то и ем. Что тебе надо?

Эллен обернулась – она не ожидала, что он подойдет к ней почти вплотную. Мигала лампа вытяжки.

– Кто ты такая? – спросил он, впери в нее маленькие глазки.

Эллен огляделась и начала тихо щелкать пальцами, и только потом встретила с ним взглядом.

– Ты меня не узнаешь? Я журналист ТВ4. Мы виделись три года назад на процессе против тебя, а теперь я ищу пропавшую девочку. – Она

заговорила слишком быстро, тем самым выдав, что ей не по себе. Зря она сюда пришла. Никто не знает, что она здесь, за исключением старой дамы с печеньем в соседней квартире. Она достала телефон из кармана и украдкой посмотрела на него в надежде, что Ларс не видит, что дисплей выключен.

Он сделал еще шаг и теперь стоял так близко, что она чувствовала его несвежее дыхание.

– Тогда тебе следовало бы знать, что мне не нравятся девочки.

Эллен попыталась вспомнить, но увидела перед собой только массу детей. Не играло никакой роли, кем они были – девочками или мальчиками.

– Но речь шла о детях.

В квартире Ларса в Гётеборге нашли свыше 12 400 детских порнографических фотографий и почти 200 фильмов на жестком диске. Ларса и его подельников удалось схватить по наводке немецкой полиции.

– Люкке! – крикнула Эллен в последний раз, чтобы убедиться, что девочки здесь нет. Потом разбежалась, бросилась мимо него в прихожую и, открыв дверь в ванную, отодвинула шторку.

– Где ты ее прячешь? – спросила она Ларса, теперь звавшегося другим именем, которое она не хотела знать.

– Проваливай. – Он подошел к входной двери и открыл ее. – Я могу заявить на тебя в полицию за незаконное проникновение в жилище. Уходи, пока ничего не случилось.

Эллен поступила, как он велел. В квартире Люкке не было.

Выйдя на улицу, она почувствовала себя совершенно опустошенной. Она медленно пошла обратно к торговому центру «Фельтёверстен» и к машине, не обращая внимания на то, что вся промокла под дождем. Она вела себя неосторожно. Мысли о том, что могло случиться, перемежались у нее в голове с мыслями о детях, проходивших по делу Ларса, об его обшарпанной квартире и о Люкке.

Дойдя до места, она огляделась. Машины не было. «Может быть, я оставила ее не здесь, а с другой стороны торгового центра?» – мелькнуло у нее в голове. Она попыталась вспомнить. Была такая спешка, что она совсем растерялась.

И вдруг, совсем рядом, она услышала какое-то шевеление. Посмотрела в ту сторону, но ничего не увидела. Наверное, ей показалось. Нервы были на пределе. Она вздрагивала от малейшего звука.

Но звук повторился. Эллен посмотрела через плечо и повернулась кругом. Посмотрела сначала в сторону улицы Карлаплан, а потом в сторону улицы Вальхаллавеген.

Он шел за ней?

Эллен. 23.15

– Где ты была?

Эллен поспешно обернулась и увидела, что ей навстречу идет Джимми.

– Ты что, с ума сошел, ты меня до смерти напугал!

– Извини, я не хотел.

– Что ты здесь делаешь? – Теперь она чувствовала себя еще больше сбитой с толку.

– Это, скорее, я должен спросить тебя, что ты здесь делаешь и почему припарковала машину рядом с гаражом?

– Что?

– Эвакуатор попытался связаться с тобой и, в конце концов, позвонил в офис, поскольку у тебя на стекле наше разрешение на парковку. Никто не смог с тобой связаться. Почему ты отключила мобильник?

– Он разрядился. Где моя машина?

– Поскольку мы не сумели с тобой связаться, эвакуатору пришлось забрать ее. Люди не могли выехать из гаража.

– Ты шутишь?

– Нет, ты можешь получить машину завтра. Где ты была?

– Зачем ты здесь? – спросила она вместо ответа.

– Я волновался...

Эллен ничего не понимала.

– Пойдем, я отвезу тебя домой, – сказал он и нажал на пульт. Стоявшая перед ней машина перестала мигать. – Прыгай.

Эллен не стала с ним спорить и сделала, как он велел. Она была слишком сильно обескуражена, чтобы протестовать.

Они поехали вниз по улице Страндвеген, мимо «Гранд-отеля» и дальше мимо дворца на набережной Шеппсбрун, не говоря друг другу ни слова.

– Хочешь подняться ко мне и выпить чаю? – спросила она, когда он остановился у ее подъезда.

– В другой раз.

– Я пошутила. – Она открыла дверь.

– Подожди, я должен тебе кое-что сказать. – Он взял ее за руку и не дал ей выйти из машины. – Я чувствую, что нам надо поговорить. Знаешь, тот последний вечер...

– Оставь, Джимми. Это неактуально. – С этими словами она закрыла дверь машины и поспешила к подъезду. Набрала код и, прежде чем войти, бросила взгляд через плечо. Машина Джимми стояла на месте.

Эллен вошла в лифт, нажала на кнопку и поехала на самый верхний этаж.

Дом был построен в XVII веке и принадлежал ее бабушке по отцу. Лифт шел до самой квартиры, и иногда к ней без предупреждения приходили в гости соседи. Но она хорошо их знала, все они были членами семьи фон Блатен. Квартиру на нижнем этаже сдавали пекарю, у которого была маленькая пекарня с самой лучшей в городе выпечкой.

Двери лифта открылись, и она сразу вошла в большую комнату. Квартира и в самом деле состояла из одной большой комнаты, не считая двух спален и ванной. Справа находилась кухня, в центре гостиная, а дальше всего от входа – рабочий уголок с видом на набережную. В квартире имелись неровности, а фасад дома был сильно отклонен назад из-за смещений в почве.

Эллен подошла к окну и посмотрела вниз на набережную Шеппсбрун. Джимми уехал.

Она долго мечтала о том, чтобы он объяснился, и теперь жалела, что не дала ему договорить. «Но что тут можно сказать», – подумала она, скинув с себя кожаную куртку и сбросив с ног туфли. Со вчерашнего утра она не переодевалась и не принимала душ.

Она пошла в спальню и оттуда в ванную. Стянула с себя одежду, которая грудой упала на пол. Едва дотронувшись ногами до теплой плитки в ванной, почувствовала, как тело начинает медленно обмякать. Она включила душ и до упора открыла кран с горячей водой. Сильная струя почти что кипятка чуть было не обожгла ее.

После душа она завернулась в большой банный халат и пошла на кухню греть чайник. Как хорошо, что в прошлый четверг она сходила в магазин. Масло, сыр, половинка лаваша и большая пачка экологически чистого мороженого.

Она разложила продукты на разделочном столике и приготовила бутерброды. В черно-белой фарфоровой чашке настаивался чай.

У Эллен все было черно-белым. Ей нравились прямые линии и резкие контрасты. Может быть, таким образом, она старалась внести гармонию в свой душевный хаос, или выражала протест против обоев в цветочек и антикварной мебели всевозможных цветов, которые ее в детстве и юности окружали на Эрелу.

К переезду Эллен в квартиру три комнаты были бережно

отремонтированы. Она решила сохранить старое очарование дома с белыми балками на потолке. Пол и стены выкрасили в белый цвет. Кухонные дверцы – в черный, к досаде ее мамы, но какое это имело значение. Мама все равно никогда не приходила к ней в гости. Только книги и газеты были разноцветными. Балкона не было, зато эркеры были глубокими и низкими, так что в них можно было сидеть и смотреть на острова Шеппсхольмен и Бласиехольмен.

В эркеры Эллен набросала подушки и овечьи шкуры. Здесь был выпит не один бокал вина.

Взяв тарелку с бутербродами в одну руку и чашку с чаем в другую, она направилась к книжной стенке, которая обрамляла два окна. Споткнулась о куртку, валявшуюся на полу, и выругалась, когда слишком теплый чай попал ей на руку. Когда речь заходила о таких несущественных вещах, как одежда и безделушки, она не отличалась особой аккуратностью.

На книжной стенке, наоборот, царил полный порядок. Книги стояли не по алфавиту и не по цвету, как у некоторых. Они были расставлены по видам преступлений.

Эллен собрала целую библиотеку о различных убийствах во всех частях света, начиная с древних времен. Книги о вскрытии, о том, как составить профиль злоумышленника. Газетные вырезки. Все.

Кое-что было у нее в компьютере, но большую часть материала она распечатала и разложила по папкам. На жестких дисках хранился в основном разрозненный материал.

Встроенные книжные стеллажи покрывали всю стену до потолка, и до самых верхних полок она доставала с помощью деревянной стремянки.

Филип называл ее библиотеку «полкой смерти». Однажды, как следует выпив, он взял одну из книг и стал читать вслух о женщине, убившей своего мужа. Со всеми подробностями. После этого он толком не спал несколько недель и потом жаловался, что вокруг глаз у него появилась масса морщин.

Эллен улыбнулась – когда он высказывался, он всегда начинал издали.

Перед книжной стенкой стоял ее письменный стол. Не классический, а старая лавка, которую она нашла, когда они собирались отремонтировать на Эрелу бывшую кузню. Она привезла лавку в Стокгольм и приделала к ней стеклянную столешницу, чтобы поверхность была ровной.

Она поставила чашку на письменный стол, и прежде чем поставить туда же тарелку, откусила кусочек бутерброда с сыром.

Как-то вечером несколько лет назад Филип спросил Эллен, какие

убийства по ее мнению самые ужасные. Ее топ-лист из пяти убийств. Он никак не мог понять ее интерес, и ему казалось, что это все равно, что назвать пять лучших видов туши для ресниц. Хотя потом ему пришло в голову, что это плохое сравнение, поскольку все зависит от ресниц конкретного человека, цели макияжа и так далее.

Для Эллен все было намного проще, считал он. Но она не соглашалась. Ужасного так много, что трудно расставить все по местам, и она назвала случаи, которые первыми пришли ей в голову.

– Кристин Шёррер, немка, которая убила двух маленьких детей в Арбоге в две тысячи восьмом году. Нина Эикиэ, убившая и замучившая в Гётеборге в две тысячи пятом году своего десятилетнего сына, у которого была задержка развития средней степени. Ирма Гресе, немецкая женщина-охранник в концлагере. Мира Хиндли, которая убивала, мучила и покушалась на детей и подростков в Манчестере в середине шестидесятых. Диана Даунз, тысяча девятьсот восемьдесят третий. Аризона. Застрелила троих своих детей, чтобы еще больше сблизиться со своим бойфрендом.

– Черт возьми. Какая жуть – ты знаешь даже даты, – заметил Филип.

Они сидели каждый в своем эркере, цедили красное вино и смотрели на Французскую бухту.

– Почему в твоём списке только женщины? Ни одного мужчины, хотя бы гея.

Эллен отпила глоток вина и стала размышлять над его словами. Он прав, в списке одни женщины. Почему она этого не заметила? Она еще раз молча прошла по списку и задумалась.

– Потому что они настоящие чудовища. Потому что они делают особенно больно. Представь себе эту немку. Разве ты не видишь ее перед собой?

– Да. Кошмар.

– Она убила двух маленьких невинных детей из-за драмы на почве ревности. Как можно так поступать? В голове не укладывается.

– Согласен, она, должно быть, совсем обезумела.

– А вот и нет. По крайней мере, было установлено, что она не страдала психическим расстройством.

– Просто она была ужасно злым человеком. Но наверняка не меньше мужчин совершали похожие преступления, а ты почему-то приводишь для примера только женщину-охранника из концлагеря? Она что, по-твоему, хуже мужчин-охранников? – продолжал Филип.

Немного подумав, Эллен кивнула.

– Почему же? Я не понимаю. Или, вернее, не хочу это принять.

Женщины не должны убивать. Не женское это дело.

И вдруг именно там и тогда до нее наконец дошло, какая болезненная тема ее интересует. Когда убивает женщина, страшно вдвойне. Это идет вразрез со всеми представлениями о том, какой должна быть женщина. Как только речь заходит о женщине-убийце, приходится добавлять, что она действовала с особой жестокостью. Или в состоянии полного безумия. Эти оговорки нужны, чтобы совсем не потерять веру в человечество. К мужчинам таких высоких требований не предъявляют.

Воспоминания о том вечере навели ее на одну мысль.

Она забралась на середину стремянки до полки «дети». Достала оттуда несколько книг, в которых решила попытаться найти ответ. И папку с газетными вырезками.

Прежде чем положить гору книг на письменный стол, убрала со стола газеты, квитанции и прочий мусор. Потом села. Зажгла лампу в виде автомата, увенчанного черным абажуром.

Примерно через час она нашла то, что искала в книге на английском языке под названием *Страдания маленьких детей*. У Эллен слезились глаза, но она старалась не обращать внимания на усталость.

Южная Каролина, США, 1994 год. Агент ФБР Грегг МакГрой рассказывает о фантомном похищении. Мама с дочкой идут в торговый центр. По дороге у мамы внезапно схватывает живот, и она бежит домой, оставляя ребенка на улице.

Когда она возвращается, дочери нет. От дочери осталась только варежка.

Значит, Эллен запомнила правильно – *варежка*.

Она стала читать дальше.

В истории много подозрительного. Почему мама оставила дочку, а не взяла ее с собой? В этом нет никакой логики. Эллен принялась размышлять о Люкке и теннисе. Дождь должен был заставить родителей Люкке призадуматься, ведь девочка играла на открытом корте. Но что Эллен знала о том стрессе, в каком живут родители маленького ребенка? Тем не менее все равно странно.

Мама из Южной Каролины позвонила в полицию и заявила о похищении дочери. Полиция отреагировала на выбор слов. Почему первая мысль была именно об этом?

Через несколько дней мама получила посылку со второй варежкой, отправитель указан не был.

Эллен лихорадочно читала дальше и вскоре дошла до места, которое искала.

Если речь шла о похищении, похитителям следовало бы проявить больше осторожности. Если цель похитителей – ребенок, чаще всего они оставляют после себя как можно меньше следов. Если они хотят денег, они сразу выдвигают требования. Во всем есть своя логика. Но почему в данном случае они оставили после себя сумку?

Она продолжала читать.

«Когда кто-то сознательно оставляет после себя следы, чаще всего речь идет о смерти».

Смерть.

Или в результате несчастного случая или умышленно. Похищение – способ замаскировать смерть. Через какое-то время мама призналась. Она убила собственного ребенка.

Эллен несколько раз глубоко вздохнула. Весь день она пыталась связаться с родителями Люкке, но безрезультатно. Или они не отвечали, или выключили телефоны. Идти к ним домой она не хотела. Отчасти потому, что не признавала такой стиль работы в журналистике. С тем же успехом она могла бы работать в какой-нибудь вечерней газете. Отчасти потому, что слишком хорошо знала, в каком ужасном состоянии сейчас находятся родители.

А вдруг кто-то случайно увел Люкке, а потом убил ее по неосторожности?

А может, это был несчастный случай?

Она пролиستала сегодняшнюю газету и дошла до страниц о Люкке, а потом на кухне достала булавки и ножницы из ящика со всякой всячиной. Вырезала снимок Люкке и прикрепила его к стене за диваном.

Затем пошла в спальню. Встала на четвереньки и стала убирать книги с книжной полки с левой стороны от кровати.

Коробка стояла в самой глубине, и ей пришлось изо всех тянуть руку, чтобы достать ее. Она не притрагивалась к коробке с тех пор, как переехала в Шеппсбрун.

Вытерев пыль, Эллен призадумалась и только потом сняла крышку.

Сначала она нашла ожерелье, а потом фотографию.

Дрожащими руками надела на себя ожерелье, с трудом застегнув его. Взяла с собой в гостиную фотографию и повесила ее прямо под снимком Люкке.

Эллен долго стояла и смотрела на стену. Глаза наполнились слезами, и ей пришлось отвести взгляд.

«Чем я занимаюсь?» – подумала она. *Смерть, смерть, смерть.*

Но это не помогло.

От отчаяния она достала мобильный и позвонила Уве. Не важно, сколько времени. Она должна связаться с мамой Люкке. Ей это не нравилось, но, может быть, другого способа нет.

Воскресенье, 25 мая

Хелена. 09.00

Как в кино. Или точно так, как по телевизору.

Хелена медленно провела рукой по ярко-красному дивану, переводя взгляд с одного телеэкрана на другой. В примерке повсюду висели телеэкраны. Совершенно невероятно, но скоро она будет сидеть в студии и беседовать с Тильде де Паулой.

Темой воскресного «Утра новостей» был День матери. В студии Лейла пекла нежные торты для всех замечательных мам страны, за все то, что каждая из них сделала для своих детей в течение года. Торты со сливками для образцовых мам, никогда не теряющих терпение и всегда готовых служить своим детям, независимо от того, как они сами себя чувствуют. Для тех, кто всегда поступает своими интересами ради блага своих детей. Для тех, кто никогда не пропускает чистку их зубов, не забывает дать витамин D и каждый день делает со своими детьми уроки. Для тех, кто никогда не кричит и не теряет своих детей.

Хелена, медленно дыша, перевела взгляд на стоящий в помещении стол с накрытым завтраком. Несмотря на то что она почти не ела с прошлой пятницы, ее ничего не привлекло, хотя здесь было все – от клубники до круассанов и всего того, что ей обычно нравилось.

Стены в комнате отдыха были выкрашены в черный цвет. Тут совсем не так гламурно, как по ее представлениям должно быть на телеканале. «Примерно как иметь детей, – подумала она, – только никто об этом не говорит». Рождение ребенка – синоним счастья, любви и эйфории. Для всех. Для всех, кроме нее. «Ожидания формируют несуществующую действительность», – попыталась утешить себя Хелена.

Пробежавший мимо мужчина в наушниках, явно пребывающий в стрессе, резко остановился перед одним из экранов в дальнем конце комнаты.

– Давай, Лейла, теперь оближи указательный пальчик и улыбнись так сладко, как только ты умеешь, – сказал он, ударив кулаком о ладонь.

Хелена посмотрела на ближайший к ней экран и встретила взглядом со щенячьими глазами телевизионной поварахи.

На столе перед ней лежали свежие газеты. Черные заголовки зывали о Люкке, а на первой полосе одной из вечерних газет поместили большую фотографию девочки. Хелена перевернула газету последней страницей вверх.

Она уже прочла газеты, хотя на самом деле ей этого не хотелось, но другого способа получать информацию у нее не было. Полиция не спешила сообщать ей новости.

У нее все зачесалось. Она попыталась не обращать на это внимание.

Этот Уве из полиции сказал ей, что в Сети обсуждают ее отстраненное поведение на вчерашней пресс-конференции, и посоветовал ей принять участие в сегодняшнем «Утре новостей», чтобы мнение о ней изменилось.

«Какое они имеют право судить?» – подумала она, почувствовав, как вся горит от злости.

Как все несправедливо. Тревога и печаль. Они ведут себя, как хотят, и управлять ими совершенно невозможно. Хелена не могла ни вызвать у себя эти чувства, ни сдерживать их. Но в первую очередь у нее не было ни малейшего желания делиться своими переживаниями. Ни с кем. Что на самом деле знают о ней эти блогеры? Ничего. Если она мама, значит, от нее все ждут, что она сломается? Или будет не в состоянии себя контролировать?

С Харальдом наоборот. Его хвалили после вчерашней пресс-конференции. Он ведь папа, и с ним явно связывали совсем другие ожидания.

«А мне действительно стоит это делать?» – подумала она. «Правильно ли я поступаю?»

Ей опять захотелось в туалет, хотя за последние полчаса она уже была там два раза. Она взяла себя в руки. Положила в рот никотиновую жвачку.

На диване напротив нее сидел пожилой господин с большим попугаем на плече. Он коротко поздоровался, а потом начал беседовать со своей птицей.

Словно она попала в какую-то страну чудес.

Мимо промчался Пеппе Энг, прихватив со стола круассан. Он не обратил никакого внимания на птицу в комнате. Будто так и надо.

Им, наверное, кажется странным ее присутствие здесь.

Хелена взглянула на часы. Она больше не могла терпеть и встала, чтобы пойти в туалет.

– Никуда не уходи, куда ты собралась? Через несколько минут начнутся новости, а потом будет твой выход, – остановил ее мужчина с наушниками.

– Мне надо надеть на тебя жучок. – Он достал маленький микрофон и коробочку, которую прикрепил сзади к ее брюкам.

– Но...

– Никаких но, здесь это не работает. Ничего, если я буду к тебе

прикасаться, иначе мне не приладить микрофон?

Не дождавшись ответа, он приподнял ее блузку.

Она не посмела возразить. Судя по запаху изо рта, он выпил слишком много кофе. Она попыталась дышать ртом, чтобы ей не стало еще хуже. Не дай бог ее вырвет.

На заднем плане пошли новости. Она увидела фотографию Люкке. Закрыла глаза.

– Вот так, иди за мной.

Сначала они поднялись по одной лестнице, а затем спустились по другой. Она никак не могла сориентироваться.

Мужчина остановился перед большой дверью, похожей на гаражные ворота. Сверху горела красная лампа. Эфир.

– Тихо, – сказал он Хелене и осторожно открыл дверь.

Они вошли в помещение, похожее на темный ангар. Стены завешены черной тканью, на полу лежат спутанные провода. Только бы не наступить на них. Впереди, как мираж, светится студия.

Мужчина приостановил ее рукой. Она услышала голос Тильде:

– Сейчас мы будем говорить о Люкке, которая пропала с теннисного корта в минувшую пятницу. Скоро будет двое суток, как она бесследно исчезла и...

Хелена пожалела, что не успела сходить в туалет.

– К нам присоединится мама Люкке Хелена, которая расскажет об этих ужасных днях. А потом мы поговорим с беременной Каролиной Гюннинг о кормлении и еще кое о чем. Мы скоро вернемся.

– Реклама, – объявил помощник режиссера и помахал ей рукой, чтобы она подошла.

«Дышать», – подумала она, пригладив волосы.

– Вот так, входи и садись за стол напротив Тильде. – Мужчина указал Хелене на пустой стул.

Тильде встала и поздоровалась. У Хелены дрожали руки, но она старалась не показывать этого.

Тильде смотрела на нее с приветливой улыбкой. Кто-то стал вести обратный счет. Хелена не видела, кто это, поскольку ее ослепил сильный свет софитов.

– Три, два, один.

Тильде заговорила в камеру:

– Два дня назад случилось немыслимое. Люкке бесследно исчезла с урока тенниса здесь, в центре Стокгольма. Ее мама Хелена Энгстрём пришла сегодня к нам, чтобы рассказать об этих ужасных днях и о поисках

своей дочери. Это страшно, и мы очень переживаем за Люкке вместе с ее семьей и близкими. Будучи матерью, я беспокоюсь по поводу того, что творится вокруг. Мы попросили нашего репортера Эллен Тамм провести уличный опрос родителей – жителей нашего города.

Хелена посмотрела на висевший рядом маленький экран. Она узнала репортера, которая говорила о ее дочери. Люди на улице говорят о ее дочери. Посторонние.

Она отпила глоток воды из стоявшего перед ней стакана и увидела на экране, как на ее лицо навели камеру. Она замерла.

– Добро пожаловать. Хелена, мама Люкке.

Куда ей смотреть? На Тильде или в камеру?

– Как ты себя чувствуешь? – продолжила Тильде, когда Хелена села.

Хелена сделала глубокий вдох и сосредоточилась.

– Что тут скажешь? Это были ужасные сутки. Худшему врагу не пожелаю пережить такое.

Тильде кивнула, словно поняла. Но как она может понять? Никто не может.

Хелена продолжила:

– Нам остается только искать, но где? Каждая минута кажется часом, и хочется спросить: когда закончится этот кошмар? И вместе с тем боишься, что кошмар закончится, и может стать еще хуже.

Она поправила рукава на блузе, и в ту же секунду у нее все зачесалось.

– Где-то есть человек, который знает, где моя Люкке, и я прошу его вернуть ее нам. Пожалуйста.

Произнося эти слова, она смотрела в камеру. Получилось вполне естественно. А как остальные реплики? Не звучали ли они заученно?

Сердце бешено билось и страшно чесались руки.

– Сильно сказано, – сказала Тильде. – Ищите в Твиттере записи по теме #случайлюкке. Комментируйте, сообщайте информацию и так далее... Ты просишь вернуть ее назад. А почему ты считаешь, что ее кто-то забрал? За вами кто-то следил? Вы чувствовали угрозу?

Хелена выдохлась. Почему она пошла на это? Ей хотелось только одного – убежать отсюда. Поехать домой. Запереть дверь. Но вместо этого она продолжала. Как машина.

– Это полиция считает, что речь идет о похищении и о том, что нам что-то угрожало? Странно, что они так думают. Полиция уже задавала этот вопрос. Сама мысль о похищении и угрозах приводит меня в ужас, но я не могу вспомнить ни того, ни другого. Если бы мы знали, что существует хоть малейший риск, мы бы никогда не оставили ее на корте, но ведь даже

представить было невозможно, что случится нечто подобное.

– Люкке жила на той неделе у своего папы, потому что вы в разводе и оба являетесь ее опекунами, – заметила Тильде.

– Совершенно верно.

– Папа Люкке тоже не замечал ничего подозрительного?

– Насколько я знаю, нет. Думаю, такое могло случиться с кем угодно.

Просто Люкке не повезло, и она оказалась не в том месте и не в то время.

– Ты думаешь, она еще жива?

Этот вопрос дался ей тяжело. Хелена глубоко вздохнула.

– На самом деле я не знаю, а на домыслы у меня нет сил. Но я понимаю, что время не на нашей стороне.

Тильде украдкой заглянула в сценарий и сказала:

– Но надежда умирает последней, не так ли?

– Я могу надеяться только на одно: тот, у кого она сейчас, заботится о ней... – Хелена вытерла глаза. – Вот о чем... – она запнулась, – может беспокоиться мама.

– Да, я прекрасно понимаю, о чем ты говоришь. Думаю, что многие мамы, особенно в такой день, действительно переживают вместе с тобой и разделяют твоё волнение. Люкке исчезла в пятницу, как прошли эти дни?

«Никто не поймет», – подумала Хелена, и, сделав глоток воды, ответила:

– Ужасно. Я даже не могу описать, до какой степени. И этот ужас продолжается. Но меня не отпускает мысль о том, что может стать еще хуже. Как я это переживу? Сколько способен пережить человек? Это словно кошмар, от которого ты не можешь очнуться. – Она провела ладонью по щеке.

На экране появилась фотография Люкке. Хелена расслабилась и, пользуясь моментом, вытерла слезы и поправила блузку.

– Ты не могла бы немного рассказать о Люкке? – попросила Тильде.

– Она была... точнее... она есть... чудесная маленькая девочка. Хорошенькая, самая хорошенькая девочка на свете, вы сами видите на фото. День, когда Люкке родилась, был самым счастливым в моей жизни. Я мечтала об этом долгие годы, фактически всю жизнь. Это и есть смысл жизни. Быть матерью.

– Ты вкладываешь в свой рассказ столько чувств, что мне трудно сдерживать слезы. И все же тебя раскритиковали за холодность.

Хелена вздохнула.

– Я уже прочла об этом. Но какой мне надо быть? Как ты выглядишь, когда волнуешься и не спишь? Каким представляется такой человек? Я не

знаю, как комментировать эту критику. Кто имеет право решать, как мне реагировать на случившееся? Речь идет о моей дочери, которую я люблю больше всего на свете.

Тильде кивнула.

– Что теперь будет?

– Мы продолжаем искать. Надеемся, что люди, знающие о пропаже Люкке, помогут нам в этом.

– Да, – сказала Тильде, посмотрев в камеру. – Если вы что-то увидите или услышите, звоните на нашу горячую линию. Спасибо за то, что ты нашла в себе силы прийти сюда и поделиться своим горем, Хелена.

Тильде улыбнулась и затем опять посмотрела в камеру.

– А теперь перейдем к другой теме. Суперженщина, писательница, художница, кинозвезда, модель, список можно продолжать до бесконечности, я по-настоящему завидую...

Это был конец. Конец. Хелена чувствовала себя совершенно опустошенной.

Все сидевшие в аппаратной зааплодировали.

Все, кроме Эллен. Ей было тяжелее радоваться тому, как успешно канал освещает случай с Люкке.

Когда она увидела Хелену в «Утре новостей», беседующую с Тильде, ей стало стыдно за то, что она сумела уговорить Уве привести ее сюда.

Но она была вынуждена. Она надеялась, что Филип сделал свое дело в примерке так, что игра стоит свеч. Она напомнила себе, что, по словам Уве, мама Люкке действительно хотела прийти на передачу, чтобы реабилитировать себя после вчерашней пресс-конференции, когда СМИ и общественность сочли ее холодной и равнодушной. Здесь ей хотя бы удалось вызвать хорошие чувства. Если их можно назвать таковыми.

Но тут что-то не так. Эллен размышляла над тем, что вчера прочла о маме, убившей свою дочь, и об оставшейся варенье. Хелена говорила о Люкке так, как будто девочки уже нет в живых.

Эллен вздрогнула.

Недалеко от нее стоял Джимми. Их взгляды на секунду встретились, а затем Эллен отвела глаза.

У Джимми была одна особенность. Стоило ему войти в комнату, как вокруг него возникала особенная аура, а все остальное становилось каким-то расплывчатым. Почти как листовой фильтр, который автоматически фокусировал на нем ее взгляд. Как ей выдержать его постоянное присутствие рядом?

Одна из камер была по-прежнему наведена на маму Люкке.

Помощник режиссера снимал с нее микрофон, и она явно испытывала дискомфорт, когда он отстегивал провода у нее под блузкой.

«Какой у нее резкий голос», – подумала Эллен. Резкий голос и под стать ему заостренные черты лица.

Она не могла понять, почему многие ведут себя так, словно Люкке умерла.

Эллен дотронулась до своей маленькой подвески в виде кувшинки, висевшей на серебряной цепочке. Она не носила ее много лет.

Джимми слегка толкнул ее в плечо и прервал ее мысли.

– Здорово получилось, Эллен. Я не верил, что ты сможешь уговорить маму прийти сюда. А как ловко ты успела провести опрос сегодня утром! Действительно, чувствовалось, как беспокоятся родители в районе

Карлаплан.

– По-моему, все бессмысленно, – тихо сказала она.

По исходящему от него амбре она определила, что вчерашний вечер он провел вне дома. Должно быть, пошел куда-то после того, как высадил ее.

– Два вечера подряд? Не много ли? – сказала она осуждающе и сразу же пожалела, что получилось слишком резко.

– Да, надо пользоваться, пока у нас такой высокий рейтинг. – Он засмеялся. – Но сегодня чувствую, что все-таки немного устал.

Ей хотелось спросить, где он был, но она сдержалась. Она упустила его из виду больше года назад. Зачем ей теперь беспокоиться? Он этого не стоит.

– Да, знаю, – сказала она и помахала рукой, чтобы развеять пивные пары.

Две стороны одной медали. Некоторые в восторге от высокого рейтинга благодаря пропавшей девочке, а за стеной по ней горюет ее одинокая мама.

«Как хорошо, что Тильде только что взяла интервью не у моей мамы», – подумала Эллен. Она еще раз напомнила себе, почему организовала утреннее мероприятие.

Если бы она могла побежать в комнату отдыха и поговорить с мамой. Составить о ней представление. Получить кое-какие ответы. Но она должна сдерживаться. Это требование мамы и Уве. Ни один журналист, кроме Тильде, не имеет права с ней говорить.

Но никто не мог запретить Филипу болтать с ней в гримерке.

Зазвонил телефон, и Эллен вышла из аппаратной, чтобы ответить.

– Привет, мама.

– Ты на работе?

– Да.

– Может, заедешь сегодня домой? Сегодня День матери, и мы бы вместе поужинали у нас на Эрелу. Приедет твой брат с семьей.

Она совершенно об этом забыла. Эллен прикусила губу.

– Прости, мама, но сегодня не могу, мне надо работать.

В трубке наступила тишина.

– Понимаю, это важнее.

– Это маленькая девочка. Ей восемь лет, мама. Я должна...

Связь на секунду прервалась, но потом опять послышался голос Маргареты:

– Я знаю.

Они закончили разговор, и Эллен почувствовала страшную пустоту.

В сегодняшнем вечернем эфире ей надо сделать акцент на версию полиции – педофильский след. Иначе Джимми прочтет ей целую лекцию. И может быть, будет прав. Перед ее глазами возникло лицо Ларса.

Утром Детеканна и Эллен просмотрели дела вышедших на свободу сексуальных преступников. Но составить четкое представление было трудно. Уве, естественно, не хотел называть никаких имен, и ей показалось, что не стоит этим заниматься. Но в данном деле полиция сосредоточилась именно на педофилах.

Полиция утверждает, что делает все, что может. Они проверили все такси, заказанные в парк Роламбсховпаркен и из парка, а также в районе Королевского теннисного корта. Проверили все машины, неправильно припаркованные в этой части города, и обошли жильцов близлежащих домах по обоим адресам.

– Мы говорили с разносчиками газет, ночным патрулем, охранниками и сотрудниками метро. Мы проверяем камеры наблюдения там, где они есть, и насколько это возможно. Мы делаем все, что в наших силах, – заверил Уве.

Но этого недостаточно.

Она написала Детеканне электронное письмо. *Ты можешь составить список старых случаев исчезновения детей за последние двадцать лет?* Как бы тяжело и противно ей ни было, может быть, она что-то найдет.

Запищал телефон. Сообщение от Филипа.

Жди меня на грузовом причале через 30 минут!

Плач застрял в горле, как пробка в бутылке, – ни вытащить наверх, ни пропихнуть вниз. Впервые за очень долгое время она решила пойти в церковь на воскресную мессу.

Она устала и совершенно обессилела. Хотя было уже почти десять, она еще не оделась. На столе перед ней лежала сегодняшняя газета. Она ее даже не открыла. Фото Люкке на первой странице пугало ее, а заголовки кричали так громко, что хотелось закрыть уши.

Все было ужасно, но самое трагическое заключалось в том, что по-настоящему никому нет никакого дела. Кроме нее.

Среди черных букв о несчастье и мраке проглядывал бестактный анонс статьи о Дне матери с рекомендациями о том, как лучше всего поздравить мам. Она отложила газету и невольно вспомнила свою мать.

По мнению врачей, ее мать вся прогнила от пьянства. Такого человека не поздравляют с Днем матери, и таких мам много. Мона задумалась над тем, правда ли, что плохие люди гниют изнутри. Хорошо бы так и было.

Она отпила глоток уже остывшего чая. На стене тикали часы. Взявшись за спинку стула, она наконец сумела подняться с него. Ноги отяжелели, каждое движение давалось с трудом. Но она должна пойти в церковь и помолиться за маленькую Люкке.

Выйдя из подъезда, Мона раскрыла зонтик. За ночь погода не изменилась – лил сильный дождь. Она не могла припомнить, когда еще так лило, и от этого становилось еще тревожнее.

Спицы зонтика торчали во все стороны, и через маленькие дырочки капала вода.

Каждый шаг отдавался болью, но она не могла понять, что именно у нее болит. Похоже, все тело.

Ее маленький красный «Гольф» был припаркован на пригорке на улице Абрахамсбергсвеген, и она достала из кармана ключи.

Как обычно, она решила проехать мимо дома на улице Лександрсвеген в Ноккебю и остановилась на повороте у возвышенности рядом с красивыми виллами 20-х годов. Она вышла из машины, опять раскрыла зонтик и посмотрела вниз с холма. На этой улице вряд ли можно научить маленьких детей кататься на велосипеде, но Мону она устраивала идеально, поскольку отсюда можно заглянуть в сад.

Самые яркие воспоминания приходили к ней в летние месяцы. Летом

ей было легче всего представить себе, что она увидела в тот июньский день, когда заглянула в сад сорок шесть лет назад. Она до сих пор помнила ту радость, которая охватила ее, когда она впервые увидела его. Он сидел в гамаке и читал газету. Он качался туда-сюда, и гамак поскрипывал под ним. Он был стильным. Самый очаровательный мужчина, которого она когда-либо видела.

Молодая женщина принесла лимонад маленькому мальчику, который сидел на веранде в плетеном кресле и болтал ногами. Под кроной яблоневого дерева стояла повозка.

Все было так красиво – настоящая идиллия. Именно такой она представляла в мечтах свою жизнь. Больше всего на свете ей хотелось перепрыгнуть через забор и обнять тех людей, стать частью их семьи, но она поступила так, как ей советовала женщина из социальной службы.

Держаться в тени. Там она и осталась. Есть раны, которые никогда не заживают. До сих пор она испытывала боль.

Было холодно, дул сильный ветер. Ей пришлось крепко держать зонтик. Цветущий яблоневый сад был по-прежнему красив. Она почувствовала слабый запах черемухи, хотя дождь смыл почти все весенние запахи. С каждым годом черемуха разрасталась и становилась все роскошнее.

Дом перевидал много разных семей. Фасад несколько раз перекрашивали, меняли шторы и садовую мебель, но ничто не могло заставить ее забыть.

Она покачала головой, закрыла зонтик и села в машину, чтобы поехать в церковь в Бромму.

* * *

После службы она осталась в церкви, чтобы помолиться и собраться с силами. Она сидела на скамье в полном одиночестве.

Здесь Мона чувствовала себя защищенной. Она ходила сюда все годы с тех пор, как умерла от алкоголизма ее мать.

На улице завывал ветер, но здесь погода не имела над ней никакой власти.

Она закрыла глаза и представила себе невинное личико Люкке.

Мона сплела холодные потрескавшиеся руки и тихо забормотала:

– Тихо в полночь в час ночной.

Господи, даруй покой.
Ангела пошли с небес,
Не попутал чтобы бес.

Эллен. 10.15

Эллен поздоровалась с Вильяром и ребятами из интернет-сервиса и вышла на грузовой причал, куда ходили курить. Сюда также выходили, если хотели поговорить без посторонних ушей.

У стены на причале стоял маленький стол и два стула. Она села на один из стульев и стала ждать Филипа. Брызги дождя залетали под крышу, и Эллен пожалела, что не взяла куртку. На столе стояло несколько грязных кофейных чашек и пепельница и лежали сложенные сегодняшние вечерние газеты. Хотя Эллен уже прочла все, что написали о Люкке за последние сутки, она раскрыла разворот, но успела только пробежать глазами преамбулу, как ее прервали.

– Я увидел, что ты идешь вниз, и решил с тобой поговорить.

Это был Джимми.

Эллен сложила газету. Почему он пошел за ней на причал?

– О'кей, – отозвалась она.

– Ты как?

– Хорошо.

– Я был в редакции и читал комментарии зрителей по поводу вчерашней передачи. Довольно жестко.

– Вот как? – Она прикусила губу. «Куда он клонит?»

– Особенно в отношении тебя и твоих сюжетов. Ты чувствуешь угрозу?

– Угрозу? – Она посмотрела на него снизу вверх.

– Да, как я уже сказал, комментарии недобрые.

– Нет. – Она старалась говорить невозмутимо, но прекрасно знала, о чем он. Ненависть в Сети. Тролли. Становилось все хуже и хуже. Не будучи большой знаменитостью в своей области, она подвергалась множеству нападок. Стоило ей появиться на экране, как на нее тут же обрушивался поток комментариев – по электронной почте, на форуме канала ТВ4 и на ее странице в «Фейсбуке».

– Многие намекают на секс.

Тут она встала. Ей не нравилось, что он смотрит на нее сверху вниз и к тому же говорит о сексе.

– Они комментируют твою фигуру, – продолжал Джимми.

«Хватит», – подумала она, чуть было не смутившись. Она боялась услышать продолжение.

– Почему ты читаешь комментарии обо мне?

– Это часть моей работы, и дело не в том, что ты не должна одеваться так, как хочешь. Я просто подумал, что...

– Да, я знаю, – оборвала его Эллен. – Но я стараюсь это не читать. В выходные дни всегда хуже. Люди выпьют и начинают комментировать информацию в Сети. Лучше всего просто их игнорировать. – Ей хотелось закончить этот разговор.

– Ну, не знаю. Если тебе станет неприятно, скажи. Во всяком случае, я хочу, чтобы ты знала: я серьезно отношусь к вопросам такого рода. Я забочусь о твоём благе.

«Ну-ну», – подумала она, кивнув. Почему он должен беспокоиться за нее только потому, что случайно оказался ее начальником?

– О'кей. Спасибо, – сказала она и опять села на стул.

Она хотела было спросить, на какие комментарии он отреагировал, но решила, что не стоит. Ее психика сегодня больше не выдержит.

Ненависть в Сети превратилась в большую проблему. Руководство решило убрать с сайта колонку комментариев, но мейлы никто не отменял. К тому же оставалась ее страничка в «Фейсбуке». Если ты появляешься в телевизоре, это часть твоей работы. Она пыталась не думать об этом и не принимать это близко к сердцу. В жизни ей доводилось переживать более страшные вещи. Если не читать то, что пишут, вполне можно дистанцироваться. Хуже, когда письма с угрозами приходят домой, но это случалось крайне редко.

– О'кей, посмотрим, как будут развиваться события. – Он открыл дверь в интернет-сервис.

– Именно, – ответила Эллен.

Как только за Джимми закрылась дверь, на причал выскочил Филип.

– *Ma chérie!*^[3] – Он развел руками и улыбнулся, сев рядом с ней. – Вообрази, что сейчас мы сидим с тобой в Париже в маленьком уютном кафе с подлинной деревенской атмосферой, ну, ты знаешь. Ты должна игнорировать парковку, грузовой причал, эту прогнившую мебель и все эти уродливые кирпичные дома вокруг.

– Конечно. – Эллен рассмеялась. – Сегодня мы играем в Париж. – Даже если с причала открывался не самый красивый вид, Эллен любила здесь сидеть.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Филип, слегка ущипнув ее за щеку. – Что хотел Джимми?

– Ничего, начальник. – Она пожала плечами. – У тебя есть сигаретка?

– Конечно, есть. – Он достал из кармана сигареты и протянул ей пачку.

Они закурили и посмотрели в сторону парковки.

– А не заказать ли нам устриц, прежде чем мы поднимемся на Эйфелеву башню?

– Давай, колись, что он сказал?

На причал вышел Вильяр, насвистывая какую-то красивую мелодию, которую Эллен раньше не слышала. Он принялся поднимать какие-то свертки.

– Что у тебя на шее? – спросил Филип.

Эллен дотронулась до цепочки, крепко сжала ее и убрала под свитер: «Ничего».

– Если честно, Эллен, говорю тебе в последний раз: тебе не надо с этим работать.

Она не ответила.

– Тебе нехорошо. Я же вижу.

Эллен смотрела на дождь, стучавший по асфальту.

– Что она говорила? – Она показала на газету, на первой странице которой была большая фотография мамы Люкке, снятой на пресс-конференции. – Я хочу знать все. Что ты о ней думаешь? – Эллен пролистала вперед до шестой и седьмой страницы. – Ты это читал? Если читать между строк, ее обвиняют в том, что она забыла свою дочь на корте и что Люкке пропала по ее вине.

– Ты тоже считаешь, что это она? – спросил Филип.

– Нет, я этого не говорила, просто тут что-то не так. Во всяком случае, я бы не стала озвучивать по телевидению свои подозрения, не обладая всей информацией.

– Но ты же читаешь между строк. Они ее не обвиняют. Хотя она производит довольно жутковатое впечатление.

– Каким образом?

– Она была холодна как лед и почти все время молчала. Я могу разговаривать практически любого, но с ней это совершенно невозможно.

– О чем же вы тогда говорили?

– Ну, не знаю, о кофе, о погоде; я сожалел о том, что случилось, и да, черт возьми, это было не так просто. Я делал все, что мог, но ничего не вышло. У меня был шок, когда она потом болтала в ящике. Как будто читала вслух по бумажке или что-то в этом роде. И очень странно, что она хотела так выглядеть.

– Это как?

– Убитой горем.

– Вполне естественно, у нее пропала дочь. Ты никак не

прокомментировал внешний вид папы.

– Ну да.

– О'кей, может быть, *ты* и сделал это, но не все остальные.

– Какое-то безумие, но она хотела, чтобы я загримировал ее так, чтобы она выглядела расстроенной и убитой горем. Ты слышала такое? Кто этого хочет?

Хелена. 17.50

Прежде чем войти во двор дома на улице Страндвеген, она еще раз оглянулась вокруг, чтобы убедиться, что ее никто не видит. Ей сейчас совсем не нужна критика за то, что она вышла на работу. С учетом обстоятельств она не должна заниматься показами. Она уже видела перед собой заголовки. Но просто сидеть дома и ждать, когда с ней свяжется полиция, – так можно сойти с ума. Смотреть на часы и быть не в состоянии что-либо сделать.

Она повесила объявление о показе у входа и вошла в подъезд. До показа оставалось десять минут.

Затхлый воздух проник на лестничную площадку, когда она повернула ключ в замке. В квартире несколько недель никто не жил. Пахло смертью, вещи умерших всегда одинаково пахнут.

Она вошла в маленький гостевой туалет в холле и посмотрела на себя в зеркало. На ней лежал такой отпечаток горя, который уже не смыть. Не играет никакой роли, на скольких диетах ты сидишь, как часто ты ходишь на фитнес, или сколько пилюль счастья глотаешь. Не смыть, и все тут.

Хелена надеялась, что возможные покупатели не узнают ее во время показа.

Она кое-где зажгла свет и проветрила. Теперь квартира выглядела более уютной.

На кухне она увидела старый радиоприемник и стала крутить ручки. Раздался треск, и квартиру наполнила музыка «АББЫ». Хелена прибавила громкость.

Затем прошла в гостиную и выглянула в окно. Ветер усилился, а по заливу Нюбрувикен побежали белые барашки. Движение на Страндвегене было, как всегда, оживленным. Для других жизнь продолжалась, словно ничего не случилось, пока она сама пребывала в каком-то вакууме. Вот бы сейчас сесть в одну из машин и куда-нибудь поехать.

Но больше всего она хотела начать жизнь с начала.

В дверь позвонили. Молодая пара, которая договорилась с ней о показе квартиры. Хелена представилась и дала каждому по проспекту.

К счастью, они вроде бы не узнали ее. Никто, наверное, не ожидал, что она будет показывать квартиру.

Хелена дала им возможность осмотреться, а сама держалась в тени. Она была не в состоянии распинаться о старинной квартире,

фантастических полах, местоположении. Не сегодня.

Она наблюдала за ними со стороны, когда они переходили из комнаты в комнату, тихо перешептываясь. Хихикали, обнимались, прямо светились в преддверии своего счастливого будущего.

Не надо. Он бросит тебя. Уйдет к молодой. Все так делают. Жизнь не будет такой, как ты себе представляешь.

Она по-прежнему иногда просыпалась ночью от слов Харальда и чувства полного бессилия. Она ничего не могла сделать. Кричи не кричи, ругай не ругай – не играет никакой роли.

Это произошло четыре года назад за день до сочельника.

Она поставила диск с рождественской музыкой. Они почти никогда не включали дома музыку, но в этот раз надо отметить Рождество по-настоящему. На самом деле она чувствовала страшную усталость, но старалась. Пыталась держаться на плаву. Все должно быть на самом высоком уровне.

В духовке лежал рождественский окорок, а елку они собирались нарядить тихо-спокойно, когда Люкке ляжет спать. Хелена купила несколько бутылок хорошего вина. Подарок к Рождеству она приготовила три месяца назад. Они поедут на охоту в Англию, потому что Харальд больше всего на свете любит охоту, а родители Хелены знали там кого-то, кто знал того-то, кто знал кого-то, и у этого кого-то можно было напрямую снять дом. Они поедут только вдвоем, никакого ребенка, которому на отдыхе нужно уделять слишком много внимания. Именно то, что им нужно. Они должны принадлежать друг другу.

Харальд вошел на кухню, когда она готовила сельдь с луком по рецепту своей мамы. Она сразу же поняла, что что-то не так. Он не снял ни ботинок, ни куртки. Взгляд усталый, но глаза широко открыты.

– Что-то случилось? – спросила она, не вынимая пальцы из банки с сельдью.

Не отвечая, он оглядел кухню. Может быть, чтобы последний раз посмотреть на то, от чего ему хотелось уйти. Или подзарядиться энергией. Или действительно показать, что Хелена ему не подходит.

– Я встретил другую.

Так и сказал. Коротко и ясно. Словно сообщил, что забыл купить молоко.

– Ты о чем? Какую другую? – Как будто она до конца не расслышала. Или тянула время. Или не хотела понять. С рук стекал укус.

– Сожалею. Я не хотел, но так получилось. Поверь мне. Вечером я соберу свои вещи и перееду в гостиницу, а после Рождества мы все

обсудим.

– Но...

– Ты ведь тоже знаешь, что у нас давно испортились отношения. Даже не могу вспомнить, когда мы последний раз прикасались друг к другу. Откровенно говоря, с тех пор, как у нас появилась Люкке...

– Что? Что ты такое несешь? Ты не можешь просто взять и бросить нас с Люкке!

Она заглянула в банку с сельдью. Не знала, как совладать с мыслями и чувствами, которые на нее нахлынули.

– Завтра сочельник. – Хотя какое теперь это имеет значение. Но тогда это казалось важным. Это единственное, что она смогла произнести.

– Извини, мне действительно жаль, что так получилось. Но мы больше не можем жить во лжи. Просто не можем. А поскольку мы собирались праздновать Рождество с твоими родителями, я подумал, что это не играет никакой роли. Без меня вам будет лучше.

Она не знала, за что ухватиться. Попыталась понять то, что он сейчас сказал. Кто он? Кто этот человек, который стоит у нее на кухне и бросает ее с дочерью накануне сочельника? Делает ее самым ничтожным и одиноким существом на свете.

Он будет встречать с ней Рождество?

– Как ты можешь так поступить со мной? А с Люкке? Это твоя дочь!

Она сама будет заботиться о Люкке? От этой мысли у нее подкосились ноги. Как она с этим справится?

– Ничего не могу поделать. Мне жаль, Хелена, но я влюблен в другую и больше не могу игнорировать свои чувства.

Ничего не могу поделать. Я влюблен в другую. Слова эхом отдавались в ее голове.

Кричи не кричи, никакого толка не будет.

– Мне жаль, Хелена. Ничего не могу поделать. Я влюблен.

– А лодочная стоянка входит? – вдруг прозвучал вопрос.

Хелена вздрогнула. Парень смотрел в окно на мостки на Страндвегене.

– Да, конечно... – Хелена натужно улыбнулась —...и членство в Королевском яхт-клубе. В проспекте все написано.

– Вот оно что, – отозвался молодой человек. Теперь небрежно, словно не хотел показать, что ее слова произвели на него впечатление. Она уже давно научилась распознавать такие игры.

Пара продолжала осматриваться.

Хелена попыталась выбросить воспоминания из головы. Запах сельди и звуки рождественской музыки.

– Извини, а не знаете, это стена несущая?

Она откашлялась и попыталась сосредоточиться.

– Да, это несущая стена, но ее и вот ту стену можно передвинуть. – Она показала. – Надо только сначала получить разрешение жилищного товарищества.

– Ой, тогда мы, можем быть, сделаем здесь спальню. – Девушка щебетала от счастья.

– Ну, мы подумаем, – сказал парень, уже с меньшим энтузиазмом.

– Конечно, – ответила Хелена. – Но не затягивайте. Во второй половине дня квартиру придет смотреть другая пара, и хозяин хочет заключить сделку до среды.

Всегда одни и те же фразы и приемы.

Девушка посмотрела на своего спутника томным взглядом. Когда они выходили, она висела у него на руке.

Дверь закрылась, и опять наступила тишина.

Хелена села на диван и уставилась на потертые обои в желтую полоску. Красивые. Она попыталась представить себе, через что они прошли. Чего только ни насмотрелись, каких только историй ни наслушались, пока висели на стене. Полоски стали сливаться, а в глазах защипало. Но слез не было.

В руке завибрировал телефон. Она взглянула на дисплей. Сообщение от Харальда. Он хотел увидеться и спрашивал, где она.

Она задумалась, но потом ответила, что находится на Страндвегене.

Буду там через 5 минут, – ответил он.

Хелена встала, зашла в ванную, два раза брызнула в рот спрей, закапала несколько капель «Клиар айс» в каждый глаз, поправила костюм, положила в рот две никотиновые жвачки и только потом спустилась на улицу.

Полиция далеко не продвинулась, расследование пока ни к чему не привело, а поступающая информация была несущественной. Эллен попыталась связаться с родителями Люкке, тренером по теннису и друзьями семьи, но никто не хотел говорить со СМИ. Ей удалось выйти на родителей одноклассников Люкке, но все, похоже, были в неведении. Судя по всему, Люкке ни с кем в классе не дружила и никто ее толком не знал. Родители больше всего беспокоились за своих собственных детей и задавали Эллен массу вопросов, на которые она не могла ответить.

Прочесывание местности не дало никаких результатов. Были проверены камеры наблюдения и опрошены контролеры в метро, но Люкке исчезла без следа.

Эллен словно топталась на одном месте, а время шло. Надо попробовать придумать что-то новое. Что она и все остальные упустили?

Она должна выйти из редакции и что-то предпринять.

В подземном гараже здания ТВ4 по воскресеньям почти никого не было, за исключением полосатых машин, принадлежащих редакции новостей.

Эллен повернула ключ и дала задний ход, но тут зазвонил телефон. Она достала его из сумки.

Джимми. Номер у него не изменился.

Пусть звонит; сколько раз она надеялась на то, что он ей позвонит. Но сейчас не тот случай. На дисплее с тем же успехом могло быть написано *начальник*.

– Эллен. – Она сделала усилие, чтобы ответить кратко.

– Это я. Пожалуйста, выключи машину. Я в гараже.

– Что? Почему? – Она оглянулась.

Но он уже бросил трубку.

Эллен неохотно выключила двигатель. В зеркале заднего обзора она разглядела, как он с целеустремленным видом идет к ней через всю парковку.

Как бы она ни старалась, но когда он приблизился к ней, ее охватило волнение.

На нее нахлынули воспоминания о том последнем вечере. В течение нескольких месяцев они время от времени встречались. Будь ее воля, Эллен виделась бы с ним хоть каждый день, но Джимми был против быстрого

развития событий. Они никогда не встречались у него дома, потому что он жил вместе с сестрой. Пока длился их роман, Эллен ни разу ее не видела, но Джимми был не из тех, на кого можно давить или к кому можно приставать с вопросами. Он ясно дал понять, что не хочет говорить о себе, и, несмотря на то что она владела всеми журналистскими приемами и умела разговорить собеседника, с ним это не работало, а Эллен была слишком влюблена и не осмеливалась что-то требовать.

На самом деле он был типичным «человеком первой главы». Дальше первой главы она не пошла. Читать дальше ей было запрещено.

Но это была замечательная глава, которую она с удовольствием прочла несколько раз, и с каждым разом ей все больше и больше хотелось продолжения. Она знала, что когда продвинется дальше, когда он впустит ее в свое пространство, он никогда ее не выпустит. Так ей казалось, и она все время была близко.

Как он слушал ее! Как подтрунивал над ней! Как смеялся с ней! Он дотрагивался до нее так, как не делал никто другой. Это было так прекрасно, что почти причиняло боль. Стоило ей почувствовать его запах, как у нее начинали гореть щеки. В его присутствии она полностью теряла над собой контроль.

По мнению Филипа, книга Джимми состояла только из одной главы. Он просто красивая обложка. Но это не так, она знала. В переплете было содержание.

В тот вечер словно что-то сдвинулось с места. Они ужинали в ресторане в старом городе, и сначала он вел себя странно. Коротко отвечал на ее вопросы и казался растерянным.

– Что-то не так? – спросила она, когда они вошли в лифт ее дома. Он словно дистанцировался от нее, и потом она поняла, что именно так и было.

– Подойди поближе. – Он взял ее за подбородок и начал целовать. Поцелуи прекратились только тогда, когда лифт остановился в ее квартире.

Прямо в прихожей стянул с нее свитер. Взял ее груди в свои ладони, словно она была куклой из самого тонкого фарфора, к которому он когда-либо прикасался.

Ее трясло. В конце концов, она стояла перед ним полностью обнаженной. Он поцеловал ее. Сначала в губы, потом в шею, а потом ниже. Взял на руки и понес в постель.

Она совершенно расслабилась, как будто он раскрыл двери в свой мир и впустил ее туда. Словно ему всего было мало.

Потом они сели в один из эркеров, завернувшись в пуховое одеяло.

В открытое окно задувал прохладный ветерок. Они пили вино из одной бутылки и курили одну сигарету на двоих.

И тогда Эллен рассказала ему историю, которую знали только считанные люди, но ей показалось правильным рассказать это здесь и сейчас.

Джимми слушал ее без осуждения и не пытался сделать вид, что понимает ее чувства и ощущения. Скорее он хотел стать ей ближе, помочь избавиться от зла, от той вины и отчаяния, которые крепко держали ее в своих лапах.

Она плакала, а он вытирал ей слезы. Потом она уснула в его объятиях. На следующее утро он исчез.

Она лихорадочно звонила ему целую неделю, но он не отвечал. Через какое-то время ей надоело унижаться, и она перестала звонить. Эллен делала все возможное, чтобы не оказываться с ним в одних и тех же местах, и ей удавалось избегать с ним случайных встреч.

Теперь она вышла из машины, громко хлопнув дверью.

– В чем дело? Ты что, перекрываешь мне все пути?

Может быть, он хочет продолжить с того места, на котором вчера остановился? Она вдруг испугалась, что он начнет просить прощение за то, что ранил ее, но он не считает это правильным и дальше понесет обычную чушь. Прошло больше года. Она пошла дальше и больше не хочет к этому возвращаться.

Никогда.

– Ты куда? – спросил он с серьезным видом.

– На задание, – ответила она тоном упрямого подростка и завязала волосы в узел на макушке.

– Без Андреаса?

Она кивнула. Многих пугал оператор с большой камерой, и иногда было легче все разузнать самой, а потом уже вызвать по телефону Андреаса. Она должна что-то предпринять, раз не может никому позвониться.

– Смотрю, ты забрала машину.

Эллен опять кивнула.

– Может быть, тебе пойти на автомобильные курсы, чтобы подучиться парковаться? – Он усмехнулся.

Эллен посмотрела на бетонный пол и увидела, что поставила машину между двумя парковочными местами.

– У тебя что-то важное? – У нее не было никакого желания стоять тут и болтать с ним.

– Да.

«Это неправда», – подумала она, прислонясь к машине, чтобы хоть как-то защитить себя от того унижения, которое сейчас на нее обрушится. – Мне неинтересно говорить.

– Я хочу, чтобы мы заявили в полицию, – оборвал ее Джимми.

– В полицию?

– Да, по поводу того, о чем мы говорили на причале. Не понимаю, почему ты не воспринимаешь угрозы всерьез. Обстановка в Сети накаляется, и ты должна перестать игнорировать происходящее. Во всяком случае, как твой начальник, я не могу этого допустить. Я хочу, чтобы мы сели и проанализировали эти угрозы, а потом обобщили бы все и заявили в полицию. – Джимми достал свой телефон. – Посмотри сюда. Я понял, что тебе все равно, но я это так не оставлю. Ты ведь не читаешь то, что о тебе пишут? И еще: я не хочу, чтобы ты одна возвращалась вечером домой. Бери такси и отдавай мне все квитанции. Будь то работа или личные дела.

Эллен кивнула. Закусила губу. «Ему пришлось добавить “как твой начальник”», – подумала она.

– Ты действительно ничего не читаешь, что о тебе пишут на форумах и в комментариях? Я собираюсь закрыть рубрику «комментарии». Тебе приходит много электронных писем? Хочешь, я попрошу кого-нибудь фильтровать твою почту, чтобы тебе не читать все?

– Нет, спасибо, не надо. Я уничтожаю мейлы, не читая, и, как уже говорила, научилась абстрагироваться от комментариев в Сети. С учетом твоей реакции так будет лучше всего. – Она улыбнулась.

– Одумайся, Эллен, это угрозы. К тому же омерзительные. Мы должны воспринимать это всерьез. Я хочу, чтобы мы заявили в полицию.

– И как, по-твоему, это нам поможет? Полицию это ничуть не беспокоит, мы с твоим предшественником уже попытались заявлять в полицию, но они сразу же закрыли дело. И я их понимаю, что они могут сделать? Это просто пустые угрозы. Люди вываливают в Сеть массу грязи.

– Это серьезно, Эллен. – Джимми достал свой телефон и нашел один из комментариев на ее официальной странице в «Фейсбуке». – Вот, например, что пишет некий Поль Лундскуг. – Он держал телефон так, чтобы она смогла прочесть.

Я тебя изнасилую, ты, чертова проститутка.

– Это, черт возьми, сумасшествие. – Джимми провел рукой по волосам.

Эллен взяла его телефон и открыла профиль Поля.

– Живет в Стокгольме, похоже, в районе Эншеде. Двадцать три года.

– И они пишут такое от своего собственного имени. Значит, в головах у них дырки. Сквозные. Они что, не понимают, что это преступление?

Эллен набрала номер коммутатора ТВ4.

– Можешь соединить меня с Полем Лундскугом из Эншеде?

– Что ты делаешь? – Джимми попытался отобрать у нее телефон.

– Подожди, – увернулась Эллен.

Через несколько секунд раздались гудки.

Ответил мужчина. Похоже, его разбудили.

– Привет, это Эллен Тамм с ТВ4.

– М-м, о'кей...

– Почему ты пишешь на моей странице в «Фейсбуке», что изнасилуешь меня? Ты ведь знаешь, что это угроза? Я заявила в полицию, к тебе домой едут полицейские. Речь идет о двух годах тюрьмы. Довольно глупо угрожать кому-то в «Фейсбуке», зная, что не можешь делать это анонимно.

– Что? Ты надо мной издеваешься? Кто это?

Теперь он явно проснулся.

– Эллен Тамм. Мы собираемся показать в прайм-тайм программу, где назовем имена и адреса всех тех, кто угрожает мне в Сети. Этот разговор записывается. Я сообщила твоим родителям о времени передачи. Супер. На этом все. Спасибо. – Она положила трубку.

Джимми уставился на нее.

– Мне надо ехать. – Она села в машину. Закрыла дверь и, прежде чем повернуть ключ, сделала несколько глубоких вдохов.

Потом дала задний ход и стала выезжать из гаража. В зеркале заднего обзора она видела Джимми, который продолжал стоять и смотреть ей вслед.

Она включила радио на максимальную громкость. При повороте на улицу Тегельуддсвеген зазвонил телефон. Она приглушила радио и ответила, не посмотрев, кто звонит.

– Привет.

– Это Эллен Тамм с ТВ4?

Мужской голос. Голос показался знакомым, но она не могла понять, кто это.

– А это кто?

– Это Харальд Хёёк, папа Люкке.

Эллен притормозила. Она пыталась связаться с ним, начиная со вчерашней пресс-конференции.

– Мы не могли бы увидеться? – спросил он. – Мне нужно кое о чем с

тобой поговорить.

Эллен. 21.00

Харальд провел ее в комнату, которую назвал салоном. Комната напоминала бутик-отель, и Эллен не могла понять, как в такой обстановке могут жить маленькие дети. Все было продумано до мельчайших деталей. Маленькое серебряное блюдо не случайно стояло рядом с изделием из стекла именно на этом фотоальбоме. Подушки в серой цветовой гамме были идеально расставлены, а вся комната олицетворяла элегантность. Стены украшали картины и фотографии в черных рамках. Над диваном висел портрет пожилого мужчины в массивной раме, а на стене напротив – фотография маленького мальчика в матроске.

– Садись. – Он показал на одно из трех кресел, которые вместе с диваном окружали большой стол со столешницей из латуни.

Эллен подчинилась.

– Мне очень жаль, что вам приходится проходить через все это, – сказала она.

Харальд кивнул и сел на диван. Он был одет в серый кашемировый свитер под горло и джинсы. Несмотря на темные круги под глазами и многодневную щетину, он производил приятное впечатление. У него были густые волосы и хорошая осанка.

Открылась дверь, и вошла женщина.

– Ты уже вернулась? – спросил Харальд удивленно.

Эллен обернулась и увидела высокую стройную женщину с идеально уложенными волосами.

– Это моя жена Хлоя, – представил он.

Хлоя поздоровалась с Эллен и села на диван рядом с мужем. «Настоящий скульптурный декор», – подумала Эллен.

– Я гуляла с нашим сыном, – объяснила Хлоя и положила руку на колено Харальда.

– Эллен работает на ТВ4, – заметил Харальд.

Хлоя кивнула.

– Пожалуйста, принеси нам кофе, – попросил ее Харальд.

Она быстро убрала руку и встала, чтобы взять с круглого придиванного столика серебряный кофейник.

– Спасибо, – сказала Эллен и осмотрелась. Взгляд остановился на фотографиях на боковом столике. Красивые снимки с отдыха перемежались с фото, сделанными в фотоателье. Но Люкке нигде не было.

– Тебе с молоком?

– Нет, спасибо, – ответила Эллен и перевела глаза на большой портрет, висевший на стене над диваном. Пожилой мужчина неотрывно смотрел на нее.

– Это мой папа. Он присматривает за мной, – сказал Харальд, кашлянув.

– Его уже нет в живых? – Эллен сделала глоток горячего кофе.

Харальд повернулся и посмотрел на портрет:

– Нет, он жив. Еще как жив. Я повесил его портрет как напоминание о том, что я всегда должен делать все, что в моих силах. Может быть, звучит глупо, но гостиничную сеть основал мой отец, и мне выпала честь возглавить фирму, когда он вышел на пенсию. Это только называется пенсией, на самом деле он по-прежнему сидит в правлении и принимает все решения.

– У тебя есть братья и сестры? – спросила Эллен.

– Да, старший брат.

– Он тоже работает в вашей фирме?

– Нет, он переехал в Лондон, когда наши родители развелись. У него бар или что-то в этом роде. Мы с ним очень разные. Он никогда не проявлял интереса к семейному бизнесу.

– Так что, твои родители в разводе?

– Да, редко у кого сохраняются семьи в наше время. Я надеялся, что мои дети будут расти в другой атмосфере, но... – Он опять закашлялся и потом продолжил: – А теперь к делу. Сожалею, что со мной было трудно связаться. Я слышал твои сообщения на автоответчике. Ты меня извини...

– Понимаю. *Больше, чем ты можешь предположить.*

– Это покажется странным, но мне нужна твоя помощь.

– Моя помощь?

– Да. – Он посмотрел на Хлою. – Дорогая, не могла бы ты оставить нас на минутку?

Хлоя с удивлением посмотрела на него, а потом на Эллен.

Эллен не знала, куда ей деваться, и стала теревить шов на джинсах.

– Хорошо, у меня все равно дела. – Хлоя резко встала.

Харальд проследил, чтобы она вышла из гостиной, и продолжил только тогда, когда она уже не могла их слышать. – В пятницу я видел тебя на корте. Когда ты туда приехала, я сидел в одной из полицейских машин.

Эллен кивнула.

– Я знаю, что это ты вызвала поисковый отряд и пыталась задействовать кавалерию. Спасибо тебе за это, но я не понимаю, почему ты

так заинтересована найти мою дочь? – Харальд впился в нее глазами.

– Мы все хотим ее найти, и я хочу помочь. – Эллен пожала плечами.

– Не понимаю, почему полиция не может ее найти. Со всей современной техникой, Интернетом, СМИ, спецотрядами и всем прочим – и все равно зацепиться не за что.

В голосе Харальда слышалось возмущение, и Эллен его понимала.

– Это так. И наводки, к сожалению, ничего не дали. – Эллен опустила глаза.

– Мы должны ее найти. Я говорил с мамой Люкке, и мы сошлись во мнении. Мы хотим, чтобы вы объявили о вознаграждении тому, кто найдет нашу дочь. – Эллен не успела ничего ответить, как он продолжил: – Полиция отговаривала меня это делать. Они утверждают, что это приведет к еще большему количеству несущественной информации. Но к сожалению, я больше не доверяю их советам. Раз ничего не происходит, надо действовать самому. Ты сумеешь мне помочь? Может ли ТВ4 объявить о вознаграждении, и мы вместе будем просматривать поступающую информацию?

Он отклонился назад с понурым видом, посмотрел на нее и с нетерпением спросил:

– Ты мне поможешь? Два миллиона тому, кто найдет ее или сообщит информацию, благодаря которой мы ее найдем. Ты успеешь включить это в вечерние новости?

Она посмотрела на его золотые часы и поняла, что два миллиона не разорят его. «Почему не предложить больше?» – подумала она. – Если это поможет».

До десятичасовых новостей оставался час. А вдруг удастся вставить это в вечерние новости?

– Я сделаю все, что смогу. – Она достала из сумки телефон и отправила сообщение Андреасу.

– А какие отношения у Люкке с твоей новой женой? – спросила она.

– Хорошие. Насколько это возможно. Нелегко вот так вдруг взять на себя заботу о ребенке, который тебе чужой.

Так же, как непросто не по своей воле делить папу с чужим человеком.

– Расскажи мне о Люкке, – сказала вместо этого Эллен.

Харальд положил ногу на ногу, сделал глубокий вдох и только потом начал:

– Что сказать... Она хорошо учится в школе. – Он опустил вторую ногу вниз и наклонился вперед. – Она тихая и часто замыкается в себе.

Необщительная.

– А как ты думаешь, почему она такая? – спросила Эллен.

– Почему? Мы все разные. – Харальд пожал плечами.

– У нее есть какой-то диагноз?

– Нет-нет, никакого диагноза у нее нет. – Он выставил вперед ладони, чтобы подчеркнуть свою мысль. – Но знаешь, развод и все такое. Ей пришлось несладко. У ее мамы была послеродовая депрессия, ей было трудно принять свою дочь, а я... Я, наверное, не всегда был рядом.

Он откинул голову назад.

– Как ты думаешь, что случилось с Люкке? – спросила Эллен.

– Если бы я знал. Понятия не имею. Поверь мне, я прокрутил в голове сотни различных сценариев, но ничего не понял.

– У вас есть недруги?

– Нет, насколько я знаю, нет.

– Никто не требовал у вас деньги?

– Знаешь, пусть бы лучше требовали деньги – тогда я бы знал, что она жива, а сейчас я ничего не знаю.

Эллен кивнула.

– А у Люкке есть подружки?

– Разумеется.

– А как зовут ее лучшую подружку?

Харальд пристально посмотрел на нее.

– А почему ты спрашиваешь?

– Я хотела бы поговорить с ней. Или с ним.

– Зачем?

– Кто знает, может, мы выйдем на новый след. Она приглашает друзей домой? – продолжала Эллен.

– Да, наверное. А что ты хочешь этим сказать?

– Я говорила с родителями одноклассников Люкке, и, похоже, дома у вас никто не был. Как так может быть? Люкке никогда не играла с одноклассниками?

– Я бы не хотел, чтобы ты расспрашивала друзей...

– Над ней издевались?

– Издевались? – Его словно ударили по лицу. – Нет, над Люкке не издевались.

У Эллен зазвонил телефон. Звонил Андреас.

– Сейчас ты поедешь со мной в студию для короткого интервью, времени у нас в обрез. Мы должны быть там не позднее, чем через пятнадцать минут.

– Можно сходить в туалет? – спросила Эллен.

– Да, конечно. Туалет в холле, дверь налево.

Харальд продолжал сидеть на диване, когда Эллен через столовую и кухню пошла в холл.

Хлои нигде не было видно. В квартире стояла тишина, только из кухни раздавался звук посудомоечной машины.

На одной из закрытых дверей висела написанная от руки табличка. Люкке.

Эллен огляделась, сначала тихо постучала, а потом осторожно открыла дверь и вошла. В комнате было прохладно и пахло чистотой. Она зажгла свет и закрыла за собой дверь. Для такой большой квартиры комната была маленькой. «Типичная девчачья комната», – отметила Эллен и стала вспоминать, как выглядела ее собственная комната, когда она была в возрасте Люкке. Ей не разрешали иметь стандартную детскую мебель и плакаты, как у ее подружек. На Эрелу не пристало прикреплять что-либо на расписанные вручную обои в цветочек. Зато по обе стороны кровати висели портреты ее родителей.

Люкке спала на маленькой кровати, заваленной подушками ярких цветов. Рядом с кроватью стоял ночной столик с будильником и стаканом, наполовину наполненным водой. В углу – большой матерчатый ящик, набитый мягкими игрушками. Напротив кровати – письменный стол, где царил полный беспорядок, как и у самой Эллен. Пенал, ручки и альбом для рисования лежали в куче, наверху которой красовалась светло-розовая копилка в виде поросенка.

Над столом на стене висело фото класса. Эллен вгляделась в лица одноклассников Люкке – они еще совсем дети, но держатся уверенно и расслабленно.

Рядом с фотографией висели газетные вырезки о собаках и кроликах. Эллен сняла вырезку о симпатичном маленьком щенке лабрадора – он напомнил ей собаку, которая была у нее в детстве, Тессин. Она сложила вырезку и положила ее в карман.

Один из ящиков письменного стола был забит ароматизированными ластиками. Эллен взяла ластик в форме сердечка и понюхала его. Клубника. Некоторые вещи в жизни сегодняшней восьмилетней девочки по-прежнему важны, как и двадцать лет назад.

– Что ты здесь делаешь?

Хлоя появилась в дверях внезапно.

Эллен быстро спрятала ластик в карман.

– Извини, я поняла, что это комната Люкке и только хотела

посмотреть... Мы должны срочно поехать обратно в редакцию, чтобы объявить о вознаграждении. – Она протиснулась мимо Хлои и вышла в коридор, ведущий в холл.

– Что еще за вознаграждение? – Хлоя пошла за ней. – И кто такие мы, которые едут в редакцию?

К счастью, Эллен не пришлось отвечать, поскольку в холле их встретил Харальд.

– Все объясню потом. – Он поспешно поцеловал Хлою в щеку и надел дождевик. – Скоро вернусь.

Эллен взяла свою сумку и непромокаемую куртку и вышла вслед за ним на лестничную площадку.

– Давай спустимся по лестнице, – сказал он и побежал вниз. – Лифта не дождешься.

Эллен припарковала свою машину прямо у входа в подъезд.

– Садись в свою машину. Увидимся в студии. Поезжай за мной, я покажу тебе, где можно припарковаться.

Садясь в машину, она бросила взгляд на фасад. Хлоя стояла у окна и пристально смотрела на них.

Эллен. 22.30

Интервью с Харальдом превзошло все ожидания. Он был эмоционален, но при этом спокоен и сосредоточен. Эллен испытывала прямо противоположные чувства. Они с Филипом ехали в машине с ТВ4.

– Капли дождя все падают мне на голову... – пел Филип, хлопая себя по ногам в такт мелодии. Но вдруг перестал и разочарованно произнес: – Подожди, я больше ничего не помню. Капли дождя все падают мне на голову... А что потом?

Эллен сосредоточенно пыталась объехать глубокие лужи.

– Кап-кап, кап-кап, нет, это ведь другая мелодия?

Красный свет около стадиона заставил ее остановиться. Она нетерпеливо ударила по рулю.

– *Raindrops... keep on falling in and out...* [\[4\]](#)

– Ты путаешь песню о дожде с Алишей Киз.

Филип отвернулся – он никогда не признавал своих ошибок. Но вскоре опять взялся за свое.

– А вот эта? – спросил он. – *Я слышал сегодня по радио... потому что внутри у меня только дождь...*

– Прекрати, мне сегодня не до песен, – попросила Эллен.

Теперь они оба сидели молча, погруженные в свои мысли. Филип смотрел в боковое окно. Эллен – прямо перед собой.

– Она стоит два миллиона, – произнесла Эллен. Она не могла не гадать о том, сколько бы заплатил ее собственный папа. – Два миллиона. «Но мы все крепки задним умом», – подумала она.

– Смерть, смерть, смерть, – прошептала она, надеясь, что Филип ее не слышит.

Но он повернул к ней голову, и она почувствовала, как он в буквальном смысле слова видит ее насквозь и анализирует все, что происходит у нее в душе.

– Знаешь, что, по-моему, в тебе не так, Эллен? Я говорил это раньше и говорю это теперь как твой лучший друг, – начал он спокойно и убедительно, будто ей двенадцать лет. – Ты должна сменить работу. Ты живешь за счет смерти и в то же время ходишь к психологу, чтобы научиться владеть своими чувствами, связанными со смертью. Так не пойдет. Ты как бомба замедленного действия, которая скоро взорвется. Ты должна с этим разобраться. Понимаешь? Ты скороговоркой произносишь

свою мантру, или как там ее, щелкаешь пальцами, у тебя бывают панические атаки и бог его знает что. Сколько так будет продолжаться? Я...

– Хватит. Давай лучше петь, – сказала Эллен, не глядя на него.

– Нет, я не собираюсь заканчивать. Я думал вот о чем. Послушай. На днях я смотрел фильм о солдатах в Афганистане или как там его. Во всяком случае, красивые ребята. Знаешь, как они называют кровь, которая становится похожей на дождь после того, как, например, выстрелить кому-то в голову? Знаешь?

Эллен покачала головой – она не понимала, какое это имеет отношение к делу.

– *Pink mist*^[5].

– *Pink mist*? – Она мельком взглянула на него.

– Понимаешь?

– Нет. Я даже не знаю, хочу ли я понять.

– Ты ведь разъезжаешь в розовом «Порше». Ты разъезжаешь по смерти. Вокруг тебя везде смерть. Это же неприятно. – Краешком глаза она увидела, как он на нее уставился.

– Что? Так кто из нас на самом деле болен? – спросила она. – Ты хочешь сказать, что я езжу в кровавых брызгах от мертвых людей? Только не начинай говорить о том, что розовый не мой цвет. Что я его не заслужила. Что мне пойдет некрасивый желтый.

– Успокойся и пойми меня правильно, ты знаешь, что я тебя люблю, но эта история с пропавшей девочкой... Это нехорошо, сначала ты должна разобраться с собственным говном. Никто не может понять, через что ты прошла, но от этого не легче. Ничто не изменится только от того, что ты найдешь эту девочку. Или не найдешь, – добавил он.

– Возможно, именно поэтому я и занимаюсь этим делом, это мой способ разобраться.

– Стратегия не из лучших. Посмотри на себя. Ты выглядишь так, будто за несколько дней сбросила не один килограмм. Ты почти не спишь, и у тебя появился тик...

– Но ты же, черт возьми, не думаешь, что у меня розовая машина потому, что брызги крови называются «*pink mist*». Интересно, кому из нас двоих действительно нужна помощь?

– Не знаю, Эллен. Не знаю. – Он произнес эти слова тоном настоящей примадонны. – В тебе засела печаль, как острая замерзшая льдышка. Она должна растаять.

– Вау, это из Доктора Фила?

Зазвонил чей-то телефон.

– Это мой. Возьми, пожалуйста. – Эллен свернула на улицу Стурегатан.

– Я что, похож на твоего секретаря? – Филип опять отвернулся. – Убавь, пожалуйста, обогрев. Здесь жарко, как в студии бикрам-йоги. – Он демонстративно распахнул пиджак.

– А теперь возьми мой телефон. Может быть, там что-то важное.

Филип вздохнул, но достал из сумки ее телефон и посмотрел на дисплей.

– Ой, уже! – Он ухмыльнулся.

– Что это? Кто это? – Она попыталась забрать телефон, но Филип оттолкнул ее.

– Что?

– Это от Джимми.

– И что он пишет? – с нетерпением спросила она.

– Он благодарит за вчера и пишет, что ему понравился твой *slutty nurse-outfit*^[6]. – Филип похлопал ее по плечу и громко засмеялся. – Вот видишь.

– Черт, ты с ума сошел. Что там написано?

– Где?

– Он просит тебя позвонить. Типичные кодовые слова, которые означают, что он хочет видеть тебя в *slutty nurse-outfit*.

– Странно, на мне же был *slutty corn-outfit*^[7].

– *Slutty corn-outfit*? А что это такое?

– Это когда на тебе костюм кукурузы, только с оттенком секса. Сексуальное платье, похожее на початок.

Они засмеялись.

– Тебе тяжело работать с ним? – В машине опять воцарилась серьезная атмосфера.

– Не тяжело, а отвратительно. Не понимаю, почему я просто не могу его забыть? Даже думать о нем не хочу. Это пройденный этап.

– Потому что ты влюблена.

Эллен ничего не ответила.

– Знаешь, что я думаю? Ему удалось стать для тебя близким человеком, а когда ты подпускаешь кого-то так близко к себе, этого человека трудно отпустить. Вот и все. Ты раскрылась перед ним.

Эллен решила сменить тему.

– Ты поедешь со мной до Свеавеген, – сказала она и вырулила на улицу Кунгсгатан.

– Ты что, с ума сошла, в этих районах города я не появляюсь. Поезжай обратно на Эстермальм. Это *out of my comfort zone*^[8].

– Мы только купим кофе, и потом я отвезу тебя в «Патрицию»^[9], чтобы ты опять смог почувствовать себя как дома, хотя «Патриция» находится на Сёдере. – Она улыбнулась.

– Это так, но оттуда я по крайней мере могу видеть Старый город и Эстермальм. Не составишь мне компанию?

– Нет, мне надо домой работать. Можно взглянуть на сообщение?

– Это просто рассылка, он послал это всей редакции. Зрительский рейтинг.

Эллен попыталась скрыть свое разочарование.

– Кстати, о мачехе. Жуткая.

– В каком смысле?

– Она как будто наблюдает за нами. Недовольна и ревнует. Не знаю. Вся семья Люкке какая-то странная.

– О боже, если пропажа Люкке – дело рук мачехи, вот это сюжет! Свет мой зеркальце, скажи... Нет, извини. Я не хотел так шутить.

– Знаешь, в оригинальной версии *Золушки*, а также в *Гензель и Гретель* все зло происходило от родных матерей. Но потом истории переписали, и злыми стали мачехи, иначе был бы полный кошмар.

– Привет! – крикнула Эллен, когда двери лифта в ее квартиру открылись. Ее привет отрикошетил от стен, но никто не отозвался.

Она попыталась представить себе, что живет не одна, а с кем-то, и этот кто-то вышел ей навстречу, нежно поцеловал в губы, сказал ей, какая она классная, приготовил спагетти с мясным соусом, а потом включил сауну, затопил камин и выбрал фильм, а еще подарил ей букет цветов и выгулял их собаку.

Эллен начала жалеть, что не пошла с Филипом в воскресный клуб на «Патриции».

В нос ударил затхлый запах увядших цветов на обеденном столе, и слышно было только, как дождь барабанит по черепице крыши.

«Прекрати жалеть себя», – подумала она, снимая мокрую куртку и туфли.

Эллен обошла всю квартиру и включила свет. Паркет скрипел под ногами. Она решила зажечь свечи и посмотрела на открытый камин, который не топила с зимы. Усомнившись, сможет ли она его зажечь, все-таки решила это сделать. Нельзя же всю жизнь провести в ожидании чего-то. «Живи сейчас», – призвала она себя и положила в камин несколько поленьев, которые загорелись почти сразу.

Одиночество стало ее второй половиной, и это надолго. Во всяком случае, так считает ее психолог, которая утверждает, что Эллен не хватает смелости подпустить кого-то к себе. Но как она, такой неизлечимый романтик, может одновременно настолько бояться любви? Одно с другим не вяжется. Или, по крайней мере, это неравная комбинация. Помня случай с Джимми, она никогда не позволит себе снова потерять контроль. Она до смерти боится подпустить кого-то так же близко, положиться на кого-то, поделиться с кем-то историей своей жизни, а потом разочароваться или, еще хуже, потерять кого-то.

– Почему ты одна? – удивлялись окружающие. Этот вопрос достал ее. Что ответить на вопрос, звучащий как обвинение? Или как будто его задавали больной.

На самом деле она была таким же человеком одной главы, как и Джимми, но без увлекательного продолжения, а только с темным прошлым. Кто захочет иметь с ней дело, узнав о том, что она натворила? Джимми ясно дал ей понять это. Когда она наконец собралась с духом и решилась

прыгнуть в омут с головой, он сначала принял ее, а потом передумал, осознав, насколько тяжела ноша. Он не хотел иметь к этому никакого отношения, и она вообще-то понимала его. А как бы она сама поступила?

Кстати. Спагетти и мясной соус. Надо попытаться подумать о чем-то другом. Например, о еде.

Эллен открыла холодильник и увидела в нем только масло и сыр. Рядом почему-то лежал винный штопор. Она достала его и переложила в кухонный ящик.

«Если некому приготовить тебе еду, придется решать эту проблему по-другому», – подумала она и взяла в руки телефон. В «Урбан Дели» на площади Нюторгер готовили лучше любого мужа. Доставки у них не было, но она обычно заказывала такси, и еду привозили ей домой.

Во всяком случае, дома у нее есть вино. Не глядя, она достала бутылку красного и открыла ее. Винный аромат и потрескивание камина немного заполнили пустоту. На какое-то время.

Она налила вино в бокал и сделала большой глоток. В ожидании еды приготовила себе ванную. Добавила всевозможные масла, зажгла ароматические свечи с фруктовым запахом, выстроившиеся в ряд на полке, и медленно опустилась в теплую воду. Закрывает глаза. Сможет ли она наложить на лицо маску? Надо бы, но сил нет. По крайней мере, сегодня вечером.

Только она почувствовала, что мышцы начали расслабляться, как внизу позвонили в дверь лифта.

«Уже?» – подумала она, и у нее засосало под ложечкой.

Она вылезла из ванны, надела банный халат и закрутила на голове тюрбан из полотенца для рук. Вызвала лифт наверх и стала ждать.

Красные двери лифта распахнулись.

– Джимми? – удивленно спросила она, запахивая халат. – Что ты здесь делаешь? – Она проклинала себя за то, что не спросила, кто там, прежде чем вызвать лифт наверх.

– *Home delivery*^[10]. – Он протянул ей еду. – Я наткнулся на таксиста в подъезде и сказал, что могу взять с собой твой заказ. – Он отдал ей пакет. – Значит, «Урбан Дели»? С Сёдера? А я-то думал, что ты покупаешь продукты только на рынке Эстермальсхаллен.

– Он ухмыльнулся.

Эллен взяла пакет и вздохнула.

– Послушай, тебе ведь угрожают, стоит лучше следить за тем, кого ты выпускаешь в дом.

Эллен кивнула, он был прав.

– Ты не спросишь, хочу ли я войти, или я должен стоять в лифте?

– Прости. – Она неохотно отошла назад, чтобы он мог пройти. От горячей ванны ее пробил пот. Вино сделало свое дело, а при мысли о том, что она стоит перед Джимми почти голая, она покраснела. Он наверняка это заметил, но не сделал ничего, чтобы она почувствовала себя более комфортно. Если он вообще мог что-то сделать.

Она подошла к столу и взяла початую бутылку вина.

– Хочешь? – спросила она, одновременно доставая бокал.

– Нет, спасибо. Я пойду. Я пришел сюда не для того, чтобы доставить еду или выпить вина. Я пытался до тебя дозвониться, но... понял, что ты лежишь в ванне. – Он оглядел ее с головы до пят. – Я принес тебе целую кипу бумаги, которая лежала в принтере. Ты просила Анну собрать информацию о подобных случаях. – Он порылся в сумке. – И я подумал, что, может быть, они нужны тебе сегодня вечером, чтобы ты успела просмотреть их к завтрашнему дню.

– Спасибо. – Она взяла тяжелую кипу. – А помочь не хочешь? – спросила она, в ту же секунду пожалев об этом.

Джимми осмотрелся; на ее счастье он, похоже, не расслышал вопроса.

– Как у тебя хорошо. Горит камин и все такое. Ты кого-то ждешь?

Эллен покачала головой.

– Мне показалось, что сегодня ты ушел домой раньше.

– Да, я был дома, но, как уже сказал, подумал, что эти документы тебе понадобятся, и решил завезти их сегодня вечером.

– Подожди две секунды, я только оденусь. – Не дав ему сказать ни слова, Эллен исчезла в спальне.

Быстро натянула на себя майку, джинсы и уже собралась открыть дверь, как решила немного подушиться.

Когда она вышла к нему, он, так и не сняв куртку, стоял у придиванного столика и держал в руках два диска с фильмами.

Она отреагировала не сразу, но потом с криком бросилась к нему.

– Нет! Положи на место!

– Интересный выбор фильмов. – Он засмеялся и высоко поднял руки с дисками, чтобы она не смогла до них дотянуться.

– Фильм ужасов, – посмотрев на название одного из фильмов, Джимми перевел взгляд на другой, – ...и порнофильм. – Он засмеялся и стал читать вслух текст на обороте.

Она слегка стукнула его и попыталась схватить за руку, но Джимми был таким крепким и высоким, что у нее не было ни малейшего шанса дотянуться до дисков. Она почувствовала, как у нее горят щеки, и одним

махом выпила бокал вина.

Посмотрев на нее, он положил диски на стол.

– Что это? – спросил Джимми и показал на стену над диваном, на которую Эллен повесила фотографии.

Она пожала плечами и налила себе еще вина.

– Серьезно?

– Я просто пытаюсь во все внести ясность. Это мой способ работы, – ответила она, и ей сразу же захотелось, чтобы он ушел.

Он кивнул; какое-то время они стояли молча.

– Знаешь, хорошо получилось с вознаграждением и эксклюзивным интервью с папой. – Джимми слегка ударил ее по руке. – Как тебе удалось завоевать его доверие?

Она не ответила, не поняв, что он имеет в виду.

– Ну и как он? Богатенький?

– Богатенький?

– Ну да, денег у него много. Тебя это заводит или на тебя действуют только порнофильмы? – Он опять засмеялся.

– Нет, меня это не заводит, но я могу понять, что это заводит женщин рядом с ним. Он ведь знает, как очаровать женщину.

– А тебя ему удалось очаровать?

– Нет, не удалось. Нет ничего менее сексуального, чем мужчина, который не интересуется своими детьми. Мне кажется, он плохой папа. Чувствуется, что он не знает свою дочь или как следует о ней не заботится.

– Ну, так бывает, когда люди разводятся. Может быть, ему не дают о ней заботиться. Я имею в виду маму. Или ему разрешено встречаться с дочерью только в выходные дни раз в две недели, и, понятно, что это другие отношения.

– На самом деле она жила неделю у него, неделю у мамы.

– А я и не знал. Ад какой-то. У одного моего приятеля аналогичная ситуация, и, черт возьми... – Он посмотрел на часы. – К сожалению, мне надо идти, а то бы я с удовольствием остался, во всяком случае, чтобы посмотреть один из этих фильмов вместе с тобой. Может быть, в другой раз. А тебе есть чем заняться сегодня вечером. – Он показал на грудку бумаги на столе. – Позвони мне, если что.

– А ты возьмешь трубку? – не удержалась она.

Он посмотрел на нее, но ничего не сказал. Пожалуй, так легче всего. Им обоим.

– Увидимся завтра, – коротко сказал он и вызвал лифт наверх.

Эллен стояла, оцепенев, и смотрела ему вслед. Когда двери лифта

закрылись, она бросилась на диван и прижалась головой к подушке.

Через какое-то время она уже сидела в эркере на подоконнике и смотрела на совершенно темное небо, по которому шли облака. На коленях лежала стопка бумаги.

Ей не пришлось долго листать, чтобы найти то, что она искала. Второе дело в стопке. Девочка на фото храбро смотрела на нее. Эллен вздрогнула, отвела глаза и стала наблюдать за немногочисленными машинами на улице.

Вспомнив о ластиках, достала из кармана куртки клубничный в форме сердечка и понюхала его. Ее передернуло, хотя запах был не особо резким. В кармане она также нашла фотографию собаки.

Из ящика со всякой всячиной Эллен вынула несколько булавок и прикрепила их к стене, чтобы поместить туда резинку. Рядом с фото Люкке повесила симпатичного лабрадора, который выглядел точь-в-точь как Тессин.

В бутылке еще оставалось вино, и она сделала несколько глотков, зная, что больше ей пить не стоит, иначе завтра она будет совершенно разбитой.

В пальцах закололо. Она отставила бокал, достала еще одну булавку и начала дотрагиваться ею до кончиков пальцев, чтобы прекратить покалывание. Эллен успела дойти только до безымянного пальца, как зазвонил телефон. Она подошла к придиванному столику и взяла трубку, одновременно пытаясь остановить кровь из пальцев, засунув их в рот.

«Джимми» – было написано на дисплее.

Какой фильм ты выбрала?

Ей опять стало стыдно. Хотелось только одного – стереть из памяти весь вечер. А может, и вправду посмотреть один из фильмов, чтобы развеяться?

Она швырнула телефон на диван, но он опять зазвонил.

Прекрати!

На этот раз сообщение было не от Джимми, а от неизвестного отправителя.

Эллен открыла сообщение и увидела фото. Телефон выскользнул у нее из рук и упал на пол. Она попыталась дышать медленно. Взглянув на стену, внушила себе, что это обман зрения. Взяла себя в руки и подняла телефон. В сообщении и на ее стене было одно и то же фото.

Почему? Кто мог так поступить?

Она попыталась определить абонента по номеру, но, естественно, номер не определился.

Комната закружилась. В конце концов, ей пришлось схватиться за диван, чтобы не упасть. Она устала на стенку.

– Почему? – закричала она. – Что происходит?

Понедельник, 26 мая

Эллен. 07.00

Эллен проснулась от того, что ее чем-то укрыли.

Она открыла глаза, осмотрелась и только через несколько секунд поняла, где находится.

– Ты здесь ночевала? – Джимми поправил куртку, которую положил на нее.

Эллен натянула куртку до самого лица. Она вдохнула его запах, и ей стало противно от своей реакции на него.

– Да, вроде бы, – прошептала она, боясь проверить, как она себя чувствует. Эллен попыталась вытянуться, чтобы кровь прилила к ногам, – все это время она спала, свернувшись калачиком, в жестком кресле в маленьком конференц-зале телепередачи *Бесследно*. – А сколько времени?

– Начало восьмого, – ответил Джимми и сел в кресло напротив.

Эллен села и попыталась размять совершенно затекшую руку.

– Почему ты здесь ночевала? Я же был у тебя вчера поздно вечером...

Эллен положила голову на подголовник и закрыла глаза. Она не хотела ни говорить с ним, ни думать о вчерашнем вечере. Чувствовала себя совершенно измученной и опустошенной.

Но какое это на самом деле имеет значение? Она неуверенно достала телефон из сумки, лежавшей на полу рядом с креслом. У нее больше не было сил волноваться. Она открыла свои сообщения и протянула телефон Джимми.

– Вчера, когда ты ушел, я получила эти сообщения с анонимного номера.

Джимми взял телефон, немного подумал и только потом взглянул на дисплей. Затем долго смотрел на фото, не говоря ни слова.

– Это ты?

Эллен покачала головой и сильно прикусила губу. Медленно вдохнула и выдохнула.

– Это я? – Кровь разлилась по телу, и она не смогла сдержаться. – Ты что, издеваешься? Совсем ничего не помнишь? – закричала она и сбросила с себя его куртку. Куртка упала на пол.

Джимми опять посмотрел на телефон.

– Такое же фото ты повесила на стене у себя дома...

– Эльза. Это Эльза! Помнишь, я рассказывала тебе о моей сестре той ночью, когда ты меня бросил?

Джимми опять взглянул на фото и медленно кивнул.

– Да, помню.

– Какой-то сумасшедший подлец прислал мне вчера фотографию Эльзы, фотографию моей покойной сестры-близнеца.

Джимми встал и принялся ходить взад-вперед по маленькой комнате.

– Прочти, что тут написано, – попросила его Эллен, но он только покачал головой.

– Дай мне телефон! – Она поднялась, вырвала телефон у него из рук и стала читать вслух:

– *Если ты не прекратишь заниматься тем, чем ты сейчас занимаешься, тебя ждет та же участь, что твою сестру.* – Эллен посмотрела на Джимми. – Кто это написал? Этот человек хочет, чтобы я умерла? – Она не смогла сдержать слезы. – Словно всего остального недостаточно! Я побоялась оставаться дома, не знала, куда мне деваться, и приехала сюда. – Во рту у нее пересохло, ноги подкашивались, и она рухнула на пол. – Отпусти меня, – сказала она, когда Джимми попытался взять ее за руку. – Разве не странно, что мне присылают фото Эльзы, когда я рассказывала о ней только тебе?

Джимми повернулся к ней.

– Что ты хочешь сказать? Да, может быть, и странно, но это может быть кто-то из твоего детства. Не знаю, Эллен.

– А знаешь, что я считаю странным? – спросила она и резко встала. – Хочешь, я составлю список всех тех странностей, которые произошли за последние дни? Здесь ты один знаешь, что моя сестра-близнец исчезла, когда нам было восемь лет, и ты, *ты*, бросаешь меня на исчезновение Люкке и просишь вызвать у зрителей чувства. Ты понимаешь, до какой степени это ненормально? Потом какой-то подлец присылает фотографию Эльзы и желает мне смерти. И все это происходит именно сейчас. – Ей пришлось набрать в легкие воздух. – Тебя заводит от того, что ей тоже было восемь лет?

Джимми смотрел в пол.

– На что ты надеялся? Что я сломаюсь, и новости станут более качественными? Затем ты начинаешь говорить об угрозах в мой адрес, и какой-то анонимный подонок присылает мне фото моей умершей сестры. Как вообще такое возможно? Как? Отвечай! – закричала она.

– Успокойся. – Джимми протянул руку, чтобы утихомирить ее. – Ты ведь на самом деле не думаешь, что это так. Прости. Я поступил неправильно, согласен, но если бы я тебя не спросил, все равно поступил бы неправильно. Что мне было делать? И, говоря совершенно честно, ты

лучше всех можешь справиться с темой исчезновения. Ты можешь представить себе репортаж об этом Лейфа? Понимаю, что ты взволнована, но я никогда не сделал бы ничего такого, что могло бы тебя ранить. Никогда.

Ты уже это сделал.

Она вся дрожала, и, чтобы унять дрожь, принялась щелкать пальцами.

– Знаешь, что еще чертовски странно во всем этом хаосе? – спросила она из последних сил. – В стопке старых дел, которые ты столь любезно доставил мне вчера домой, – она так прикусила губу, что почувствовала во рту привкус железа, – почти на самом верху лежал случай Эльзы. – Какое совпадение. – Она засмеялась.

– Что ты пытаешься этим сказать?

Внезапно у Эллен будто отнялась речь. Комната вокруг нее закружилась, и она схватилась за стену, чтобы не упасть.

Джимми пошел было к ней, но остановился и посмотрел на нее взглядом, которого она так боялась. Осуждающим. Так же смотрела на нее ее семья, и по этой причине она никогда не рассказывала о том, что случилось, когда ей было восемь лет.

Эллен отошла на несколько шагов назад.

Он медленно кивнул.

– Мы должны заявить в полицию. Ты должна подумать, кто это может быть и почему он послал тебе фото именно сейчас.

Мона. 08.00

Поезд метро прогремывал по мосту Транебергсбрун. «Хорошо, что я не взяла машину», – порадовалась Мона. Сегодня она была не в состоянии сесть за руль.

Уже три дня, как исчезла Люкке. Одна сплошная черная печаль.

Поезд въехал в туннель.

Выйдя на станции Эстремальмсторг, она едва смогла вспомнить, как сюда попала. Ноги налились тяжестью, в груди ныло.

Мона медленно пошла по улице Ньюбругатан. Обычно она никогда не опаздывала, но в это утро все было не так, как всегда. Иногда ей приходилось останавливаться, чтобы перевести дух.

Она вставила ключи в дверь квартиры на Карлавеген, но повернула их в замочной скважине только через несколько секунд. Она боялась того, что ждет ее по другую сторону. Боялась не справиться с тем, что Люкке там нет.

Обычно, когда она приходила утром, в квартире царил оживление, а теперь ее встретила оглушительная тишина.

– Привет, – тихо сказала Мона и огляделась в темном холле. Но Люкке не пряталась в холле, чтобы выйти и обнять ее.

Утреннее объятие чаще всего было каким-то неловким, словно Люкке сердилась на нее и была разочарована, что Мона вечером оставила ее одну на ночь. Хуже всего бывало по понедельникам. Тогда они не виделись несколько дней и долго заново приспосабливались друг к другу, как будто Люкке наказывала Мону за то, что та бросила ее на все выходные.

Люкке редко рассказывала о своих чувствах и переживаниях. Иногда Мона приносила с собой книги, которые брала в библиотеке, и читала Люкке вслух. Она часто использовала этот старый прием, чтобы разговаривать ребенка. Сказки, в которых рассказывалось о разводах и семьях, где дети попеременно живут то у одного, то у другого родителя, о том, что такое чувствовать себя невидимым и о проблемах с друзьями. Об одиночестве. Список был обширным. Обычно прием срабатывал с другими, более разговорчивыми детьми, но иногда и с Люкке.

На прошлой неделе Люкке едва прикоснулась к ней. Мона поняла, что выходные прошли плохо, и на всю неделю Люкке еще больше, чем обычно, замкнулась в себе.

Мона отставила в сторону свой маленький раскрытый зонтик и

повесила плащ в гардеробной рядом с дверью.

Она стояла в холле, не зная, куда ей идти, – направо в сторону спален или налево в сторону кухни, гостиной и столовой.

Вообще-то на этой неделе она должна быть у Хелены, но вчера они говорили с Хеленой и решили, что сегодня ей нет никакого смысла приходить. Мону ведь наняли для того, чтобы заботиться о Люкке. После этого позвонил Харальд и попросил помочь Хлое, и у нее не хватило решимости отказать ему. Им надо помогать друг другу.

Она неохотно надела домашние тапочки. Ее терзало беспокойство, и она толком не знала, с чего начать.

– А, это ты. Привет, – в тишине раздался голос Хлои.

Мона поправила блузку и подтянула юбку, и только потом повернулась к Хлое, которая вышла к ней в холл.

– Людде не спал всю ночь, и я совсем без сил. Все вверх дном. Он только что уснул, и мне надо пойти лечь. Пожалуйста, присмотри за ним. – Хлоя подошла к входной двери и убедилась, что она заперта. – У меня паранойя, мне кажется, за нами кто-то охотится. Никого не впускай. Обещай мне.

Мона кивнула. Она никогда не устанет восхищаться Хлоей в отрицательном смысле этого слова. Как можно так любить своего ребенка и проявлять такую холодность к Люкке? Это было выше понимания Моны. Таким противоречивым поведением отличались библейские персонажи.

– Людде у себя в кровати. В выходные весь распорядок дня был нарушен. Мы должны вернуться к Джине Форд или Анне Вальгрэн, или что там был за метод, которому мы следовали. – Она закатала рукава халата. – Даже не помню, как он точно называется. Теперь ты понимаешь, насколько я устала, – сказала она, потрогав пальцами щеки. – Боже, я не сняла с лица маску. Я ее передержала. Это большой стресс для кожи, и эффект может быть противоположный. – И она бросилась в ванную.

– Пожалуйста, вымой посуду, – крикнула Хлоя из ванной.

– Да, конечно, – тихо откликнулась Мона. Хотя ее не нанимали для уборки, у нее не хватило духу отказать. К тому же теперь им надо помогать друг другу. Она надеялась, что шум посудомоечной машины сможет заглушить тревожные мысли.

Для начала она заглянула к Людде, спавшему в своей кровати. Он мирно лежал на спине, вытянув ручки.

Мона осторожно погладила его розовую щечку, так, чтобы он не проснулся. К счастью, он не имел ни малейшего представления о том, что произошло. Беда пока что миновала его, и, хочется надеяться, так будет

всегда.

Мона пошла на кухню и стала убирать со стола после завтрака. «И после выходных», – отметила она, увидев гору тарелок. Несмотря на две посудомоечные машины, они умудрились не поставить в машину ни одной тарелки и ни одного стакана.

Из ящика под раковиной она достала желтые хозяйственные перчатки и натянула их на свои потрескавшиеся руки. Запах резиновых перчаток смешался с запахом засохших объедков.

Дыша ртом, попыталась отскрести остатки детской каши. Разве вот так все должно было кончиться?

Мона слегка поскользнулась и уронила миску с кашей в керамическую раковину. Раздался грохот. Она замерла на несколько секунд, испугавшись, что ее услышит Хлоя.

Не вынимая рук из раковины, она смотрела в окно на утопающий в зелени сад.

К стене стоявшего во дворе дома был прислонен велосипед Люкке.

Храни меня Господь.

Сделав несколько глубоких вдохов, Мона взялась за молочные бутылочки.

В пятницу ее пригласили на выпускной вечер Карла, мальчика, о котором она заботилась много лет. И вот он вырос. В пятницу она также уходила на пенсию. Она вспомнила, что, когда ей пришло приглашение, она очень обрадовалась такому совпадению. А теперь одна сплошная тьма. Но ей так хочется обнять мальчишку. Она скучала по нему, скучала по всем детям, с которыми работала. Как она будет без своих золотых детей? От воспоминаний на душе стало теплее.

– Ты так шумишь. Пожалуйста, осторожнее, – в кухню вошла Хлоя.

Хлоя еще не оделась, и Моне было неприятно видеть этот обтянутый кожей скелет в одном нижнем белье.

– Извини.

– В пятницу ты разбила стакан.

Мона не хотела вспоминать, но деться было некуда. Она уронила стакан в раковину в тот же день, когда пропала Люкке. Харальд позвонил Хелене и попросил ее забрать Люкке на выходные.

Хлоя не хотела видеть у них Люкке, и бесхребетный Харальд позволял своей новой жене командовать, а дочери страдать.

Хлоя протиснулась между Моной и мойкой, и Мона вздрогнула, когда Хлоя ее задела.

Хлоя выдвинула ящик рядом с ней и принялась что-то искать.

– Людде заболел? – спросила Мона.
– Что ты хочешь сказать? – Хлоя перестала рыться в ящике.
– Я так подумала, потому что ты очень боялась, что Люкке заразит его. Ведь, наверное, поэтому ты хотела, чтобы она провела выходные у Хелены?

Хлоя посмотрела на нее своими водянистыми глазами.

Мона знала, что идет по тонкому льду. Но какое это имеет значение? Теперь уже ничего не имеет значения.

– Да, именно, – ответила Хлоя. – К счастью, с Людде все обошлось, – продолжила она и закрыла ящик.

– Но зачем ты тогда отвезла Люкке на теннис, если она так плохо себя чувствовала?

Хлоя пожала плечами.

– Не знаю. Что ты хочешь сказать? Это же не я решила отвезти ее на теннис.

«Что правда, то правда, – подумала Мона. Зато ты решила, что она должна уехать отсюда на выходные. Это ты захотела избавиться от нее, чтобы играть в семью и притворяться, что Люкке не существует».

– Хотя она не казалась больной, когда я привела ее в школу. – Мона включила воду, взяла тарелку и сполоснула ее.

Хлоя, похоже, не отреагировала на ее слова или просто не захотела отвечать. Она знала так же хорошо, как и Мона, что Люкке была здорова. Хлоя всегда выдумывала предлоги, по которым Люкке не могла у них жить. Хлоя была против того, чтобы девочка оставалась у них. Она всегда была против.

Самое плохое, что Люкке это тоже понимала.

– Почему ты не выключишь воду, если все равно не моешь посуду? – спросила Хлоя.

– Прости, – сказала Мона и взяла следующую тарелку, одновременно сделав шаг в сторону, чтобы отодвинуться от Хлои.

Хлоя оперлась о мойку.

– А Люкке могла поранить себя?

Мона не сразу поняла ее вопрос.

– А зачем ей это делать?

Хлоя еще раз приподняла свои костлявые плечи. Она что, не понимает, как все серьезно? Или как раз понимает?

Мона заглянула в раковину – из-за остатков еды началось засорение, и вода еле уходила.

– Пожалуйста, займись и стиркой. – Хлоя подошла к крану и налила

себе стакан воды. – Пойду лягу. – Она положила в рот таблетку, сделала глоток воды и посмотрела на Мону. – Что? Почему ты на меня уставилась? Я не спала всю ночь, и мне не по себе. Мне надо принять снотворное. – Она поплелась в спальню. – Разбуди меня, только если позвонит Харальд. – С этими словами она исчезла.

Моне было непонятно, где был Харальд: он что, не ночевал дома или уехал рано утром?

Мона совсем обессилела и присела к кухонному столу. Несколько раз глубоко вдохнула и только потом встала. Надо приниматься за работу, другого выхода нет.

По пути в ванную она прошла мимо комнаты Люкке. Остановилась и долго смотрела на закрытую дверь, прежде чем войти. Наконец, толкнула ее и дверь заскрипела.

Комната выглядела не так, как в пятницу, когда она из нее вышла. Постель скомкана. Вещи на письменном столе лежат в полном беспорядке.

Шторы задернуты. Мона взяла на себя смелость раздвинуть их и впустить немного света. Она взяла собаку по имени Собака, любимую игрушку Люкке, и прижала ее к себе. Закрыв глаза и вдохнув запах собачки, она словно увидела перед собой Люкке.

Ее взгляд упал на маленькую балетную пачку, висевшую на спинке кровати, – подарок Моны, который Люкке так и не успела поносить, хотя мечтала стать балериной. Мона пощупала тюлевую юбку шершавыми пальцами, и юбка затрещала так, будто вот-вот лопнет. Точно так, как лопнули все мечты Люкке.

Мона подняла глаза и посмотрела на школьное фото Люкке, висящее на стене.

– Что ты здесь делаешь?

Мона резко повернулась.

– Сюда никому нельзя. Уходи отсюда, – велела Хлоя.

– Прости. – Мона опустила голову и поспешила к двери.

– Ты что, не слышишь, что Людде проснулся? Он так кричит, что я не могу спать.

– Я не слышала...

– Зато я слышала. Нам нельзя здесь находиться, так сказала полиция. – Хлоя закрыла за ними дверь.

На пол упала записка, написанная рукой Люкке. Мона не осмелилась ее поднять, отложив это на потом.

Вместо этого она поспешила в комнату Людде и, крадучись, вошла в нее. Мальчик лежал и спал, как она и думала. Она снова осторожно

погладила его по щечке, но он не проснулся. Она убедилась, что он крепко спит и не кричит.

Когда Мона направилась обратно в прачечную, Хлоя опять легла. Проходя мимо двери в комнату Люкке, она украдкой взглянула на нее. Записки на полу не было.

Хлоя ее выбросила?

Мона пошла в ванную, где стояла стиральная машина, и с тяжелым вздохом стала сортировать грязную одежду.

Темное.

Чулки, брюки, полотенца. Все темное в одну кучу.

Розовое.

Она отобрала все вещи розового цвета. Почему ей нельзя находиться в комнате Люкке? Неужели полиция действительно это запретила?

Она заботливо положила в одну розовую кучку майки Люкке, ее платья и колготки. Достала футболку с набивным рисунком. Кошка в солнечных очках. Мона поднесла ее к лицу и вдохнула запах.

Люкке.

Она не могла больше сдерживаться и почувствовала, как по щеке стекает слеза. «Я не могу стирать ее вещи, – подумала она. – Я не могу стереть ее запах. Стереть Люкке?» Мона вытерла щеку и бережно сложила футболку, а потом достала остальную одежду из кучи и сложила и ее.

Все синее она бросила в одну кучу, даже не глядя, что это.

Белое.

Футболки. Чулки. Мерзкие простыни. Нет ничего противнее, чем дотрагиваться до их простыней. Запах постели выветривается с трудом. Она быстро отбросила постельное белье в сторону. Слишком быстро. В спине кольнуло.

Она наклонилась, чтобы достать последнюю вещь.

Футболка Харальда.

Мона стала класть ее в белую кучу и вздрогнула.

Она опять достала футболку и, развернув ее, увидела внизу большое пятно. Не думая, потрогала пятно.

Потом застыла и отдернула руку.

С виду кровь, и на ощупь кровь. Засохшая кровь.

В груди сильно кольнуло.

Хотелось крикнуть, но она сдержалась. «Не может быть», – подумала она.

Хлоя. 15.00

Хлоя, опершись о дверной косяк, пристально смотрела на Харальда и Хелену, которые сидели за кухонным столом.

На полу рядом с ней сидел Людде и нажимал на все кнопки игрушечной пожарной машинки. Пронзительный вой сирен резал уши.

– Ужасно жить в неизвестности, я этого не выдержу.

Харальд потянулся вперед и положил свою ладонь на ладонь Хелены.

– У нас есть план, мы найдем ее.

Хлое захотелось броситься и отвести его руку.

– Ты действительно так считаешь? – Хелена долго смотрела на Харальда.

– Теперь мы делаем упор на вознаграждение и на то, что полиция ищет в близлежащем районе.

– Но если полиция подозревает, что она где-то рядом, почему ее до сих пор не нашли? – вмешалась Хлоя.

Харальд и Хелена молча посмотрели на нее и продолжили общаться друг с другом.

Никто не придавал значения ее словам.

Харальд не ночевал дома, не отвечал на телефон, а когда переступил порог, с ним была его бывшая. Хлою подмывало спросить, где он был, но ей не хотелось призывать его к ответу в присутствии Хелены, которой не надо знать, что Харальд не ночевал дома. Если она еще этого не знала.

– Разве я не права? Разве они не должны были ее найти? – не унималась Хлоя.

– Не знаю. – Харальд бросил на нее короткий взгляд.

Даже если бы она сказала, что знает, где Люкке, они бы продолжали ее игнорировать.

Сегодня, когда Хлоя гуляла с Людде, чтобы укачать его, она видела их вместе. Они шли впереди по улице Страндвеген всего лишь в нескольких сотнях метрах от нее. Хлоя пошла за ними. Она увидела, что на прощание они обнялись и немного постояли, обнявшись.

Когда она пришла домой, у них на диване сидела эта журналистка, и совершенно внезапно они решили заплатить кучу денег тому, кто найдет Люкке. *Их денег*. Конечно, они так и сделают, но Харальд для начала мог бы обсудить это с ней. Он поехал на ТВ4, откуда уже не вернулся вечером домой.

– Ты помнишь, почему мы назвали ее Люкке? – Хелена украдкой посмотрела на Харальда.

Харальд кивнул:

– Чтобы она принесла удачу^[11].

Тут Хелена повернулась к Хлое:

– Нельзя ли выключить эти сирены?

– Что? – Хлоя сжала ладонь. – Харальд, могу я поговорить с тобой с глазу на глаз?

– Не сейчас, Хлоя, – только и сказал он и покачал головой.

К ее ноге прижалось что-то твердое и угловатое.

– Ай! Людде, прекрати, маме больно.

Это Людде взял пожарную машинку под мышку и проворно вполз с ней в кухню.

– Подожди, Людде, извини. – Она попыталась дотянуться до сына, но за ним было не угнаться. К тому же бегать за ним, как какая-нибудь нянька, было ниже ее достоинства.

Людде подполз к Харальду и попытался взобраться ему на колени.

– Не сейчас, Людде, – сказал Харальд, отодвигая мальчика. – Хлоя, пожалуйста, возьми его.

«Ну хватит», – подумала она, не отходя от двери.

Людде продолжал карабкаться на Харальда.

– Ты можешь взять его, Хлоя? Нам надо поговорить. – Харальд отобрал у Людде машинку и положил ее на стол, чтобы сын не мог ее достать.

– Он всего лишь ребенок. – Хлоя подошла к ним и взяла Людде на руки. – Твой ребенок. Наш ребенок. – Она вышла из кухни.

Она быстро одела Людде, посадила его в коляску, спустилась вниз на лифте и вышла на Карлавеген. Вставила в уши наушники и накинула на голову капюшон куртки-дождевика.

«Что бы ни произошло, во всяком случае, у меня есть Людде», – подумала она и набрала номер своей мамы, которая сразу взяла трубку.

– Я больше не могу, мама! Ты бы видела, как они сидят у нас на кухне!

– Успокойся, что случилось? Кто сидит на твоей кухне?

Хлоя рассказала о Харальде и Хелене.

– Но в этом нет ничего удивительного, тебе надо попытаться поддержать их в такой ситуации.

– Я пытаюсь, но они не хотят со мной разговаривать. Харальд даже дома не ночует. Словно меня не существует. – Она просунула руку под брезент, чтобы дать Людде соску. – Вот так, спокойно, Людде. Я этого не

выдержу, мама, я схожу с ума.

– Успокойся...

– Я боюсь, – прошептала она и огляделась, чтобы убедиться, что ее никто не слышит, но, к счастью, в такую погоду на улице было немного людей.

– Почему ты боишься?

– Я не выдержу. – Глаза наполнились слезами. – Я так боюсь, что они станут меня подозревать, мама. А вдруг полиция узнает, как мне было тяжело с Люкке.

– Ты моя маленькая, это же не преступление.

Хлоя вытерла слезы.

– Многим тяжело с неродными детьми. Это не преступление. Помнишь, каково мне было с Бенгтом и его несносными сыновьями?

Она помнила, но от этого не становилось легче.

После смерти папы Хлои ее мама сходилась и расходилась с несколькими мужчинами и их детьми. Один хуже другого. Никому не удалось заполнить пустоту после папы. Никому. Пока она не встретила Харальда.

– Мама. – Она всхлипнула, одновременно кивнув двум мамам, с которыми обычно разговаривала в открытой подготовительной школе. Увидев ее, они замедлили шаг, словно хотели остановиться и поговорить.

Хлоя показала на наушники, дав понять, что занята разговором. Теперь она жалела о том, что в подготовительной школе исходила злобой при чужих родителях по поводу того, какая Люкке невоспитанная и странная. Ее терзало беспокойство. Почему она всегда говорит всем и вся о том, что чувствует?

– Полиция спросила меня, почему я хочу, чтобы Харальд сдал анализ ДНК.

– Зачем ему это делать? Какое это имеет отношение к расследованию?

– Не понимаю, что удивительного в том, что я хочу знать, действительно ли Люкке его дочь?

– И что сказала полиция?

– Они спросили почему, и я ответила как есть. – Хлою затрясло. – Наверняка это рассказала им Хелена.

– Мне кажется, что ты устала и не можешь ясно мыслить. Могу ли я тебе чем-нибудь помочь, дорогая? Может быть, мне взять Людде на несколько часов, чтобы ты могла отдохнуть?

– Нет, спасибо. – Она не могла отдать Людде. Даже своей маме, тем более сейчас. Кроме него, роднее у нее никого не было.

– Но ты можешь мне кое в чем помочь, – сказала она. – Если полиция или Харальд спросят тебя, где я была в пятницу во второй половине дня, скажи, пожалуйста, что я была у тебя дома.

Эллен. 19.30

Эллен приложила пропуск и вошла в редакцию, выкурив сигарету на грузовой пристани.

Ей казалось, что все на нее уставились. Она старалась ни с кем не встречаться взглядом, не зная, кому она может доверять и кто что знает.

Подготовив длинный репортаж о школе Люкке, и сверив информацию с полицией, она погрузилась в редактирование.

За день никакой новой информации не появилось.

У нее по коже бегали мурашки, а от эмоций голова шла кругом. Она все еще сердилась на Джимми.

Сегодня он звонил ей несколько раз, но она была не в состоянии говорить с ним. Что можно сказать? Она все равно ничего не хочет знать, и ей не интересны его невнятные оправдания.

В понедельник вечером репортаж из школы вместе с последней информацией о поисках Люкке возглавили топ-лист 19-часовых новостей, и если ничего радикального не произойдет, эти новости останутся главными и в 22-часовом выпуске. Конкуренцию могли составить только потоки дождя, которые затапливали страну.

Эллен собирала свои вещи, когда раздался звонок. Номер не определился, и она ответила не сразу.

– Эллен слушает.

Тишина.

– Привет. Это Эллен, программа новостей ТВ4. Кто это?

Опять тишина. Эллен посмотрела на трубку, как будто трубка могла сказать, кто звонит.

– Привет! – сказала она уже сердитым тоном.

– Тебе следовало бы знать, что врать нехорошо. Просто-напросто ужасно.

– Извините, – сказала Эллен несколько удивленно. Судя по голосу, на другом конце провода была пожилая женщина. – С кем я говорю?

– Это какое-то нагромождение лжи.

– Если у вас есть жалобы, вам надо обратиться к нашему омбудсмену по работе со зрителями. – Эллен пожалела, что взяла трубку. – Переключить вас? – По старой привычке она сразу же стала обращаться на «вы» к пожилому человеку. Привычка, от которой она пыталась избавиться.

– Нет. Я хочу говорить с тобой. Это ты врешь направо и налево.

– Извини, но я не понимаю, о чем вы. О каком вранье вы говорите?
– Ты утверждаешь, что сегодня в школе был траур.
– Вот оно что. – Эллен начинала понимать, в чем дело.
– Ты утверждаешь, что они беспокоятся о Люкке, но всем плевать, им всегда было на нее плевать. Это лицемерие.

Эллен выпрямилась.

– Вы знакомы с Люкке? Вы член семьи?

Сердце забилось быстрее.

– Это не играет никакой роли, я не хочу называть ни свое имя, ни то, какое отношение я имею к Люкке, я не хочу участвовать в этом спектакле. Но тебе должно быть стыдно. Это просто-напросто ужасно.

– Стыдно за что? – Эллен хотела понять ход рассуждений женщины.

– Почему ты пытаешься создать видимость того, что Люкке оплакивает масса людей? Получается, вас, журналистов, так легко купить? Вас что, не учат подвергать сомнению свои источники или как их там называют? Именно поэтому мы и живем в таком обществе, в котором живем, потому что вы не умеете ставить все под сомнение.

– Хотите рассказать другую историю? – спросила Эллен, взявшись за ручку.

– Нет, спасибо, я с такими, как вы, не разговариваю. Спасибо, что нашла время.

– Подожди...

Дама положила трубку.

Эллен сразу же позвонила на респондент.

– Ты можешь узнать, кто мне только что звонил? Мне нужно имя и телефон.

Она проигнорировала вздохи секретарши и, опершись на спинку стула, стала размышлять над тем, что сейчас сказала пожилая дама.

Но думать долго ей не пришлось – позвонила секретарь и сказала:

– Номер записан на Харальда Хёёка.

Через полчаса Эллен стояла на улице Абрахамсбергсвеген и смотрела на желтый кирпичный фасад дома с балконами, обитыми листовым железом оранжевого цвета.

Оказалось, номер принадлежит няне Люкке, Моне. Возможно, за ее телефон платит Харальд.

Эллен погуглила Мону, но не нашла ни одной ссылки. Как можно прожить жизнь, не оставив ни единого следа в Сети?

После принесенных должным образом извинений за искаженную интерпретацию фактов и заверений в том, что теперь она сделает все возможное, чтобы все исправить и найти Люкке, Эллен в конце концов удалось договориться о встрече. Разумеется, без камер.

– Проходи, – сказала Мона слегка подозрительно и робко отступила назад в тесный, темный холл. Она выглядела совсем не так, как ожидала Эллен. Мона оказалась маленькой, коренастой и гораздо старше, чем она себе представляла. Своими маленькими круглыми очками она напоминала Тетушку Берг из *Лотте с улицы Бузотёров* Астрид Линдгрен.

Эллен осторожно протянула руку для приветствия. Она немного боялась напугать пожилую даму, которая на удивление так твердо пожала ей руку, что сделала ей больно.

– Можно я возьму твою куртку?

Эллен кивнула, сняла с себя мокрую куртку и извинилась за то, что оставила в прихожей мокрые следы. И за насквозь промокшие кеды.

Она пошла вслед за Моной в гостиную, осторожно осматриваясь, чтобы Мона не подумала, что она что-то вынюхивает.

Мона жила в уютной маленькой двушке, обставленной довольно причудливо – типовая мебель из сосны, занавески в цветочек и стены, чем только не украшенные, начиная от вышитых картин до засохших цветов в рамках.

Эллен отметила, что над диваном висит вышивка с ее собственной любимой поговоркой.

– Обычно я стараюсь так думать. – Эллен показала на вышивку.

Нет худа без добра.

– Вот как. – Мона громко вздохнула. – Последние дни я все собираюсь это снять.

Эллен улыбнулась.

– Наверное, ты пришла сюда не для того, чтобы обсуждать разговоры. – Мона оценивающе посмотрела на Эллен.

– Правильно. Мне хотелось бы задать несколько вопросов о Люкке, чтобы поближе узнать ее и, надеюсь, лучше выполнить свою работу. Как видишь, у меня с собой нет никаких камер. – Эллен подняла руки, показывая, что ничего не прячет.

Мона скептически оглядела ее с головы до ног.

– Да, как я уже говорила, я недолголюбиваю таких как ты, то есть журналистов. Ты уж меня извини, но, по-моему, вы только и делаете, что упиваетесь чужим горем. У вас нет никакой ответственности.

– Мне жаль, что ты чувствуешь...

– Но это не значит, что я хочу, чтобы ты заболела, ты ведь совсем продрогла. У тебя совершенно мокрые ноги и брюки.

Эллен посмотрела на свои ноги и увидела, что за ней тянется мокрый след.

– Подожди здесь, я принесу тебе сухие носки.

– Нет, не надо. – Эллен не успела ее остановить, и вскоре Мона вернулась с парой носков в одной руке и флисовым одеялом в другой.

Эллен поблагодарила, передела носки и завернулась в мягкое одеяло. Как хорошо, когда ноги сухие.

– Хочешь кофе? – спросила Мона и вышла на кухню.

– С удовольствием, – ответила Эллен и, воспользовавшись случаем, еще раз огляделась. На книжной полке стояло три фотографии в рамках. Люкке она узнала сразу, двух других детей она никогда раньше не видела.

– Прости прощения за мое поведение, обычно я не звоню людям, чтобы их отчитать, – крикнула Мона из кухни.

– Ничего страшного, – громко ответила Эллен.

Мона гремела на кухне посудой и могла ее не услышать.

– Как правило, я никогда не смотрю ТВ4, там слишком много рекламы.

– Да, многие так говорят. – Эллен про себя улыбнулась, отметив, что ей часто приходится слышать именно этот комментарий.

– Прости, наверное, я опять сказала что-то неприятное. – Мона вышла из кухни, держа в руках поднос.

– Нет, вовсе нет, я привыкла, – ответила Эллен. – А кто эти двое? – Она показала на фото других детей.

– Это Карл и Алис. Я работала у них до того, как пришла в семью Хёек. Они уже большие, – она поставила поднос на придиванный столик.

– А ты всегда ухаживала за детьми?

– В основном да. – Мона поставила на столик две кофейные чашки,

маленькую сахарницу и молочник. – Садись, я принесу кофейник.

– Как получилось, что ты стала работать в семье Люкке? – спросила Эллен, когда Мона села рядом с ней на диван.

– Через службу «Дежурная няня», – ответила Мона. – Только имей в виду, я дала подписку о неразглашении. Знала бы ты, сколько вас таких звонило мне после того, как Люкке... – Она замолчала. – На самом деле у меня нет никакого желания говорить с вами, но я не могу сидеть и смотреть, как люди притворяются, что они беспокоятся за Люкке. – Она указала на телевизор.

Эллен кивнула, и Мона налила им обеим кофе.

– Сколько ты проработала в семье Хёёк?

– Дай посчитаю. – Мона задумалась. – Пять лет? Да, с тех пор как разошлись ее родители.

– Значит, четыре года, – поправила ее Эллен, заметив по взгляду Моны, что та удивилась. Ее потрескавшиеся руки дрожали, когда она брала чашку с кофе.

– А кажется, дольше. В любом случае, я заканчиваю через несколько недель. – Она улыбнулась. – Мне шестьдесят пять, и в конце весны я ухожу на пенсию.

– И чем ты собираешься заняться?

– Чем заняться? Или буду ждать добра, – Мона бросила взгляд на висящую над ними вышивку, – или смерти, – мрачно закончила она. – Надеюсь, ждать осталось недолго. – И она подмигнула Эллен за круглыми очками.

Мона произнесла эти слова так спокойно, что Эллен поняла – пожилая дама не боится смерти. Вот бы ей так. Очевидно, такое отношение к смерти вырабатывается с годами.

Они пили кофе под стук колес – поезд метро притормозил у перрона рядом с домом.

– У вас с Люкке были, вернее, есть близкие отношения?

Эллен было трудно судить, отреагировала ли Мона на ее оговорку. Она надеялась, что Мона ничего не заметила. Глаза няни наполнились слезами, и она медленно кивнула.

– Очень близкие. – Мона осторожно поставила чашку на стол.

– Что, по-твоему, произошло? – Эллен положила ладонь на плечо Моны, и у нее тоже защемило в глазах.

Мона тяжело задышала и повернулась к Эллен.

– Не могу понять, почему теперь все вдруг стали беспокоиться о Люкке, ведь никто не делал этого раньше. Мне так больно об этом

думать. – Она отвернулась.

– Что ты хочешь сказать? – спросила Эллен.

– Люкке нелегко. Вот и все, что я могу сказать.

– Ты считаешь, что причина – развод родителей, или есть что-то еще? – продолжила расспросы Эллен.

Мона ничего не ответила и подлила им кофе.

– Как я уже сказала, я дала подписку о неразглашении. – Она серьезно посмотрела на Эллен. – Но скажу тебе одну вещь, которую ты запомни. – Она подняла указательный палец. – Не все годятся в родители.

Эллен хотела было попросить Мону пояснить свою мысль, но Мона сразу же оборвала ее.

– Это все, что я собиралась сказать.

Эллен решила больше не затрагивать эту тему, по крайней мере пока, и задала другой вопрос:

– Ты видела Люкке в тот день, когда она пропала?

– Да, я пришла туда, как обычно, в семь часов утра. Приготовила ей завтрак, одела ее и проводила в школу. Точно так, как делаю каждый день.

– Тот день чем-то отличался от остальных?

Мона задумалась.

– Не знаю, вроде бы нет. Просто пятницы всегда были тяжелыми днями, независимо от того, где она жила – у мамы или папы. По пятницам часто происходили конфликты, теннис, ну и выходные. А по выходным я не работаю, – уточнила Мона.

Эллен кивнула.

– Да, ты спросила, были ли у нас близкие отношения. Мне не следовало бы говорить это, но не понимаю, какой от этого может быть вред. В ту пятницу, когда пропала Люкке, Харальд и Хлоя, как обычно, поссорились. Да, они страшно много ссорятся и чаще всего из-за Люкке.

– В тот раз было что-то особенное?

– Не хочу об этом говорить. – Мона сделала глоток кофе. – Что ты знаешь о Люкке?

– Немного, и именно поэтому я здесь, – ответила Эллен.

– А зачем тебе эта информация, позволь спросить?

Ее как подменили.

– Я хочу помочь найти ее.

Мона посмотрела на Эллен, но ничего не сказала. Какое-то время они сидели в полной тишине. Только тикали большие настенные часы.

– У тебя есть своя семья? – наконец прервала тишину Эллен.

– Нет, – коротко ответила Мона. – Семьи у меня нет.

Эллен стало ее жалко, точно так же, как ей было жалко всех, у кого нет детей. Не играло никакой роли, по собственному выбору или нет. На самом деле больше всего она жалела себя.

– Не смотри так печально, дорогая моя, – сказала Мона опять приветливым тоном. – Вся мою профессиональную жизнь меня окружали прекрасные дети, и я считаю их своими. – Она выразительно улыбнулась.

– Хочешь шерри? – предложила Мона.

– Нет, спасибо, – ответила Эллен, – я за рулем.

– А я, пожалуй, выпью рюмочку. Совсем маленькую, потом так хорошо спится.

Мона посмотрела на часы, висящие над дверью в кухню.

– А теперь тебе лучше уйти.

Эллен кивнула. Она аккуратно свернула одеяло и положила его на край дивана. Затем наклонилась, чтобы снять носки.

– Оставь их себе, – сказала Мона.

Эллен улыбнулась.

Мона проводила ее в прихожую. Эллен надела еще влажную куртку и втиснула ноги в ботинки.

– У тебя в душе темнота, я вижу, – вдруг сказала Мона. – Знаешь, тебе надо с этим разобраться, иначе будет больно падать, и ты сделаешь то, что не стоит делать.

Эллен не нашла, что сказать, и решила не комментировать слова Моны.

– Если ты что-то вспомнишь или просто захочешь поговорить, позвони мне, – только и сказала она, протянув свою визитку, которую достала из кармана куртки.

Мона посмотрела на визитку, а потом на Эллен:

– Ты думаешь, что время лечит раны?

– Нет, – ответила Эллен.

– Согласна.

Эллен. 21.00

Эллен выехала на улицу Дроттнингсхольмсвеген и поехала дальше по мосту Транебергсбрун в сторону центра. На середине моста зазвонил телефон.

– Привет, это Петтер. Ты меня искала, – прозвучал незнакомый голос. – Я тренер по теннису. Ты мне звонила и оставила сообщение на автоответчике.

– Как хорошо! Спасибо, что перезвонил! Я хотела бы поговорить с тобой. Ты можешь встретиться со мной прямо сейчас?

– Да, пожалуй, смогу. Я в спортивном зале Сальхаллен в Альвике. Работаю там, пока Королевский на ремонте и открытые корты...

– Прекрасно, еду.

Эллен повернула на развязке рядом с парком Роламбсховспаркен и поехала по мосту обратно.

Вскоре она уже ждала Петтера рядом с залом и наблюдала за тем, как отбивают теннисные мячи. Звук действовал на нее успокаивающе.

– Эллен?

Она обернулась и увидела высокого худого мужчину в тренировочном костюме.

– Привет, я Петтер.

– Привет! – Эллен протянула руку, которую мужчина вяло пожал потной ладонью. Эллен показалось, что он лет на десять моложе ее.

– Спасибо, что нашел время встретиться со мной. Как уже говорила, я работаю криминальным репортером на канале ТВ4.

– Понятно, я тебя узнал. – Он ухмыльнулся.

– Вот как? Здорово, – ответила Эллен, не придумав ничего лучше. Она никогда не знала, что сказать, когда ей говорили, что видели ее в телевизоре.

– Мы можем поговорить в каком-нибудь спокойном месте?

– Вообще-то я здесь не работаю, но думаю, мы можем пойти в тренерский кабинет. – Петтер показал пальцем на дверь в конце коридора.

Это был типичный, похожий на школьный, кабинет. В комнате валялись теннисные ракетки, мячи и папки. Спортивные сумки громоздились одна на другой, а на стенах висели медали и дипломы.

– Не понимаю, что это может дать, ведь меня там даже не было. – Он закрыл дверь в контору и повернул ключ в замке.

Он точно запер дверь?

– Знаю, но, может быть, мы все равно сможем что-то обсудить. Где ты был, когда пропала Люкке?

– Дома. Ты что, из полиции? – Он засмеялся. – Да, теннис отменили из-за дождя. На открытых кортах играть было невозможно, а закрытые корты на ремонте.

Эллен кивнула:

– Значит, у тебя был выходной?

– Да, вынужденный выходной, так сказать. Я хочу работать, потому что мне нужны деньги и все такое. Я работал здесь, пока не перешел в Королевский, а теперь тут нужна помощь. Посмотрим, сколько это продлится, все зависит от дождя. – Он убрал одежду со стоявшей у стены табуретки, сел, широко расставив ноги, и прислонился к стене.

– Можно, я тоже сяду? – спросила она суше, чем хотела. Она явно имела дело не с джентльменом.

– Конечно, – сказал он, не пошевелив и пальцем.

В комнате был еще только один стул, стоявший за заваленным письменным столом. Она показала на него вопросительно.

– Садись, где хочешь.

Она обошла письменный стол. Коричневая обивка стула была порвана, и в нескольких местах вылезла прокладка. Эллен сняла куртку и села на нее.

– Это твоя основная работа? – спросила Эллен, сразу же поняв, что задала нехороший вопрос.

– Да, а что-то не так?

– Да нет. Я просто подумала, что, может быть, у тебя есть другая работа. Как здорово весь день играть в теннис.

– Когда тренируешь других, сам играешь мало. – Он отбросил с лица длинные волосы мышиного цвета.

– Как ты сообщаем об отмене тренировки? Обзваниваешь всех родителей?

– Ты что, с ума сошла! Разговаривать со всеми родителями запаришься, я посылаю электронные письма.

– А что, если кто-то не прочтет такое письмо?

– Не мои проблемы. Надо следить за своей почтой, да и за погодой. Было совершенно ясно, что невозможно играть на улице под дождем.

– А можно взглянуть на это письмо?

– Да, пожалуйста. – Он встал, открыл ноутбук, стоявший перед ней на письменном столе, и наклонился вперед, опираясь на локоть. Он подошел к

Эллен почти вплотную, и ей пришлось отодвинуться.

– Не смотри пока, я только введу пароль.

– Да, конечно, – ответила Эллен, видя краем глаза, что он закрывает массу окон. «Фейсбук» и еще какой-то форум, который она не успела рассмотреть. Потом он открыл электронную почту и стал искать во входящих мейлах.

– Вот это сообщение, – сказал он, потянувшись.

Эллен прочитала письмо. Написано коротко и ясно. *Теннис отменяется из-за погоды.* Отправлено утром в четверть девятого.

Она просмотрела список получателей.

– Здесь одни женщины. Наверное, мамы. Ты никогда не посылаешь папам?

– Что? Ну, не знаю, я посылаю тем, кто дал мне свой адрес.

Эллен кивнула и увидела имя Хелены и ее электронный адрес.

– Спасибо, – сказала она.

– Что еще? – Петтер поднял с пола теннисный мячик и только потом сел обратно на табуретку.

– Ты можешь что-нибудь рассказать о Люкке?

– Что мне рассказывать? – Он подбросил мячик и поймал его другой рукой. – Теннис ей по барабану.

– Прости?

– Она очень плохо играла. – Он усмехнулся. – Так, понятно, нельзя говорить, но ты же спросила. Или, по крайней мере, плохо по сравнению с другими детьми в группе.

– Надеюсь, ей ты этого не говорил. – Эллен попыталась скрыть раздражение.

Эльза была способнее ее. Она первая научилась читать и считать. Заговорила на несколько месяцев раньше Эллен. Первая начала ходить, часто слышала Эллен.

«Да, у всех все по-разному. Говорят, одни дети быстрее развиваются физически, а другие – интеллектуально. Но про моих близняшек так не скажешь, одна из них, Эльза, была во всем первая».

Эллен не считала, сколько раз она слышала эти слова от своей мамы. Стоило маме завидеть малышей, как она начинала вспоминать, как было у ее близнецов и какой способной во всем была Эльза.

Их, однопяцевых близнецов, постоянно сравнивали. Словно у них на лбу было написано «сравни нас». Этому не было конца. Так продолжалось и после того, как Эльза пропала. До сегодняшнего дня. Тяжело, когда тебя сравнивают с умершим. Эльза была и осталась непобедимой. Эллен

становилось стыдно, когда она вспоминала, что завидовала сестре. Хотя Эльза всегда пыталась подбодрить Эллен, перечисляя, что хорошо получалось у Эллен. Например, рисовать или делать красивые жемчужные браслеты. *Плавать.*

Петтер ударил мячом по стене прямо над ее головой, и Эллен вздрогнула.

– Было ясно как день – теннис ей не нравится. – Он продолжал бросать мяч.

– Почему же она ходила на тренировки?

– Не знаю. Некоторые считают, что играть в теннис – это здорово, или мечтают о том, чтобы их дети стали профессионалами или чем-то в этом роде. Не знаю.

Эллен прекрасно это понимала.

– Какой была Люкке как человек?

Он перестал кидать мяч.

– Если уж быть совершенно откровенным, она была жутко странной, – не сразу ответил он. – Очень странной. Тихая, ни слова не скажет. Скучная. – Он пожал плечами, а потом опять начал кидать мяч.

В глубине души Эллен надеялась, что с детьми он не был до такой степени откровенен.

– А ты когда-нибудь встречаешься с родителями своих учеников? – спросила она. Удары теннисного мяча больше не успокаивали ее, а начинали действовать на нервы.

– Конечно, они приводят и забирают детей, а иногда сидят на трибунах и смотрят. Но я редко с ними разговариваю.

– А родители Люкке?

– Мне кажется, я их вообще не видел. Я только видел ее маму и бабушку, или кто она ей. Ты играешь в теннис?

– Иногда, но уже давно не играла.

– Если хочешь брать частные уроки, скажи. – Он улыбнулся. – Ты в хорошей форме?

– Что?

Петтер уставился на нее. Но смотрел не ей в глаза, а на ее декольте.

– Я, пожалуй, пойду. – Она застегнула куртку и пошла к двери.

– Уже? – спросил Петтер, не вставая с табуретки.

– Да, мне надо обратно на работу. Меня там ждут.

– Вот как.

Эллен не понравился его тон.

Петтер медленно поднялся и пошел к двери, по пути задев Эллен. У

двери он остановился.

Он что, не выпустит ее? Эллен попыталась убедить себя, что это ее болезненное воображение и что в ситуации нет ничего странного.

Комната казалась все меньше и меньше.

Наконец он отпер замок и распахнул дверь. Эллен поспешно вышла.

Проезжая мимо парка Роламбсховспаркен, она невольно подумала, что сумку нашли совсем рядом со спортивным комплексом Салькхалленом. Ее также не отпускала мысль о том, что мама Люкке наверняка знала, что теннис отменили.

Эллен. 22.00

Эллен взяла на рецепшен последнее яблоко из блюда для фруктов и заставила себя съесть кусочек, чтобы получить хоть какую-то дозу витаминов.

– Ты одна? – спросила она Детеканну, которая работала за своим письменным столом.

– Да, – ответила та, не поднимая головы. – Тебе мало?

– Нет, конечно. Я не это хотела сказать. – Эллен посмотрела на письменный стол Джимми и убедилась, что стул пустой.

Интересно, а что видела Детеканна, когда подбирала материал для Эллен? Видела ли она «Дело Эльзы» и поняла ли, что это сестра Эллен? Но тогда она должна была изучить все досконально, ведь Эллен сменила фамилию. Хотя на самом деле не так-то сложно выяснить ее прошлое, надо только знать, что искать, чтобы найти ссылки в архиве СМИ. Она об этом позаботилась – сменила фамилию в тот же день, когда ее папа от них уехал. Вместо фон Блатен она взяла девичью фамилию мамы Тамм.

И зачем Детеканне среди ночи посылать фото умершей сестры Эллен? Зачем кому-то это делать?

– Я иду к Андреасу в монтажную, – сказала она, как будто Детеканне интересно, где она находится.

Они были вынуждены сохранить то, что записали днем, на случай, если ночью не произойдет ничего нового.

– Не понимаю, почему они не могут ее найти? – Эллен села на стул рядом с Андреасом. – Какую ошибку мы совершаем? Что пропускаем?

– Ничего, ты делаешь больше, чем достаточно. Судя по твоему виду, тебе надо поспать. Иди домой. Я все сделаю.

Эллен покачала головой:

– Я останусь. – Меньше всего она хотела ехать домой. Хорошо бы поговорить с Андреасом, но в то же время прекрасно, что он ни о чем не знает.

– Усиление безопасности в школах Стокгольма. Завтра будем подавать информацию под этим углом, если ночью ничего не случится.

Андреас включил программу редактирования и загрузил еще отснятый сегодня материал.

На экранах замелькали школьницы. Они баловались на камеру, изображая, что ходят по подиуму. Они заглядывали в камеру, посылали

воздушные поцелуи и пробегали мимо.

– Подожди, дай мне посмотреть, – попросила Эллен.

Андреас прекратил перемотку, и пошел фильм.

– Ты работаешь на телевидении? – спросила одна из девочек.

– Да, – ответила Эллен.

Девочки все извертели и начали хихикать.

– А это твоя машина?

– Да, – снова ответила Эллен. К счастью, в кадре ее не было.

– Красивая.

– Спасибо.

– Я тоже хочу, чтобы у меня была розовая машина, когда я вырасту, – сказала другая девочка.

– Я хочу работать на телевидении.

– А у тебя есть парень?

– Нет, к сожалению.

– А почему нет?

– Черт, какие же они любопытные, – заметил Андреас.

– А ты в кого-нибудь влюблена?

Линза покрылась дождевыми каплями, и Андреас протер ее. Девочка смущенно опустила глаза, продолжая хихикать.

– Идите внутрь, иначе вы насквозь промокнете.

– Не пойду, мне нравится, когда идет дождь, – сказала одна из них.

Другая девочка ударила ее по руке, и они засмеялись. Они были одеты как маленькие взрослые.

– Мой папа считает тебя красивой.

– Вот как? Ну ладно, – сказала Эллен. – А вы подружки Люкке?

Одна девочка шепнула что-то другой.

– Нет.

– Ее нет.

– Я учусь в одном классе с Люкке.

Они заговорили хором.

– Она сбежала.

– А почему вы так думаете?

Девочки пожали плечами.

– Может быть, она умерла. – Они переглянулись и начали хихикать.

– Посмотри. – Одна из них показала мягкую игрушку, похожую на разноцветного попугая. Она надавила ему на живот, и попугай заговорил:

– Ты хороший, а я САМЫЙ ЛУЧШИЙ!

– Это может быть кто-то из них? – спросила Эллен Андреаса.

– Успокойся и не говори так. Что ты имеешь в виду? Что они могли похитить Люкке? – Он покачал головой, словно никогда в жизни не слышал большей нелепицы.

– Они недобрые. И дети способны на ужасные вещи.

Камера переместилась, и на экране показалось лицо Эллен.

– Пожалуйста, останови, – попросила она Андреаса и отвернулась.

Андреас вздохнул.

– Не понимаю, когда же ты привыкнешь к себе в телевизоре. – Он провел рукой по своей бритой голове.

Эллен сделала несколько глубоких вдохов.

Она во всем видела смерть. Каждый раз, когда она видела себя на экране, повторялось одно и то же. Как в зеркале. Она видела Эльзу. Как будто та жива. На какую-то долю секунды, а потом опять ее настигала действительность.

Эллен смотрела на себя со стороны – вот она стоит с большим красным микрофоном и сейчас начнет говорить на камеру. Как бы выглядела Эльза, если бы была жива? Они по-прежнему были бы одинаковыми? Эллен понимала, что их маме тяжело ее видеть, она как ужасное напоминание о том, что ее второй дочери больше нет в живых.

Когда они были маленькими, взрослые различали их по одежде разного цвета. Эльзу одевали в розовое, а Эллен в желтое. Она ненавидела желтое, считая этот цвет некрасивым. Даже теперь ее мама реагировала, если Эллен была в розовом. Когда Эллен купила машину, это была своего рода провокация. Или дань памяти. Она сама едва это осознавала, у нее не получалось разделять понятия. *Pink mist*.

– Можно я немного побуду одна? – спросила она Андреаса.

– Конечно, схожу за кофе. Тебе принести?

Она покачала головой:

– Нет, спасибо.

Ее никак не отпускали чувства потери и вины. И в то же время прошло двадцать лет с тех пор, как исчезла Эльза. Умерла. Но говорили только, что исчезла, не упоминая смерть, и это было хорошо.

В дверь коротко постучали, и вошла Детеканна.

– Ты бери с собой телефон, если выходишь. Трудно работать, когда непрерывно звонят. – Она протянула телефон.

Эллен взяла трубку.

– Извини, – пробормотала она и увидела пять пропущенных звонков. Все со скрытого номера. Никаких сообщений.

Зарядка кончалась, и она пошла обратно на свое место и стала искать

зарядное устройство в груди бумаг на письменном столе.

Опять раздался звонок. Скрытый номер.

Она нажала на зеленую кнопку.

– Привет.

Никакого ответа.

– Кто это? – спросила она, услышав чье-то дыхание на другом конце провода.

– Скажи, кто ты и чего ты хочешь, а то я положу трубку.

Через несколько секунд молчания трубку положили. Без единого слова.

Эллен уставилась на телефон.

– Кто это был? – спросила Детеканна, подняв глаза со своего места напротив.

Эллен пожала плечами:

– Не знаю, может быть, тот, кто уже звонил несколько раз?

В ту же секунду телефон зазвонил опять.

Детеканна и Эллен посмотрели друг на друга.

Эллен еще раз нажала на зеленую кнопку.

– Эллен.

– Привет, это я.

– Мама, – сказала она нарочито четко, чтобы удовлетворить любопытный взгляд Детеканны.

– Я не вовремя?

– Нет, ничего страшного, но я на работе и не могу долго говорить, – ответила Эллен, надеясь, что мама ей поверит. – Это ты звонила несколько раз?

– Нет. Зачем?

Эллен промолчала.

– Вчера у нас был очень приятный ужин.

– Как хорошо, – ответила Эллен, отбросив угрызения совести, которые пыталась навязать ей мама. Какая мука. Эллен стала открывать письма, продолжая говорить. – Мне жаль, что я не смогла приехать.

– Ну, как вышло, так вышло.

– Ты что-то хотела? – спросила Эллен, просматривая письма с поступившей от зрителей информацией. Похоже, ничего, имеющего отношения к делу.

– Нет, я просто так.

Обе замолчали.

– Здесь так одиноко, – сказала ей мама.

– О'кей. – Эллен откинулась на спинку стула.

– Ты говорила с папой?

– Нет.

– Как ты думаешь, что он скажет по поводу всего этого? Что ты занимаешься только исчезновением девочки?

– Не знаю, мне все равно.

Она по-прежнему помнила, как лежала в кроватке в своей детской на Эрелу, через неделю после исчезновения Эльзы.

– Ты должен пожелать Эллен спокойной ночи, – услышала она голос мамы в коридоре.

– Не знаю, что сказать, – ответил папа.

– Только пожелай ей спокойной ночи. Ведь это не так трудно.

Эллен долго лежала в кровати, пристально вглядываясь в портреты своих родителей.

Ее папа так и не зашел пожелать ей спокойной ночи. Через несколько недель он уехал с Эрелу. Словно считал, что нет смысла оставаться там, когда Эльзы больше нет. И словно хотел держаться как можно дальше от Эллен.

Он начал сначала. Создал новую семью.

Отец вмешался в жизнь Эллен только один раз, когда мама рассказала ему, что Эллен собирается учиться на журналиста и стать криминальным репортером. Тогда он позвонил.

– Почему ты нас так провоцируешь? Разве мы тебя недостаточно учили? Почему ты не можешь сделать так, как сделала бы Эльза, если бы была жива? Почему ты тоже не можешь стать юристом? Или врачом?

– Или чем-то еще, что подходит семье, ты это хочешь сказать? Во-первых, мы больше не семья, во-вторых, ты меня вообще ничему не научил, а, в-третьих, каким таким образом ты можешь знать, что Эльза хотела быть юристом, когда вырастет? Ей было восемь лет. Восемь лет! Она мечтала ухаживать за дельфинами! – хотелось крикнуть Эллен. Но она не крикнула и не сказала ни единого слова. Так было легче всего. Он бы все равно не понял и не стал бы интересоваться, почему Эллен необходима работа, связанная со смертью. И он был прав. Эльза наверняка стала бы адвокатом.

– Ты что, не помнишь, как эти шакалы позорили нашу семью? Ты не помнишь, как они взяли наши фотографии с паспортов и напечатали их в газетах? Эти журналюги высматривали нас из кустов. Крались за тобой в школу. Ты что, не помнишь?

Она помнила, но таким журналистом она не станет.

– Как ты можешь якшаться с этими людьми? Я не понимаю! Почему ты просто не можешь быть, как все? – продолжал папа.

Во всяком случае, это была реакция. И по большому счету единственный разговор между ними после исчезновения Эльзы. Не считая поздравлений с Рождеством, Новым годом и началом лета. Сухие слова вежливости.

Поздравлений с днем рождения тоже не было. Но это был ее выбор. Странно праздновать день рождения без Эльзы.

Но в годовщину исчезновения Эльзы она всегда зажигала свечу.

Мама откашлялась в трубку:

– Ты считаешь себя такой сильной, но это не так. Это бередит слишком много ран, Эллен, и я не понимаю, почему именно ты должна их беречь?

Эллен закрыла глаза:

– Мама, пожалуйста...

– Ну ладно. Сегодня пожалею маленькую Веру, она совсем расстроилась, малышка.

– Вот как, а что случилось?

– Ее птенчики погибли.

– Погибли?

– Да, все. Их мама, Золотое перышко, или как там ее, явно лишилась рассудка и убила их всех. Так ужасно. Мы говорим, что они улетели в индийскую пустыню, вместе с Эльзой.

Эллен сделала несколько глубоких вдохов.

– Да, бедная Вера совершенно раздавлена. Маленькая жизнь. Птичка явно испугалась и решила убить своих птенчиков, чтобы их спасти. Не знаю, так, во всяком случае, мне объяснил твой брат. Наверняка он говорил с кем-то из зоопарка Аркен. Для Веры это большая потеря, как ты, естественно, понимаешь.

Эллен не знала, что сказать.

– Помню, как нам пришлось умертвить твоего кролика, ты потом несколько недель не могла прийти в себя.

– Это был кролик Эльзы.

Повисла пауза. Обе были не в состоянии говорить.

Когда разговор закончился, Эллен почувствовала тяжесть во всем теле.

– Что случилось? – спросила Детеканна. – Ты бледная как мел.

– Ничего, просто устала. Последнее время так много работы.

– Иногда тебе поручают дело, которое тебя не отпускает, ты сходишь с ума и без конца об этом думаешь.

Эллен вопросительно посмотрела на Детеканну.

– Да, я знаю, так бывает: некоторые случаи вызывают в тебе эмоции, и ты принимаешь их близко к сердцу.

Эллен пристально смотрела в экран компьютера.

– А кто умер? – спросила коллега.

Эллен медленно подняла глаза.

– Извини, я не собиралась подслушивать, просто услышала, что вы говорили о...

– Вот оно что, – отозвалась Эллен. – Птичка моей племянницы убила своих птенцов, чтобы спасти их.

– Ой. Как страшно и запутанно, – сказала Детеканна.

– Может быть. – Эллен продолжала искать зарядку к телефону. – Можно определить скрытый номер?

Детеканна покачала головой.

– Только по заявлению в полицию.

* * *

В конце концов, Эллен нашла место для парковки на улице Шеппсбрун на уровне своего подъезда. По-хорошему здесь нельзя было парковаться, и ее наверняка оштрафуют, но ей было невозможно объезжать и искать другое место. Припарковаться ближе к дому вряд ли удастся, и она слишком устала, чтобы ходить под дождем.

Она заперла машину и перебежала на другую сторону улицы.

На Шеппсбрун никого не было. Кто сейчас пойдет сюда в такую погоду. Обычно в это время года набережная кишмя кишит туристами и жителями Стокгольма.

У подъезда она полезла в карман куртки за ключами, но их там не оказалось. Пришлось порыться в сумке, на самом дне которой она наконец нашла связку ключей среди всякой ерунды: квитанций, косметики, маленькой бутылочки с водой. «Надо выбросить все ненужное», – подумала она.

Едва она вставила ключ в замок, как почувствовала сильный удар в бок и внезапно оказалась на земле.

Она поняла, что случилось, только через несколько секунд, увидев мужчину, убегающего в сторону Слюссена.

– Эй, стой, что ты делаешь?

Он, должно быть, налетел на нее. Все произошло очень быстро. Она даже не осознала, что рядом с ней кто-то был. Он убежал, и она всего лишь

успела заметить, что на нем были джинсы и свитер с капюшоном.

Она осмотрелась. Боже, он выхватил у нее сумку.

– Стой! – крикнула она, понимая, что это бессмысленно. К счастью, ключи были в дверях, а телефон – в кармане.

Вторник, 27 мая

Около шести утра Эллен разбудил мобильник. Она перекатилась на край кровати и потянулась за телефоном.

– Ты спишь?

Это был Джимми.

– Нет, еду на работу, – ответила она с сарказмом. – Черт возьми, еще шести нет. Если совсем честно, у меня нет никакого желания говорить с тобой. – Она села на кровати. – Мне есть о чем подумать.

– Вот именно, ты поедешь на Юргорден.

Она сглотнула:

– Что-то случилось?

– Нашли тело девочки.

– Что? – Эллен закуталась в одеяло.

– Люкке. Она мертва. Сожалею, Эллен. Андреас заедет за тобой через десять минут. Точнее, через пять.

Эллен с трудом дышала. Времени отказаться было в обрез.

– Не знаю...

Она не хотела ехать, не хотела больше в этом участвовать.

– Попросить кого-то другого? – спросил Джимми. – Если ты не в состоянии?

Она молчала. Сильно прикусила губу и сдержала слезы.

– Андреас уже выехал. Кстати, а ты где? Ночевала дома?

– Да. Но... – Она нервно провела рукой по волосам. – Меня отвезет Филип. – Она положила трубку.

Сначала она зашептала слабым голосом, а потом глубоко вздохнула и наполнила легкие воздухом: «СМЕРТЬ, СМЕРТЬ, СМЕРТЬ!»

Ночью ей снились кошмары, и сейчас казалось, что один из них никак не кончится. Она словно вернулась в исходное положение. С самого начала ей не стоило в это ввязываться. Как она могла так сглупить? Все были правы.

А теперь поздно отступать. Ей надо собраться и выяснить, что произошло.

Эллен была как натянутая струна. От каждой небольшой вмятины на асфальте и от каждого торможения она была готова взорваться.

Филип нежно положил руку ей на колено и спросил:

– Ты в порядке?

Эллен молча кивнула, подавив еще один приступ тошноты.

– Ты же знаешь, что это не твоя вина. Ты сделала все, что могла. Ты не имеешь к этому никакого отношения.

Она кивнула еще раз; ей хотелось, чтобы он замолчал.

Они выехали на Страндвеген. Люди еще спали, не зная, что случилось с маленькой Люкке. Их жизнь продолжалась, будто ничего не произошло. Скоро они встанут. Выпьют утренний кофе и прочтут утреннюю газету. Задумаются о чем-то ужасном, что случилось в мире, а уже через секунду забудут об этом и пойдут принимать душ.

Она включила радио и стала прибавлять звук, отпустив кнопку громкости только тогда, когда колонки чуть было не взорвались, и отклонилась на сиденье под незнакомую ей мелодию.

Дождь перешел в легкую морось. Филип снизил скорость и пристроился за полицейской машиной, которая, скорее всего, ехала туда же. Без сирен.

Они миновали Скансен и Грёна Лунд. Люкке никогда больше не пойдет в парк аттракционов. Никогда не съест сахарную вату и никогда не купит лотерейный билет. Никогда не засмеется.

Филип заехал на парковку у маленького озера в западной части южного Юргордена, рядом с каналом Юргордсбруннсканален.

Гиены смеялись, грифы улыбались, черви делали свое дело. Вечный круговорот вокруг мертвого тела.

Когда нашли Эльзу, она находилась по другую сторону баррикад. *Была родственницей.* Хуже этого слова она не знала. Оно равноценно жертве, которая никак не может повлиять на ситуацию. Человек, который застрял в черной дыре и которого другие должны жалеть. Или обвинять.

По сей день у нее в ушах не смолкал крик мамы, раздавшийся, когда полицейские в штатском припарковались на покрытой гравием площадке перед замком и медленно пошли к главному входу. Не надо никаких слов.

Эльзу нашли. В озере. У кромки воды под загоном для лошадей и яблоневыми деревьями.

Она лежала у камней в камышах.

Сказали, что произошел несчастный случай. Так нелепо. Так ужасно трагично. Так неправильно.

Если бы Эллен вовремя забила тревогу, сестру бы нашли живой. Если

бы Эллен не заставила ее спуститься вниз и поплавать. Если бы Эллен...

Потом пришел священник из прихода Беттна. Он болтал какие-то странные вещи. Эллен помнит, что пыталась его понять, но он словно говорил на другом языке, держа ее руки. Она помнит, что тогда подумала: «Он не станет держать мои руки, если узнает, что Эльза умерла по моей вине».

Печаль пришла позже. Но там и тогда была одна вина.

А теперь речь шла о Люкке.

– Когда она умерла? – спросила она Филипа.

– Эллен, ты не могла сделать больше. Ты должна отпустить ситуацию. И позаботиться о том, чтобы найти виновного. – Он вышел из машины.

Эллен неохотно пошла за ним. Перед тем как оглядеться, закрыла глаза и несколько раз глубоко вздохнула.

Было прохладно, и она до самого верха застегнула молнию своей темно-зеленой парки.

Полиция уже успела оцепить местность рядом с озером Исбладсчеррет.

Эллен направилась к бело-голубым лентам оцепления, хотя все ее существо кричало, чтобы она развернулась и поехала домой.

– Эллен! – позвал Андреас. – Подожди! – Он пошел за ней быстрым шагом. – Они уже накрыли поляну, – сказал он, догнав ее с камерой на плече.

Когда работа на объекте становилась слишком тяжелой, они пытались не называть вещи своими именами, чтобы дистанцироваться и снижать драматизм. Сегодня это не действовало, но у нее не было сил ответить или попросить его прекратить.

В палатке, натянутой над местом находки для защиты, стояли, наклонившись, два техника в белых матерчатых комбинезонах.

Эллен остановилась в нескольких метрах от оцепления и оглядела остальной участок. Оцепление шло вокруг большой лужайки и заканчивалось у кромки воды. С правой стороны, в отдалении, за парковкой стояло несколько домов. Она часто гуляла или бегала вокруг Юргордена, но не могла припомнить, что была именно здесь. Прищурившись, она попыталась разглядеть надпись на информационном щите, стоявшем немного дальше. С этого расстояния она не могла прочесть весь текст, но ей удалось разобрать, что это территория орнитологов, которые изучают здесь повадки птиц.

От парковки до места преступления метров сто, не меньше. Возможно, убийца принес или притащил сюда девочку.

Несколько техников в поисках следов медленно обходили участок, пристально смотря себе под ноги.

Из палатки, где лежала Люкке, беспрерывно раздавались звуки вспышек. Наверное, она белая и холодная.

– Пойду сделаю несколько снимков, пока не приехали другие журналисты. – Андреас кивнул в сторону машины канала СВТ, завернувшую на парковку. – Через десять минут надо передать материал. Как ты думаешь, это от убийцы? – Он указал ногой на лежавший на земле окурок и улыбнулся. Еще одна попытка разрядить обстановку.

– Извини, не сегодня.

Андреасу явно стало стыдно.

Эллен подошла к полицейскому в форме, который охранял оцепление.

– Вам известно, что случилось?

– Я отвечаю только за оцепление. Если у тебя есть вопросы, обращайся к начальству. Оно вон там. – Полицейский показал на палатку.

– Начальство наверняка занято, я могу поговорить с кем-то еще?

– Сейчас, к сожалению, нет, только попозже.

– Ты можешь подтвердить, что вы нашли Люкке Хёёк?

– Сожалею, но никакой информации давать не могу.

Внезапно она увидела Уве, идущего от парковки. Он подлез под ленту и пошел к полицейским в штатском, стоявшим у палатки.

– Извините, я могу с кем-то поговорить? – крикнула Эллен, чтобы привлечь его внимание. – Привет!

В конце концов, они ее увидели. Уве что-то сказал остальным и пошел ей навстречу.

– А ты, я вижу, уже здесь. Быстро. – Он опять посмотрел на часы.

– Это Люкке? – спросила она.

– На данном этапе расследования я не могу отвечать на вопросы, – ответил он тем высокомерным тоном, который Эллен ненавидела.

– Давай отвечай.

– Тебе же известен порядок. Мы управимся до обеда. Сейчас сказать особо нечего, кроме того, что сюда едет судмедэксперт. Он констатирует смерть, а затем они отвезут ее в отделение судебной медицины в Сольне для вскрытия.

– Значит, это Люкке.

Уве отвел глаза.

– Но хотя бы это ты можешь подтвердить? Или мне позвонить кому-нибудь еще? – У Эллен не было желания играть в кошки-мышки.

– Да, это Люкке. Больше я тебе ничего не скажу. Сейчас не время. – Он

осторожно наклонился к ней. – Могу сказать вот что. Мы говорим об убийстве, но к нашему сотрудничеству это не имеет никакого отношения. – Он подмигнул одним глазом.

– А семья знает? – спросила Эллен.

– Пока нет. Думаю, к ним домой поехала машина.

– А что теперь будет?

– Все, как всегда. Вскрытие, допросы и прочее. – Он огляделся, чтобы убедиться, что никто не слышит, одновременно давая понять, что разговор окончен.

– Кто ее нашел? – продолжила Эллен, проигнорировав, что больше он не хочет говорить.

– Проходящий мимо рыцарь со своей собакой, – небрежно ответил он. – На этом все. Скажешь, когда закончишь свое дело, и тогда поговорим, – сказал он диктаторским тоном и повернулся на каблуках, не дав ей задать еще вопросы.

«Вымогатель», – подумала она.

– Я могу с кем-то быстро сверить факты? – крикнула ему вслед Эллен, но он не ответил.

Хелена. 06.30

Хелена сидела на стуле у себя на кухне в махровом халате и дергала ниточки обтрепанного рукава.

Напротив нее сидели два полицейских в штатском из криминальной дежурной службы.

На столе лежала сегодняшняя утренняя газета. Заголовки вселяли надежду – в полицию поступило новое сообщение о том, что Люкке жива.

Газета вышла из типографии четыре часа назад.

– Скоро СМИ сообщат, что ее нашли мертвой, – сказал один из полицейских и перевернул газету. – На месте преступления находятся журналисты, и если они еще не позвонили тебе и другим членам семьи, то сделают это в ближайшее время. Так что лучше всего как можно быстрее обзвонить остальных родственников.

Родственников. У нее по коже забегали мурашки.

– Ты хочешь с кем-то поговорить?

– Нет.

– Мне кажется, тебе лучше не быть одной. Кому мы можем позвонить?

– Нет-нет, спасибо, – прервала она. – Что теперь будет? Мне можно ее увидеть?

– Да, она будет находиться в отделении судебной медицины в Сольне. Ты с ней попрощаешься.

Хелена покачала головой. Ей хотелось крикнуть, чтобы они уходили, но она сдержалась. Она встала и взяла пачку сигарет. У Хелены так дрожали руки, что она уронила пачку. Она подняла ее и, в конце концов, достала сигарету.

– Подожди, я тебе помогу. – Один из полицейских поднес ей зажигалку.

– Буду благодарна, если вы сейчас уйдете, я справлюсь. – Она попыталась сказать это убедительно.

– Мы не хотим оставлять тебя одну... – Полицейские посмотрели друг на друга – казалось, они не знали, как поступить в такой ситуации. – Хорошо, мы уйдем, хотя это неправильно. Наши коллеги могут связаться с тобой в любой момент. Тебя вызовут на допрос...

– Меня в чем-то подозревают? – Она глубоко затанулась.

– Может быть, нам позвонить твоим родителям, или братьям и сестрам?

Она покачала головой и стряхнула пепел в раковину:

– Пожалуйста, прошу вас, уйдите. Мне надо собраться.

Они наконец ушли.

На столе по-прежнему лежала сегодняшняя газета. Она стала листать ее, нашла раздел «Семья» и провела пальцем по странице в попытке найти номер. Достала из кармана мобильник и позвонила.

– Раздел «Семья», «Свенска Дагбладет». Меня зовут Йенни.

– Я хочу дать объявление о моей дочери.

– Да, конечно. Объявление о рождении? – спросила Йенни восторженным голосом.

– Нет, некролог.

Хелена подавила позыв к рвоте.

– Мои соболезнования. Обычно мы печатаем некрологи по просьбе похоронных бюро, но вы хотите сделать это сами?

– Да.

– Какой размер?

– Размер? – У нее все зачесалось. – Обычный. – Она посмотрела на руку, лежащую на газете. Палец показывал на объявление в газете. – Как в сегодняшнем номере. Для Анны. Анны Турессон.

– Хорошо. Что должно быть написано в некрологе?

– Что написано?

Она рассеянно просмотрела некролог. Сначала курсивом напечатано стихотворение. Затем список родственников. Сверху шли те, кто больше всех скорбит и хуже всех себя чувствует. Буквы сливались. Глаза словно подернулись пеленой. Защитный фильтр. Но слез не было.

– А что обычно пишут? – спросила она.

– Что обычно пишут? Ну, для начала имя умершего.

Хелена потерла глаза и попыталась собраться.

– Люкке. Люкке Хёёк.

– Люкке Хёёк. – Девушка стала писать по буквам. – Люкке с двумя «к»? – спросила она, словно речь шла о самом обычном имени.

– Да.

– Очень красивое имя.

Как будто это поможет.

– Когда она родилась?

– Двадцать третьего апреля две тысячи шестого года, – коротко ответила Хелена и сдержалась, чтобы не пробарабанить четыре последние цифры личного номера.

Хелена слышала, как девушка стучит по клавиатуре.

– Когда она умерла?

Хелена прикрыла рот:

– Сегодня.

– Сегодня?

– Да.

– Ой, мне в самом деле жаль... но...

Хелена перебила ее:

– Нет, не знаю...

– Что не знаешь?

Слова застряли в горле.

– Алло, вы меня слышите?

– Я не знаю, когда она умерла.

– Что вы имеете в виду?

Хелена постаралась справиться с эмоциями.

– Я понимаю, что вы в шоке. Может, не будете торопиться с некрологом? Вам есть с кем поговорить?

– Я вся чешусь и не могу остановиться. У меня мурашки бегут по всему телу.

– Вызвать вам помощь? Это та Люкке, которая пропала? Которую нашли мертвой?

Хелена сделала глубокий вдох.

– Я хочу, чтобы вы поместили некролог в завтрашней газете. Какая нужна информация?

Хлоя. 08.30

«Стокгольмское время – восемь часов тридцать минут. Передаем выпуск новостей на канале ТВ4. Восьмилетняя Люкке Хёёк, которая пропала во второй половине дня в пятницу, была найдена мертвой. Тело...»

Хлоя выключила телевизор.

Харальд, как парализованный, сидел у кухонного стола и неподвижно смотрел прямо перед собой. Полчаса назад они узнали, что Люкке нашли мертвой. Из теленовостей.

Харальд сразу же позвонил в полицию. Она никогда раньше не видела его в такой ярости. Она чуть было не испугалась. Но она его понимала. Почему никто не сказал им, что Люкке нашли мертвой? Убитой. Почему отец должен узнавать об этом из новостей?

В полиции сказали, что утром сообщили об этом маме Люкке, которая, в свою очередь, должна была сообщить им. Если этого не случилось, полиция сожалеет.

И это называется обществом равноправия? Почему они связались только с мамой? Харальд и Хелена оба являются опекунами. Хлое хотелось позвонить Хелене и накричать на нее. Как она могла так поступить с Харальдом? У этого человека нет сердца.

– Тебе что-нибудь дать, дорогой? Кофе, воды? – Она положила руку ему на плечо.

Он не ответил и скинул ее руку.

Как же больно видеть его в таком состоянии, но что она может сделать? Ни утешить его, ни дотронуться до него.

– Что сказала полиция? Как она умерла? – Слова давались ей с трудом.

«Скорее всего, сегодня он ночевал дома», – подумала она и села на стул рядом с ним.

Она проснулась в семь часов от того, что залопотал Людде, но, когда она вошла в его комнату, его там не было. Хлоя услышала, что на кухне кто-то есть, и пошла туда. Там стоял Харальд и готовил молочную смесь. Она не знала, когда он пришел домой. Судя по всему, он ночевал в гостевой комнате, поскольку к ней он не зашел. Она включила «Утро новостей».

– Я поставил кофе. – Харальд поцеловал ее в щеку. Вид у него был уставший, но настроение, похоже, бодрое. Или, по крайней мере, «нормальное».

Ее окатила волна счастья. Он вернулся к ним. Она налила ему кофе.

Все было почти, как всегда. Пока не начались «Новости».

И вот теперь он сидит за кухонным столом совершенно раздавленный.

– Что сказала полиция, Харальд? Как ее убили? – сделала еще одну попытку Хлоя.

Он по-прежнему молчал.

– Кто убивает маленьких девочек? В каком мире мы живем?

Он и ухом не повел, словно ее не было.

– Эй, поговори со мной, Харальд. Ты больше не можешь держать меня вне игры.

Но муж продолжал пристально смотреть в пустоту. Хлоя попыталась привлечь его внимание, помахав рукой у него перед глазами, но даже это не помогло. Она чувствовала свою непричастность. Почему он не хочет с ней говорить? Она не понимала.

Один сплошной кошмар. Маленькая Люкке.

Зазвонил телефон. Она отключила звук и на своем, и на его телефоне, но вибрация была оглушительной.

Она уже два раза брала трубку, и зря. Один раз позвонил знакомый, услышавший ужасную новость. Он спрашивал, как она и как семья. Во второй раз позвонил журналист, задавший массу вопросов, на которые она не знала, как отвечать.

– Я больше не выдержу. Когда они все перестанут звонить? – Она пошла к мойке и выключила свой телефон, не посмотрев, кто звонит.

Мобильник Харальда продолжал вибрировать.

– Харальд, пожалуйста, ответь мне.

Он медленно перевел на нее глаза.

– Этого они могли не говорить, – сказал он спокойным тоном. – Они хотят, чтобы я ее опознал, – продолжил он и снова уставился в точку на стене.

– Не могу поверить, что она мертва. – Хлоя оперлась о мойку. – Как страшно, когда убивают знакомых тебе людей.

– Знакомых людей? Ты говоришь о моей дочери! Ты это понимаешь? Моей дочери!

Он посмотрел на нее ненавидящим взглядом.

– Но...

– Прекрати!

Хлоя замолчала.

– Сюда придут полицейские, они хотят задать нам массу вопросов... – Он закрыл лицо ладонями.

– Но мы уже рассказали все, что знаем.

– Мне надо позвонить Хелене. – Харальд встал.

– Что? Как ты можешь говорить с ней после всего того, что она нам сделала? Если с кем полиция и должна говорить, так это с ней!

Эллен. 10.00

Анетта с беспечным видом стояла за кассой и выкладывала на поднос свежие теплые булочки. Она прервала свое занятие и широко улыбнулась, когда над дверью зазвенел колокольчик, и вошла Эллен.

– Мне кофе... и булочку, – сказала Эллен, подходя к кассе. Кроме них, в маленьком киоске никого не было, и Эллен могла немного расслабиться.

– Обычный кофе или, может быть, сегодня возьмешь латте? – спросила Анетта и улыбнулась так, что стали видны ее кривые зубы.

– Обычный молотый кофе. Черный.

Анетта в честь чего-то слишком сильно обвела глаза черной подводкой.

В киоске негромко играла ее любимая музыка.

– Мне нравится эта мелодия, – весело сказала она, отложила противень со свежими булочками и поставила кружку в кофейный автомат.

– Будешь платить наличными или карточкой?

– Наличными, спасибо.

Заученные фразы.

Анетта подпевала.

– Маленький воробушек... – Она повернулась и протянула горячую чашку, – лети над полями... [\[12\]](#)

Эллен дала ей наличные. Пять тысяч крон. Какое-то безумие.

Анетта взяла деньги.

– А ты могла бы убить своего домашнего питомца за миллион? – спросила она и положила купюры в карман.

– Нет, – ответила Эллен и вздрогнула. «Больная, – подумала она. – Сумасшедший дом какой-то».

– Думаю, многие ответят на этот вопрос отрицательно, но так поступил бы каждый. Все хотят казаться хорошими, – нервно сказала Анетта. Она засмеялась. – Но ты, конечно, в курсе, раз работаешь на телевидении.

Эллен кивнула. Так было проще всего. Она взяла кофе и булочку и быстро пошла к выходу.

– Надеюсь, скоро опять увидимся! – прокричала Анетта и снова стала подпевать Мари Фредрикссон.

Эллен выкинула булочку в корзину для бумаг у выхода из газетного киоска. Сейчас ей было не до еды. Она подумала, что надо бы купить

жвачку, ну, да ладно. Она сделала глоток черного кофе, и у нее засосало под ложечкой.

Достав телефон, послала сообщение: *Готово*. Села в машину и успела только повернуть ключ, как позвонил Уве.

– Полагаю, ты можешь говорить?

– Да, – ответила Эллен.

– Хорошо, слушай внимательно, говорю только один раз.

– Хорошо. – Эллен вынула из сумки бумагу и ручку.

– Завтра после вскрытия мы получим больше ответов, а сейчас коротко перечислю то, что нам известно на данный момент. Причина смерти ясна, точечные кровоизлияния на внутренней стороне век...

Эллен перестала писать.

– Нехватка кислорода?

– Да, очевидно, ее задушили подушкой, куском ткани или чем-то подобным.

– Есть ли признаки внешнего насилия?

– Нет, по крайней мере, сейчас этого не видно, но протокол вскрытия даст ответы на многие вопросы. Вероятно, она скончалась в прошлую пятницу.

Эллен глубоко вздохнула.

– Вы это знаете наверняка?

– Протокол вскрытия, понятно, подтвердит и это.

– Дождь вам мешает?

– Да, для криминалистов это не самая лучшая ситуация – все возможные следы могут исчезнуть.

– У вас есть подозреваемые? Вы как-то сумели выйти на преступника? Чем вы сейчас занимаетесь?

– Нет, это розыскное убийство, и поэтому на данный момент подозреваемых нет. Полиция делает упор на место преступления, и сейчас мы опрашиваем всех, кто может что-то знать. Ты хочешь проверить информацию у кого-то в полиции?

– Все родственники проинформированы?

– Теперь все. Крайне неудачно, что вы раструбили о том, что ее нашли, до того, как мы успели сообщить отцу.

«Черт возьми», – подумала она и, прежде чем сказать, сделала глубокий вдох.

– Как она выглядела, когда ее нашли? Она была в плохом состоянии? Звери ее трогали?

– Она была завернута в одеяло и платок и прикрыта ветками.

– Вот как. Значит, преступник ее похоронил?

– Да, можно сказать, что похоронил. Я послал тебе электронное письмо. Теперь мне нужно идти, но если захочешь сверить информацию с полицией, дай знать.

– Но...

Уве уже отключился. Эллен откинулась на сиденье.

Несколько раз прочла свои записи. Споткнулась на некоторых словах. Попыталась составить представление о случившемся, и только потом опять взяла телефон, чтобы посмотреть электронное письмо, присланное Уве.

Письмо она открыла не сразу.

Оно было пустым, но к нему была приложена фотография. Она кликнула на фото, и изображение открылось на весь экран.

Эллен охнула и прикрыла рот рукой.

Эллен. 11.00

Она едва помнила, как добралась до работы. Наверное, на автопилоте. Фотография Люкке так и стояла у нее перед глазами. Она никак не могла понять, зачем Уве послал ей фото тела.

Казалось, что Люкке спала. Кожа была белой, как мел. Рот закрыт, губы темно-синего цвета. Волосы мокрые, несколько прядей лежат на ее красивом личике. Страшно и одновременно умиротворяюще.

«В этот раз я переплатила Анетте за кофе, – подумала Эллен, торопясь в редакцию. – Какую же золотую жилу нашел Уве! Как все это грязно, отвратительно и незаконно». Ей было стыдно, что она в этом участвует.

А что ей делать с фотографией? Она хотела оставить ее в своем компьютере и в то же время не могла. А вдруг ее кто-то обнаружит?

Эллен села за письменный стол, чтобы уничтожить фотографию и все остальное в корзине, как что-то ее остановило. Почему убийца завернул Люкке в одеяло? Это какой-то ритуал? Или убийца хотел ее защитить?

Она огляделась, чтобы убедиться, что никто не видит ее экран, и открыла фотографию в последний раз. Посмотрела на Люкке. Что-то знакомое, но что именно, она не знала.

Особенно не задумываясь, она быстро перекинула фото в фотошоп и вырезала кусочек полосатого одеяла и платка. Сохранила это на рабочем столе и только потом уничтожила всю фотографию.

– Мы сделали самую лучшую передачу в мире – опять! – Джимми встал со своего места и захлопал в ладоши. – Первые с новостями, первые на месте. – Он подошел к Эллен и положил руку ей на плечо. – Отлично сработано! К тому же я только что услышал, что Харальд теперь обещает вознаграждение тому, кто найдет убийцу.

Эллен быстро закрыла фотографию одеяла. Джимми ни за что не должен видеть это фото, кто знает, что он может заставить ее с ним сделать.

– Что теперь будет? Как нам и дальше оставаться первыми и лучшими? – спросил он.

Она сделала усилие, чтобы дать понять, что ситуация ее никоим образом не трогает, и ответить по существу. Прежде чем рассказать о содержании письма, она хотела уяснить для себя, какой частью информации она поделится и на что обратит особое внимание.

– Я расскажу, как ее нашли. Наверное, в школе проведут траурную церемонию, и мы сделаем об этом репортаж.

– То есть, школа в трауре?

Эллен кивнула.

– Оригинально, – заметил Джимми. – Придумай что-нибудь получше.

– Перестань, я не стану брать интервью у родителей, пусть это делают журналисты вечерних изданий. Мы не будем ничего разнюхивать, мы уже допустили промахи...

Ее прервала Детеканна – плюхнула ей на стол внушительную стопку бумаги.

– Ой, только не надо фарисействовать. Сейчас ты будешь копать в чужих делах. Здесь решение суда о разводе и протокол заседания о споре по поводу опекуна. Все, что ты хотела.

– Спасибо. – Эллен посмотрела на грудку бумаги. Она надеялась, что Детеканна отсеяла хоть какие-то материалы.

– Черт, – заметил Джимми. – Как такое могло произойти? Как можно подвергать такому своего ребенка?

– Лучше развестись, чем жить в несчастливом браке, – заметила Детеканна.

– Может быть, но я все равно считаю, что если ты заводишь детей, ты должен нести ответственность. Но что я знаю. Печально, во всяком случае. Эллен, пожалуйста, пойдем выпьем кофе.

Эллен обернулась.

– Это важно.

Она неохотно пошла за ним.

– Как ты себя чувствуешь?

– Пожалуйста, перестань меня об этом спрашивать.

– Хорошо, извини. Послушай, а это правда, что тебя вчера ограбили?

Эллен остановилась.

– Филип рассказал.

– Вот оно что, а почему он говорил с тобой?

– Потому что он волнуется. Ты связывалась с полицией?

Эллен покачала головой.

– Если еще что-то случится, я отстраню тебя от этой работы и подключу Лейфа.

Она кивнула. Она слишком устала, чтобы с ним спорить, но с Филипом она разберется.

– Что еще ты хотел сказать? – спросила она.

– Ничего, только...

Эллен повернулась на каблуках и пошла обратно на свое место. Открыла электронную почту и стала писать новое письмо. В адресной

строке указала адрес Детеканны и приложила фото одеяла, которое вырезала из фотографии Люкке.

Можешь выяснить, откуда это одеяло?

Эллен

Эллен. 22.30

– Я всегда презирал героев триллеров, которые в одиночку возвращаются на место преступления или идут в заброшенный мрачный дом посреди ночи, – сказал Филип, когда Эллен свернула на улицу Вальхаллавеген. – А теперь герой такого фильма. Наверное, я твой самый-самый лучший друг.

– Это не обязательно место преступления только потому, что ее там нашли, – поправила его Эллен.

Ей хотелось вернуться к озеру Исбладсчеррет. Может быть, там сложится какая-то часть пазла.

– Почему ты говорил обо мне с Джимми? – спросила она.

– Что?

– Перестань, он уже тебя выдал. Как ты мог так поступить со мной?

– Потому что я волнуюсь.

– Почему все никак не перестанут волноваться? – закричала она, ударив по рулю. – Не хочу больше слышать об этом ни одного слова! Я просто выполняю свою работу, а ты идешь и говоришь Джимми.

– Я же извинился. Но Джимми и так все знает. Я не знал, к кому мне обратиться. Скоро придется звонить твоей маме.

– Пожалуйста, замолчи.

Остаток пути они ехали молча. Эллен даже не стала включать радио.

Чем дальше они ехали по Юргордену, тем темнее становилось.

– Какой сегодня день? Двадцать пятое мая две тысячи четырнадцатого? – спросила Эллен, нарушив молчание.

– Пожалуйста, давай попытаемся сделать одно дело и забудем обо всем остальном. Кстати, у тебя есть что-нибудь попить?

Она покачала головой:

– Посмотри у меня в сумке.

– Может быть, это глава из Библии. Или указатель страниц? – Эллен продолжала размышлять вслух.

– Да наверняка. – Филип рылся в ее сумке. – Или прав Андреас, когда говорил о Дне пропавших детей.

– Да, за исключением того, что Люкке больше не является пропавшей.

– И правда. – Он вынул из сумки бутылку газировки, отрыл ее и пролил на себя воду. – Черт! – Когда газ испарился, сделал глоток. – Но тогда это может иметь отношение ко Дню матери?

Эллен задумалась, хотя мысль была чистым абсурдом.

– Это было в воскресенье? А исчезла она в пятницу?

– Беру свои слова обратно, недаром я работаю с гримом, а не с такими сложными вещами.

– Нет, но я рада, что ты едешь со мной. – Эллен улыбнулась ему. – Ведь за тобой должок.

Когда они подъехали к Исладсчеррет, она сбросила скорость.

Она немного почитала про этот район. Рядом с тем местом, где нашли Люкке, находилась старая водонапорная башня. В 1982 году администрация Юргордена перестала брать воду из озера, прервав традицию, начатую еще в 1904 году. С тех пор озеро не трогали, и здесь развелось множество птиц.

Эллен свернула на парковку.

– Знаешь, что крон-принцесса Виктория и Даниель получили эту прогулочную тропу в подарок ко дню свадьбы? Она называется «тропой любви».

– Ты что, шутишь? От кого же? Разве королевская семья не владеет всем островом?

Эллен пожала плечами.

Участок был по-прежнему оцеплен бело-голубой лентой. В одном месте лента порвалась и развевалась от порывов ветра.

Перед ними простиралось море цветов и горящих свечей, которые пытались выстоять на сильном ветру.

Эллен не стала выключать подогрев в машине и медленно пошла к стихийно созданному мемориалу. Цветы и игрушки.

– Ужасно, – сказал Филип, встав рядом с ней.

Он наклонился и поправил мокрого мишку, который спинкой кверху упал в глинистую траву.

– Вот если бы все, кто был здесь и оставил эти вещи, по-настоящему интересовались ею, пока она была жива, – сказала Эллен, рассматривая куклу в розовом дождевике, которая лежала на самом верху. – Теперь, когда она умерла, все тут как тут. Теперь люди приходят на Юргорден и оставляют цветы, мишек и подарки. То же самое было сегодня в школе во время съемок. Все вдруг стали ей очень близкими людьми. Меня это очень огорчает. Разве люди не понимают, что уже поздно?

– Понимают, но им стыдно, и они пытаются искупить свою вину цветами и тому подобным, – сказал Филип. – Я все равно считаю, что пусть они лучше несут ей цветы, чем вообще ничего не делают.

– Да, может быть, – отозвалась Эллен и прочла слова на открытке,

висящей на ленточке, которой был обвязан букет красных роз.

Спи спокойно, Люкке.

Детский почерк. Кто-то только что научился писать.

– Боже, что это? – спросил Филип и наклонился, чтобы извлечь из груды мягких игрушек разноцветного попугая.

– Ты хороший, а я САМЫЙ ЛУЧШИЙ! – прохрипел попугай, и они оба вздрогнули.

Эллен узнала игрушку – этого попугая она видела у девочек в школе.

– Представляешь, Люкке пролежала здесь совершенно одна несколько ночей. – Ее передернуло, и она посмотрела в сторону водонапорной башни, где нашли тело.

– Почему именно здесь? – почти прошептал Филип.

– Кто бы знал...

Она огляделась, не зная, что ищет. Только бы приблизиться к правде. Она пыталась уловить ощущение. Или просто нечто.

– Сюда довольно далеко от Королевского теннисного корта. Минимум пятнадцать минут на машине. Не понимаю. Дальше дорога никуда не ведет, она кончается здесь. Можно объехать остров, а что потом? – Эллен подошла к оцеплению. С каждым шагом она все больше увязала в глинистой земле.

На Юргордене, где обычно царил оживление, в дождь никого не было, и поэтому убийце удалось заманить ее сюда, не привлекая к себе внимание. Но тогда заранее это было не запланировано. «Никто не знал, что будет такой дождь», подумала она.

Короткий вскрик заставил ее остановиться.

Она едва смела пошевелиться. Откуда этот звук?

Эллен осторожно повернула голову и огляделась. Филип стоял, как вкопанный, у груды цветов и мягких игрушек и выглядел таким же до смерти напуганным, как и она.

Крик послышался снова, и она быстро повернула голову туда, откуда, как ей показалось, он раздавался. Вскоре она услышала громкое хлопанье крыльев.

Птица.

Она выдохнула. Напомнила себе о том, что озеро Исбладсчеррет славится большим количеством птиц, но такой крик?

Нервы по-прежнему были на пределе, она с трудом могла сосредоточиться. И в то же время все чувства обострились как никогда. Она посмотрела в сторону парковки.

Убийца особо не спешил. Сначала он или она отнесли Люкке вниз, а

потом заботливо укрыли ее.

Ее убили здесь или раньше? Может быть, она шла сюда сама. Это нужно проверить. Как выглядели ее ноги или ботинки? Они были в глине?

Убийца не оставил после себя никаких следов. По словам Уве, их смыло дождем, но, может быть, мы имеем дело с матерым убийцей, который знал, что делал.

– Мы можем уйти? – крикнул ей Филип, стоявший у оцепления.

Она медленно пошла назад. Место преступления оставалось у нее за спиной, и от этого у нее включился основной инстинкт. Хотелось бежать, и как можно быстрее, но она постаралась побороть это желание, и пошла еще медленнее. Попыталась вспомнить, что надо сделать в ближайшее время. Она уже связывалась с администрацией Юргордена, но они не заметили ничего необычного. Она вставила короткую врезку в репортаж. Один из сотрудников администрации рассказал, как они помогали полиции.

– Садись за руль, мне нужно кое-что записать. – Эллен пошла к пассажирскому сиденью.

– Конечно. – Филип запрыгнул на водительское сиденье. – Привет, розовый туман! Сейчас помчимся во весь опор. – Он посмотрел на нее и включил коробку передач. – Извини. Мне надо пошутить, иначе очень тяжело.

Эллен кивнула.

Филип несколько раз нажимал на газ, пока они не заехали наверх и не объехали пригорок. Их ослепил яркий луч света.

– Что это? – Он сбросил скорость и остановил машину.

Эллен дважды проверила, закрыты ли двери, и только потом посмотрела во тьму ночи. Из-за дождя видимость стала еще хуже. Она обернулась и попыталась взглянуть назад.

– Дай задний ход, – велела она Филипу.

– Что? Боже, ты с ума сошла. Прямо в западню?

– Соберись. Делай, как я говорю.

Филип дал задний ход и медленно поехал назад.

– Так, теперь можешь ехать, – сказала она.

Он удивленно посмотрел на нее:

– Что? Только и всего?

– Теперь придется заплатить.

– Заплатить?

– Это была камера контроля скорости. Ты на нее наехал. – Она улыбнулась. – Это тебе дорого обойдется. Здесь вряд ли больше тридцати.

– Что? Они развесили камеры на Юргордене? Острове короля? И он

это разрешил? – Филип вздохнул. – Н-да, надеюсь только, что получился хороший снимок.

– Может быть, тот, кто убил Люкке, тоже спешил отсюда уехать.

Филип посмотрел на нее вопросительно:

– Думаешь, полиция это не проверила?

– Наверняка проверила, но нам, журналистам, они всего не рассказывают.

Она взяла телефон и послала сообщение Детеканне. Попросила ее выяснить, засняли ли здесь кого-нибудь в пятницу.

Эллен. 24.00

Эллен натянула на себя большую вязаную кофту и попыталась согреться.

Стопка бумаг – протоколы всех допросов, проведенных в связи с делом об опекунстве над Люкке, оказалась еще толще, чем она думала.

По-хорошему, ей надо пойти лечь спать, но она должна просмотреть протоколы. Она не знала, что ищет, но что-то с семьей Хёёк не так, и она обязана выяснить, что именно.

Она должна выдержать. Должна сосредоточиться, внушала Эллен сама себе.

Она опустилась на диван и разложила документы на большом круглом столе, чтобы составить общее представление. Но сначала надо выпить бокал вина.

Когда Эллен открыла бар, то увидела, что скоро его нужно будет пополнить. К счастью, еще оставалось несколько бутылок ее любимого вина.

Она открыла бутылку – раздался легкий хлопок. Аромат нежно окутал ее нервы, как вата. Взяв большой бокал, она наполнила его до краев. Отпила несколько глотков и стала рассматривать фотографии на стене, переводя взгляд с Люкке на Эльзу и обратно. Мысленно увидела фото, присланное Уве, и закрыла глаза.

Пришлось дать себе пощечину.

– Сосредоточься, Эллен, сосредоточься! – громко сказала она и села на диван.

Она начала читать решение суда, согласно которому оба родителя признаны опекунами Люкке. Далее говорилось, что Люкке попеременно будет жить у обоих, переходя от одного родителя к другому по понедельникам.

Потом она внимательно прочла краткое изложение показаний всех опрошенных по делу, – родителей и других свидетелей. По причине юного возраста с Люкке никто не разговаривал.

Эллен сделала глоток вина. И еще один.

На допросах Харальд утверждал, что Хелена страдала послеродовой депрессией и поэтому долго не могла привязаться к Люкке. Но мама Люкке отрицала это на допросе. Она признала, что у нее были проблемы сразу после родов, но через несколько месяцев она пришла в себя, что

подтверждает ее история болезни.

В ответ на обвинения в свой адрес она напала на Харальда за то, что он бросил и предал их и тем самым, по ее мнению, пренебрег правом встречаться со своей дочерью.

И все в том же духе. Страница за страницей.

Адвокаты, родители, родственники. И маленькая девочка в центре всего этого.

Возможно, это был рядовой спор об опеке. Обвинения, которые всплывали на поверхность во время допросов и которые рассыпались в суде.

Мама Люкке утверждала, что Харальд несколько раз странно смотрел на свою дочь, когда она мылась. Обычно так отцы не смотрят на своих дочерей. Эллен подняла глаза – у нее пропало желание читать дальше, но она заставила себя продолжить.

Далее приводились еще примеры. Из-за обвинений слушания приняли другой оборот. Объявили перерыв.

Эллен громко вздохнула, ей стало не по себе. «Джимми не должен об этом знать», – подумала она. – Это не должно получить огласку».

Бедная, бедная маленькая Люкке. Эллен попыталась представить себе Харальда. Ей было трудно вообразить, что он способен на такую мерзость.

Но если это так? Что, если отец подвергал Люкке сексуальным домогательствам? Или мама делала последнюю отчаянную попытку стать единственным опекуном?

Эллен знала, что в таких ситуациях мамы чаще, чем можно подумать, обвиняют пап в сексуальных домогательствах. Без всяких на то оснований.

Она налила еще вина. Выпила одним махом и стала читать дальше.

Проверка физического и психического состояния Люкке. Никаких признаков того, что ее сексуально использовали.

Было установлено, что девочка сдержанная, застенчивая и ведет себя как интроверт. Но никакого диагноза.

Допросы затягивались.

Родители продолжали обрушивать друг на друга град обвинений.

Эллен налила еще вина. Сделала большой глоток и решила, что это последний бокал.

Через много страниц выяснилось, что мама взяла свои обвинения обратно. Таким образом, она несправедливо обвинила своего бывшего мужа в том, хуже чего и быть не может. Как она могла так поступить с Харальдом, но прежде всего, как она могла так поступить со своей дочерью?

Также странно, что Харальд согласился брать Люкке на выходные только два раза в месяц, но тут внезапно запротестовала Хелена, цитата: «Почему я должна обо всем заботиться? Я хочу опекуна на равных. Так легко он не отделается». Конец цитаты.

Далее Харальд потребовал проведения теста на отцовство. Что заставило его усомниться в том, что он действительно отец девочки?

Эллен стала быстро листать дальше, чтобы увидеть результат. Было подтверждено, что Харальд Хёек – папы Люкке. Принимается решение о совместном опекунастве.

Ненависть, зависть и эгоизм. Вот о чем говорилось во всех документах. Эллен раздраженно отодвинула бумаги в сторону и закрыла голову ладонями.

Мог ли кто-то из них зайти слишком далеко? Она перевернула одну страницу и написала:

Тест на отцовство.

Послеродовая депрессия.

Трудности с формированием привязанности к ребенку.

Ложные обвинения в сексуальном домогательстве.

Зависть.

Жадность.

«Черт возьми», – подумала она и встала. Налила еще вина и села между диванными подушками.

Теперь надо было прочесть между строк. Она закрыла глаза, но увидела только одну Люкке.

И тут ее осенило, и она вспомнила.

Эллен встала, голова немного кружилась. Пошатываясь, подошла к своему «стеллажу смерти». Залезла на стремянку, чтобы достать до полки с материалами о местах совершения убийства. Почему она не подумала об этом раньше?

Сняла с полки папку и села на подоконник в эркере. Посмотрела на залив и усилившийся дождь, который хлестал по воде, и только потом открыла папку и стала листать страницы. Она точно знала, что ищет, – статью, которую сохранила в тот год, когда жила в Нью-Йорке и работала на «Си-эн-эн». Она помнила основное, но для подтверждения ей нужны были детали.

Заголовок гласил: «*Mother's Touch*»^[13].

Одно это заставило ее вздрогнуть.

Это была коротенькая статья из «Таймс». Кто-то нашел в лесу мертвого ребенка. Трех лет. Тоже маленькую девочку. Похороненную под листьями и ветками в чаще леса. Завернутую в теплые одеяло и куски ткани. Сразу же поняли, что это дело рук кого-то из родственников. Все было явно.

«Love and guilt» [\[14\]](#).

Мама призналась сразу.

Любовь и вина. Противоречиво и в то же время очевидно.

Если Эллен не совсем ошибалась, это типичный женский феномен. Именно потому он ей запомнился, поскольку встречался нечасто.

И в данном случае речь идет о женщине. Почему другие этого не видят? Или она просто пьяная? И устала.

Надо продолжить завтра на трезвую голову.

И тут зазвонил домофон.

Эллен взглянула на часы. Начало второго. Кто это может быть в такое позднее время? «Наверное, Филип», – подумала она, подойдя к лифту и нажав на кнопку домофона.

– Привет? – спросила она.

Кто-то нарочито тяжело дышал.

– Привет, кто там? – опять спросила она и почувствовала, как волосы на руке встают дыбом. Человек как будто стонал.

Она дотронулась до экрана камеры наблюдения. Но посмотрела на экран не сразу, боясь того, что увидит.

Увидев изображение, Эллен попятилась назад.

Хотя он и закрыл лицо капюшоном, она увидела, что это тот же самый парень, который вырвал у нее сумку за день до этого.

– Я тебя вижу, чего тебе надо? – закричала Эллен.

Она побежала обратно к дивану и принялась искать телефон между подушками.

– Где он, черт возьми? – В конце концов, она нашла телефон на полу и бросилась к лифту.

Когда Эллен опять посмотрела на экран, парень уже исчез.

Она бросилась к окну и выглянула на улицу, но ничего не увидела.

Набрала номер полиции, но так и не нажала на символ зеленой трубки. «Он не сумеет войти», подумала она. «А что тогда может сделать полиция»?

Ничего.

Джимми не даст ей работать с этим делом. Она не найдет убийцу Люкке. И все узнают, что она сделала со своей сестрой.

Она стерла номер и заблокировала телефон.

Среда, 28 мая

Ей было неприятно слышать, как двое девочек-подростков нагло пытаются убедить Анетту, что им больше восемнадцати, чтобы купить сигареты.

Анетту, похоже, забавляла эта ситуация, и она тянула время, продолжая с ними препираться.

– Простите, вы всё? – Эллен была вынуждена вмешаться. Она терпеть не могла унижений, насквозь промокла и хотела только одного – вернуться к своей пробежке. К тому же она была с похмелья. И зачем она вчера выпила целую бутылку?

– Вот что, девочки, здесь вам ничего не светит. – Анетта отодвинула их руками. Возможно, она беспокоилась, что Эллен уйдет, не расплатившись.

– Как мерзко. Проклятая баба. – Девочки протиснулись мимо Эллен.

– Возвращайтесь через несколько лет! – крикнула им вслед Анетта. – С ума сойти, сколько молодежь теперь курит. Что случилось? Курение явно снова стало популярным. Во всяком случае, среди молодежи. Знаешь, кого в этом обвиняют?

Эллен покачала головой.

– Телевидение. – Анетта произнесла это так многозначительно, словно нашла лекарство от рака или что-то в этом роде, одновременно упрекнув Эллен в том, чем она занимается.

– В телесериалах довольно много курят, – продолжала она. – По мне, пусть курят, я бы продавала сигареты всем желающим, но власти так придираются. Ты куришь?

Эллен пожала плечами.

– Ну ладно. Что возьмешь? – Анетта, казалось, поняла намек. – Ты сегодня рано. И в тренировочном костюме. В такую погоду?

– Маленький кофе без молока. – Эллен попыталась прекратить пустую болтовню.

– Что-нибудь еще? – спросила Анетта, одновременно повернувшись и вставив чашку в автомат.

– Нет, спасибо.

Эллен оглядела киоск. Пробежалась глазами по газетным заголовкам.

Взяла одну газету и пролистала до раздела «Убийства». Похоже, информацией о причине смерти они не располагали.

– Какой ужас. – Анетта поставила кофе на разделяющий их прилавок.

Эллен проигнорировала комментарий и протянула деньги.

– Ой, какой красивый браслет. – Анетта взяла Эллен за руку.

– Спасибо, – ответила Эллен, пытаясь вырвать руку.

Но Анетта не отпускала ее, поднеся браслет к глазам.

– Сколько стоит? – спросила она.

– Не знаю, это подарок, – ответила Эллен и отняла руку.

Эллен в несколько глотков прикончила кофе и, как всегда, обожгла язык. Выругалась и выкинула чашку в урну рядом с киоском.

Она посмотрела на часы. Скоро они встретятся с Андреасом в здании полиции, чтобы взять интервью у полицейских, причастных к расследованию, если выразаться красиво.

Она надела наушники, включила музыку на максимальную громкость и побежала по улице Свеавеген в сторону площади Сергельс торг. Дождь бил в лицо; в голове она прокручивала вчерашний день. Пыталась отсортировать информацию. Вспомнила статью о трехлетней девочке. *Любовь и вина.*

Когда добежала до Королевского сада, запищал телефон. Эллен остановилась, слегка запыхавшись.

Электронное письмо от Уве. «Быстро», – подумала она. Каждый раз он посылал письма с разных адресов, чтобы никто не смог отследить его сообщения. В строке «тема» он всегда указывал какое-нибудь блюдо, чтобы она знала, что это от него. Сегодня адрес был raella@gmail.com. Наверняка ничего вкусного.

Эллен стояла в Королевском саду под цветущими вишнями. Несмотря на облачность и сырость, в саду было до того красиво, что глаз не оторвать. Повсюду розовые цветы. Наверное, именно так выглядят небеса, куда попадают после смерти.

Она старалась не думать о том, как проходило вскрытие. Как снимали кожу с маленького тела Люкке, чтобы проверить, нет ли там покраснений, которые не видны на поверхности. Вынимали органы и взвешивали их, словно развесной товар. Отправляли их на анализ. Разбирали на куски ее маленькое тело.

Уве обобщил ту информацию, которую счел интересной:

Способ убийства – удушение, возможно, куском ткани или подушкой или чем-то подобным. На руках, ладонях, ногтях и лице нет повреждений в результате борьбы. В обоих ушах найдены кусочки ластика.

Причина смерти – интоксикация с последующим удушением. Снотворное.

Смерть наступила между 18.00 и 24.00 в пятницу. Возможно, ее принесли на место обнаружения. Ни во внутренних органах, ни на теле не найдено следов человеческой секреции.

Вот и все.

Значит, Люкке не подверглась ни насилию, ни сексуальному домогательству. Ей дали снотворное. Вероятно, чтобы ее было легче задушить. По крайней мере, Эллен так истолковала эту информацию. Но с Уве никогда не угадаешь. Он мог многое скрыть. Врать он не может, поскольку знает, что тогда их сотрудничеству придет конец. Но он мог представить информацию в выгодном для полиции и следствии свете.

Но во всяком случае, было от чего отталкиваться.

Эллен. 11.00

Собрание начнется через час, так что у нее есть немного времени.

Она села на свое место, открыла пустой документ «Word» и достала свои записи, которые сделала накануне вечером. У нее накопилось так много материала, что, как только она стала печатать, ее словно прорвало. В результате получилось целых десять страниц.

Стоило ей закончить, как ее коллега, уроженец севера Швеции по прозвищу Интернет, вкатил в комнату тележку с обеденными подносами.

– Сегодня в меню пангасиус с картофельным салатом, – сказал он, широко улыбнувшись. Запах рыбы медленно распространялся по комнате, напоминая ей школьную еду.

К ним присоединились остальные. Все взяли подносы и сели вокруг удлиненного красного лакированного стола. Включая Лейфа.

– Ты тоже пойдешь на собрание? – спросила Эллен.

– Да, Джимми считает, что я должен там быть. Он попросил меня немного присмотреть за вами. – Он ухмыльнулся.

Джимми собрался передать дело Лейфу или что-то другое? Эллен отставила свой поднос. Есть совершенно не хотелось.

Детеканна сидела молча и смотрела на то, как едят ее коллеги. На шее на шнурке висели неоновые-зеленые очки. Вид у нее был собранный. Перед ней лежала толстая пачка бумаги.

Джимми тоже сидел с серьезным видом. «Интересно, что происходит у него в голове», – подумала Эллен.

– Фантастический день, фантастическая редакция, фантастические сюжеты. Но тяжело. Страшно тяжело. Как невозможное сделать возможным? – Он обвел глазами стол. – Кто-нибудь знает?

Никто не ответил.

– Никто? Ну, давайте, что же вы за команда? Надо отбросить «не», и станет все возможным. Вы что, раньше этого не слышали? Вы ведь работаете здесь гораздо дольше меня. Это же классический вопрос из «Форт Боярд». – Он сделал паузу. – Прежде чем мы обсудим убийство Люкке, я хочу поговорить с вами вот о чем. Комментарии на «Фейсбуке» и в других соцсетях, где мы представлены, а также на нашем собственном сайте становятся все грубее и грубее. Это угрозы, и мы должны отнестись к ним серьезно. – Джимми вперился взглядом в Эллен, чтобы придать вес своим словам. – Наиболее уязвимы, конечно, ведущие программ, а также

репортеры и те, кто периодически появляется на экране. Особенно Эллен. Я хочу, чтобы вы знали: мы заявили в полицию и пытаемся противостоять этим нападениям.

– О каких угрозах ты говоришь? – спросила Детеканна, которая едва знала, что такое «Фейсбук». Говоря ее словами, она там никогда не была.

Не успел Джимми открыть рот, как ответил парень по прозвищу Интернет:

– Угрозы изнасилованием, убийством. Некоторые выложили адрес Эллен и...

Джимми прервал его.

– Спасибо, достаточно, не надо углубляться в детали. Давайте сменим тему. Убийство Люкке. Эллен, что происходит?

Убийство Люкке. Ей не понравилось, как он выразился. Так жестко и технично.

Эллен встала, так ей было легче говорить.

– Мы с Андреасом только что вернулись из полиции. Мы сделали сюжет для вечерних трансляций. Андреас смонтирует все после обеда.

Она вкратце рассказала о причине смерти Люкке и о месте, где нашли девочку.

– Хорошо, – сказал Джимми, ковыряясь вилкой в еде. – В этом соусе есть морепродукты?

Интернет кивнул:

– Думаю, да. А у тебя, что, аллергия?

Джимми отодвинул поднос.

– Нет, но я не ем морепродукты. Что еще?

– Полиция сосредоточилась на месте обнаружения тела и считает его отправной точкой. Они обходят окрестные дома и спрашивают всех, кто находился поблизости, не заметил ли кто-нибудь нечто необычное. Они проводят все новые и новые беседы с родителями для получения дополнительной информации. Полиция, похоже, блуждает в потемках. Место преступления, по сути, ничего не дает. Нет никаких следов, которые могут куда-то вывести. Никаких свидетелей. Допрашиваются также родственники и другие люди, имевшие отношение к Люкке. На это нужно время. Полиция ищет мужчину с сексуальными отклонениями, который случайно оказался в том же месте, что и Люкке. То есть, они по-прежнему думают, что преступление носит сексуальный характер, хотя нет никаких признаков того, что Люкке подвергли сексуальному насилию. Не понимаю их логики. Они словно зациклились на этой версии.

– Что ты хочешь сказать? – спросил Джимми.

– Не знаю, но как-то странно. – Прежде чем продолжить, Эллен сделала глубокий вдох. – Думаю, они идут по ложному следу. Думаю, что это женщина.

– Женщина? Разве ты можешь думать иначе? Еще один маленький хобби-проект. – Лейф поднял глаза к потолку.

– Да, женщина, – настойчиво сказала Эллен, проигнорировав колкость.

Она рассказала об американском случае, когда нашли убитую девочку, завернутую в одеяло. Оказалось, что мама убила свою дочь. Она также рассказала о случае, когда мама оставила после себя варезку, и провела параллель с рюкзаком Люкке.

– Представьте, какие будут заголовки, если это окажется женщина, – заметил Джимми.

– Но ведь женщины-убийцы встречаются крайне редко. Разве нет?

– Каждый десятый убийца – женщина. Начиная с тысяча девятьсот девяностого года, в Швеции каждый год родители убивают примерно семь детей, причем в половине случаев убийцы – матери. Женщины убивают чужих детей настолько редко, что почти нет статистики, а имеющиеся случаи мы хорошо помним. Слишком хорошо. Немка из Арбоги, например^[15]. В нашем случае это может быть кто-то из членов семьи.

– Ты намекаешь на мать? – спросила Детеканна.

– Я просмотрела протоколы допросов по делу об опекунстве и нашла немало признаков того, что с мамой не все в порядке.

– Да, я тоже просмотрела эти документы. Да и папа, похоже, не совсем в норме, раз уж мы об этом заговорили, – заметила Детеканна.

– Совершенно верно. Но я все равно считаю, что многое указывает на то, что это женщина. Например, женщина часто подвергает свою жертву чрезмерному насилию, например, нанося ей множество ножевых ранений или ударов. В случае с Люкке ей дали чересчур большую дозу снотворного, что также можно считать чрезмерным насилием.

– Да, или незнанием, – добавила Детеканна.

– Но непонятно, по каким мотивам? – спросил Интернет.

– Я читала про другой случай, – продолжила Эллен. – Ребенка убил его собственный отец после сильного давления со стороны его девушки, по мнению которой ребенок мешал их отношениям. До этого девушка заставила отца сдать анализ ДНК, точно так же, как мачеха Люкке заставляла сделать Харальда, согласно решению суда о разводе.

– Итак, мачеха. Час от часу не легче.

– Да, может быть, но мама Люкке страдала послеродовой депрессией, своего рода психическим расстройством, что часто встречается среди

женщин-преступниц.

– Ну, ладно, прекращай. Кто может ее остановить? – спросил Лейф.

– Все равно не понимаю, почему кто-то из членов семьи хотел убить Люкке? – подала голос Детеканна.

– Может быть, Люкке им мешала. Зависть.

Лейф покачал головой.

– Я этому не верю. Думаю, ты глубоко заблуждаешься. Давайте придерживаться версии полиции.

– Подожди, Лейф, – вмешался Джимми. – Конечно, мы будем придерживаться версии полиции, пока не узнаем ничего нового. Но, Эллен, я все равно хочу, чтобы ты это проверила. Возможно, в этом что-то есть.

– Что может заставить женщину убить? – спросила Детеканна.

– Зависть, ненависть и эгоизм. Это самые очевидные причины. А вы знаете, что самая сильная зависть обычно возникает между матерью и дочерью?

Теперь Детеканна покачала головой. То, что она услышала, ей не понравилось. Или она не поверила словам Эллен, или подумала о своей собственной дочери.

– Ну хорошо. Но почему тогда полиция не идет по этому следу? А если ты ошибаешься? – опять взял слово Лейф.

– Потому что это очень необычно. Статистика говорит о другом. Полиция думает, что убийца – мужчина, потому что чаще всего так и бывает. Они не могут мыслить нестандартно, но нам это давно известно. Они только ищут доказательства, которые подтверждают их собственные теории, и все время думают о педофилии. Полиция видит не то, что есть, а то, что хочет видеть.

– Хорошо сказано. На этом пока все. На чем сегодня вечером делаем акцент?

Детеканна рассказала, что собрала материалы региональных отделений о том, как по всей стране в память о Люкке зажигают свечи.

Джимми кивнул, но вид у него был не особенно довольный.

– Опять «Спокойной ночи, малыши». Ну ладно, давайте так. Надеюсь, у нас прибавится информации. Что пишут на «Флэшбэке»?

– Ничего что стоило бы нашего внимания.

– Анна, ты получила ответ по камере контроля скорости? – спросила Эллен.

Детеканна покачала головой.

– Пока нет, но мне удалось выяснить, откуда взялось одеяло.

Эллен. 12.30

После собрания Эллен прошла в одну из аппаратных.

Найденное флисовое одеяло продавалось во всех магазинах сети «Айса» по акции «Купи два по цене одного, всего за 99 крон». То есть, любой житель этой вытянутой с севера на юг страны мог купить такое одеяло. Или два.

Она написала *груминг*^[16] на бумажке. Полиция ведь конфисковала компьютер Люкке. Может быть, они что-то нашли?

Потом взяла телефон и позвонила Уве.

– Я не понимаю, почему вы считаете, что речь идет об убийстве на почве секса? Ведь вскрытие не показало признаков сексуального принуждения.

– Эти признаки трудно выявить. Мне, наверное, не надо объяснять тебе, что существуют презервативы. Если таковой применялся, что вероятно в данном случае, тогда сексуальное принуждение не оставляет следов.

Эллен попыталась вытеснить картины, которые всплыли у нее в голове.

– Это же не логично? Значит, вы считаете, что это педофил? Зачем ему тогда было убивать ее, а затем закутывать?

– Да, на это указывает наше профилирование. А что касается ответа на твой второй вопрос, он ведь не знал, что с ней сделает. Большинство педофилов не считают, что совершают преступление. Они думают, что дети тоже получают удовольствие.

– Получается, сначала он ее удовлетворяет, а потом убивает?

– Все может пойти не по плану. И тому бывает тысяча причин. Полиция должна опираться на имеющиеся факты. Мы не считаем и домысливаем. Мы полагаемся на факты, которые должны привести нас туда, куда нужно.

– Что это тогда за факты?

– Например, те, о которых мы только что говорили.

– Как она попала к водонапорной башне?

– Что ты имеешь в виду?

– Ее туда принесли или притащили по траве?

– Ее притащили.

– Если бы это был сильный человек, он бы понес ее?

– Наверное...

Как они могут так узко мыслить? Они словно застряли в колее и не могут оттуда выбраться. Возможно, и с ней то же самое? Возможно, она тоже заиклилась на том, что убийца женщина, и закрывает глаза на то, что не подтверждает ее теорию?

– А это не может быть женщина? – Эллиен все равно сделала попытку.

– Женщина? Практически исключено.

– На основе лишь одной статистики?

– Да, в частности. Нет ни одного признака того, что данное преступление совершила женщина.

– Где были мама и мачеха на момент исчезновения Люкке?

– Есть люди, которые могут подтвердить алиби обеих.

– Вы видели, что развод и спор об опекунов были с налетом грязи?

– Да, конечно, мы это проверили.

– А что ты скажешь по поводу того, что мама с очень большой долей вероятности знала, что теннис отменили? Во всяком случае, она получила письмо от тренера.

– Ты ведь не считаешь, что полиция не делает свою работу? Мы ничего не списываем со счетов и допрашиваем всех, но теперь есть сведения, которые указывают, что подозрения направлены совсем в другую сторону.

– Что?

– К сожалению, я не могу углубляться в это здесь и сейчас. Мне надо доделать одно дело.

– Но подожди, вы что-нибудь нашли в компьютере Люкке?

Он положил трубку.

Эллиен снова набрала его номер.

– Привет...

– Уве... – начала было она, но поняла, что это бесполезно.

– ...вы позвонили Уве Свенссону, я не могу...

– Козел! – закричала она в трубку.

Она заглянула на кухню, взяла кофе и опять вернулась в аппаратную.

Затем зашла на сайт «ТВ4-плей» и нашла сюжет с мамой Люкке. Просмотрела его с начала до конца, а потом еще раз. Делала паузы и увеличивала кадры. Просматривала кадр за кадром в медленном темпе.

Она так и думала. Ни одна слезинка не стекла по щекам Хелены. Она вытирала щеки, *будто* плакала. Эллиен вспомнила, что ей рассказывал Филип: Хелена просила загримировать ее так, чтобы у нее был печальный вид.

Размышления Эллен прервал телефонный звонок.

– Эллен, извини, что не позвонила раньше, – раздался голос Клары из отдела программ. – Совсем закрутилась. Как дела? Какая ужасная история с этой маленькой девочкой. Мне очень жаль, но ни один экстрасенс из программы *Неведомое* не вызвался помочь. А теперь слишком поздно. Мне стыдно, что я не сумела позвонить раньше. Полиции такая помощь не нужна; они считают это чушью, которая только мешает их работе, так что нашим экстрасенсам все это просто-напросто надоело.

Эллен вздохнула. Точнее, чем Клара, не скажешь: все равно поздно.

– Они что-то сказали о Люкке? Может быть, они все равно видят больше, чем мы с полицией?

– К сожалению, нет. Я хотела бы что-то сделать, но...

– Спасибо, Клара. Приятно, что ты постаралась помочь. Созвонимся.

– Да, кстати, – вспомнила Клара, – Мингус, один из наших экстрасенсов, сказал одну вещь, но не знаю, может быть, никакой ценности это не представляет.

– Давай, говори, – попросила Эллен.

– С девочкой что-то было, сказал он. Что-то темное. Он сказал, что всё не так, как думают, и что за ее смерть многие несут ответственность, но кто-то один в конечном итоге нажал на кнопку. Больше он не хотел говорить, сколько бы я ни пыталась. Как я уже сказала, это, наверное, ничего не даст. Не знаю.

Эллен снова поблагодарила Клару и закончила разговор. Она задумалась над словами Клары, как тут постучали в дверь. Это был Интернет.

– Извини, если помешал. Мы упустили одну вещь. Но приходило так много информации, что мы едва успевали, сама понимаешь.

– Ты о чем? – Эллен раздражалось, что он так медленно говорит.

– С нами связалась женщина – она видела эксгибициониста в парке Лилль-Янсскуген в тот день, когда исчезла Люкке. Молодой человек, на вид ему лет двадцать. Очевидно, она сообщила это и полиции, так что они наверняка провели проверку, но вот прочти еще. – Он протянул ей лист бумаги.

«Так вот почему полиция настаивала на педофильском следе», – подумала она.

– Спасибо, – сказала Эллен и взяла распечатанный мейл. Ей было непонятно, почему Интернет просто не переслал ей мейл.

Она закрыла дверь и стала читать. Мейл был послан в воскресенье.

Женщина, отправившая мейл, ехала на велосипеде по парку Лилль-

Янсскуген неподалеку от Королевского теннисного корта. Была вторая половина дня. Она ехала в частную больницу Софиахеммет по улице Вальхаллавеген, когда увидела парня. Высокий мужчина в темном плаще. Это было в день исчезновения Люкке.

Почему Уве не рассказал ей об этом?

В телефоне буркнуло – пришло сообщение от Филипа.

Думаю, ты на правильном пути. Говорят, что девочка крадет материнскую красоту. Вот тебе и мотив, хо-хо.

Она слегка улыбнулась – чего только в жизни не бывает.

Под грумингом она написала *зависть*. Опять. Это слово проходило сквозь самую Эллен красной нитью. Она должна исходить из того, чем располагает, несмотря на все комментарии Уве. Доверять своей интуиции.

Мама Люкке.

Звонить бесполезно. Эллен много раз пыталась звонить и посылала электронные письма, но, разумеется, на них Хелена тоже не отвечала.

Похоже, ни один журналист не сумел с ней связаться. У Хелены не взяли ни одного интервью. Кому-то из фотографов удалось застать ее, когда она выносила мусор, и, похоже, среди мусора были игрушки Люкке. Домыслы носили дикий характер. Эллен уже начинала ее жалеть.

В дверь опять постучали.

Это была Детеканна.

– Я получила ответ по поводу камеры контроля скорости, – сказала она, белая как мел.

Четверг, 29 мая

Эллен внимательно следила за входом в гостиницу «Руби». «Скоро он должен выйти», – подумала она. Сотрудники гостиницы отрицали, что Харальд на своем рабочем месте, но она знала, что они лгут. Его белый «Рэнджровер Спорт» был припаркован на правильной стороне улицы всего лишь через несколько машин от нее.

Пять минут назад она позвонила на рецепшен и предупредила о контролерах на стоянке. А вдруг это заставит его выйти!

И вот он появился! Трюк сработал. Хотя она сидела на некотором расстоянии от него, она заметила, что вид у него измученный. Спина согнута, а щетина превратилась в короткую неровную бороду.

Эллен несколько раз глубоко вдохнула и вышла из машины.

– Харальд!

Он растерянно огляделся – они встретились взглядами, но он быстро отвел глаза и направился к своей машине.

– Подожди! – закричала Эллен и перебежала улицу. – У тебя есть секунда?

Харальд повернулся к ней:

– Что ты здесь делаешь? Я спешу. – Он открыл дверь машины.

Эллен зацепилась взглядом за два детских сиденья. Одно, большое, повернутое назад, наверное, предназначалось для брата Люкке, а подушка попроче – возможно, для нее.

– Я не успел его убрать, – стал оправдываться Харальд, словно прочел ее мысли. – Что тебе надо?

Из-за темных кругов под глазами и бороды он был не похож сам на себя.

– Ты же знаешь, я готов помочь, но сейчас я немного тороплюсь. Мы должны встретиться со священником, завтра будет поминальная служба...

– Мне действительно жаль... – проговорила Эллен.

Он посмотрел на нее и сглотнул.

– Не надо. Ты сделала все, что могла. – Он запрыгнул в машину.

Но Эллен не дала ему закрыть дверь.

– Я знаю, что тебя не было на работе, когда исчезла Люкке.

Харальд сделал вид, что не слышит, и повернул ключ зажигания с такой силой, что загудел дизельный двигатель. Этот звук был ей знаком с детства, по машине ее родителей.

- Я же сказал, что должен ехать. – Он опять попытался закрыть дверь.
- Ты попал на пленку, камера контроля скорости на Юргордене.

Помнишь?

Прошло несколько секунд, прежде чем он выключил двигатель и устался на Эллен.

Она сделала глубокий вдох и продолжила:

– В прошлую пятницу, когда исчезла Люкке. Что ты делал на Юргордене? В том месте, где ее нашли?

Харальд продолжал буравить ее глазами. Взгляд у него был тяжелый. Эллен вспомнила картину дома у Харальда и Хлои.

Внезапно он ударил по рулю.

– Какого черта! Оставь меня в покое! Дай мне пережить мое горе! Что тебе на самом деле надо?

– Я хочу узнать, что случилось с Люкке.

– Что ты пытаешься сказать? Ты думаешь, что я ее убил? Я же, черт возьми, ее отец! Ни минуты покоя! Все только кричат и дергают меня, а полицейские кружат надо мной, как ястребы... – Он поднял глаза. – Извини. Не знаю, так много всего навалилось. Садись, я тебе кое-что покажу.

Эллен оглянулась в нерешительности, не зная, как ей быть в такой ситуации.

– Ты что, боишься меня? – спросил Харальд. – Послушай, я могу все объяснить, но сначала я должен тебе кое-что показать.

– А просто рассказать ты не можешь? – Она совсем не хотела садиться в его машину. Кто знает, что он за человек?

– Если я расскажу, ты мне никогда не поверишь. – Он показал на свою машину. – Давай садись.

– Я не совсем удачно поставила машину. – Эллен кивнула в сторону своего автомобиля. – Но я могу ехать за тобой, – сказала она, радуясь, что не припарковалась лучше.

Эллен выехала за Харальдом на улицу Биргер Ярлсгатан за гостиницей и поехала дальше, в сторону Страндвеген и Юргордена.

По сведениям Детеканны, фотографии, сделанные камерой контроля скорости, автоматически отсылаются прямо в полицию. Почему же тогда Уве не сказал, что папа Люкке попал в объектив? Они же это выяснили? Разве нет? А что, если полиция не проверила как следует? А вдруг отделы не взаимодействуют друг с другом? Она почувствовала, что начинает раздражаться. Почему люди не могут выполнять свою работу как должно?

Они проехали мимо Скансена и парка аттракционов Грёна Лунд и

поехали дальше к музею Вальдемарсудде. Куда они едут? На место преступления? Может, ей повернуть обратно?

Внезапно он сбросил скорость и въехал на узкую не заасфальтированную дорогу, которую Эллен раньше не видела. Потом по маленькой ухабистой колее подъехал к большому темно-коричневому деревянному дому с зубцами и башенками. Настоящее воронье гнездо.

Харальд припарковался у пристройки, похожей на двойной гараж. Должно быть, это сооружение появилось через много лет после строительства дома, поскольку никак не вписывалось в ансамбль. «А можно ли вообще делать пристройки на острове», – подумала Эллен, – ведь в основном все здесь с пометкой К^[17]».

Харальд вышел из машины и показал, где ей припарковаться.

– Здесь живет мой приятель Адам, – сказал он, захлопнув дверь машины.

Эллен кивнула и осмотрелась. Попыталась отбросить мысль о том, что поблизости нет ни одного соседа.

– Пойдем, я тебе кое-что покажу. – Харальд пошел к воротам гаража. В больших воротах была обычная дверь. Дверь была открыта. Никаких ключей не потребовалось.

Эллен заколебалась.

– Входи. – Он распахнул дверь.

Эллен сжала телефон в руке, готовая кому-нибудь позвонить, если что-то случится.

Она переступила порог и почувствовала, что он дышит ей в затылок.

Дверь за ними захлопнулась, и стало темно, хоть глаз выколи.

– Подожди, сейчас зажгу свет. Здесь где-то должен быть выключатель.

Эллен услышала, как он ищет на стене. Он задел ее руку, и она вздрогнула.

Бум.

Зажглись лампы дневного света.

В гараже не было ни одной машины, зато стены от пола до потолка были завешаны инструментами. На потолочной балке висели старый верхний багажник для автомобиля и доска для серфинга. В одном из углов стоял большой сейф, а рядом – оранжевый морозильник с верхней загрузкой. Ни единого окна. Только одна дверь в самом конце помещения.

Решительными шагами Харальд прошел вперед.

Эллен осталась стоять у двери, не зная, надо ли ей идти дальше.

Харальд остановился у морозильника и повернулся к ней.

– Иди сюда. – Он поманил ее рукой.

– Что это? – спросила она. – У меня на такое нет времени. Не понимаю...

– Иди, – повторил он. – Это быстро.

Она сделала, как он велел, и медленно пошла к нему. Она слышала, как у нее бьется сердце, и почувствовала, как закололо в ладонях.

– Что ты делаешь? – спросил Харальд.

Она остановилась.

– А что?

– Ты щелкаешь пальцами.

Эллен сразу же перестала.

Она вспомнила, как на пресс-конференции Харальд просил всех о помощи. Вспомнила, как он обратился к ней по поводу вознаграждения, и рассказал о том, что у него дома нет фотографий Люкке. А теперь она стоит здесь и должна на что-то посмотреть в морозильнике.

Харальд поднял крышку и наклонился. Похоже, он что-то искал. В морозильнике что-то хрустнуло.

– Черт возьми, – пробормотал он. – Он до сих пор ее не разделал?

Он захлопнул крышку.

– Подожди, это должно быть здесь. Иди сюда, – опять сказал он и пошел к двери.

– Нет, теперь ты должен рассказать, что происходит, – сказала она более жестко, чем хотела.

Харальд проигнорировал ее и открыл дверь.

Эллен продолжала стоять на месте. В нос ударил резкий запах.

– Так не должно пахнуть. Неужели протухло?

– Извини, – сказала Эллен. – Ты о чем?

– Косуля слишком долго висела в тепле.

– Косуля? Что ты несешь?

Харальд вышел из комнаты и прислонился к дверному косяку.

– В прошлую пятницу Адам, мой приятель, сбил косулю. Он позвонил мне и попросил приехать, чтобы умертвить косулю и разделать ее. Знаю, – он поднял обе руки, как бы защищаясь, – это незаконно, но что сделано, то сделано, и я не хочу говорить об этом полиции. – Он провел ладонью по своей новой бороде. – Вот и все объяснение. Теперь ты понимаешь, почему я был вынужден показать тебе? Иначе ты бы мне никогда не поверила.

Он не дал Эллен и слова сказать.

– По дороге сюда меня зафиксировала камера. Но я не думал, что она включена, потому что меня никто не искал. Ты же знаешь, некоторые камеры только мигают, а на самом деле не фотографируют. И поэтому я подумал, что мне не надо никому об этом рассказывать. Как только позвонила Хелена и сказала, что Люкке исчезла, я поехал домой и переоделся – моя одежда вся была в крови косули. Потом я поехал на корт. Остальное тебе известно. – Голос у него задрожал, а пристальный взгляд вдруг стал мутным от слез. – Я был здесь. Понимаешь? Я был здесь, когда убивали Люкке. Всего лишь в нескольких сотнях метров от моей дочери. Как мне теперь с этим жить? Все ради приятеля, попавшего в передрагу, и куска хорошего мяса.

Эллен сделала несколько шагов вперед и заглянула в комнату.

На потолке висела мертвая косуля.

Она не успела ничего сказать, поскольку запищал телефон.

*Через 10 минут важное экстренное собрание в зале Голые факты.
Всем быть. / Джимми*

Эллен. 10.15

Когда Эллен вошла в конференц-зал *Голые факты*, все стулья, кроме одного, были заняты. Собралась вся редакция новостей.

Коллеги молча уставились на нее, когда она села на свободный стул. Состояние у собравшихся было довольно подавленное.

– Что случилось? – поинтересовалась Эллен.

– Где ты была? – спросил Лейф обвиняющим тоном.

– Я проверяла след, ведущий к папе Люкке. Оказалось, что его зафиксировала камера контроля скорости и...

– Достаточно. Если бы ты добросовестно выполняла свою работу, мы бы не остались с носом, – продолжил он.

– Что? – Эллен ничего не понимала.

Лейф не замедлил с ответом:

– Убийца Люкке. Полиция заочно задержала мужчину. – Он откинулся на стуле и сложил руки на груди. – А мы ничего об этом не знали.

– Что? Что ты говоришь? – Эллен обвела всех глазами, чтобы убедиться в правоте его слов.

Детеканна кивнула.

– Сетевая версия «Афтонбладет» уже поместила эту новость в своей ленте. А также «Экспрессен» и все остальные.

Джимми поспешно поднялся.

– Как могло получиться, что мы этого не знаем? Как могло получиться, что мы ни сном, ни духом? – Он швырнул ручку на стол, и она треснула пополам. – У нас целая команда занимается убийством Люкке, а мы ничего не знаем! НИЧЕГО! Мы не имеем права узнавать обо всем последними!

– Не понимаю, я ведь общалась со своим источником совсем недавно...

– Вот об этом я и твердил тебе все время: может быть, ты не в состоянии истолковывать свой источник должным образом! – Лейф оглядел присутствующих, чтобы заручиться их поддержкой.

– А кого задержали? – спросила она, пытаясь игнорировать взгляды коллег.

– Ты что, понятия не имеешь? – спросил Лейф, засмеявшись.

– Заткнись, до чего же я устала от тебя и твоих...

Ее прервал Джимми.

– Петтер Нильссон. Тренер Люкке по теннису.

– Что? Это правда? – вскрикнула Эллен. Она была в смятении. Почему Уве ничего не сказал? Почему ей это было неизвестно? Что случилось?

– Мы должны собрать всю информацию и прямо сейчас! Хотя мы узнали эту новость последними, мы должны быть лучше всех. Так, все сейчас помогаем друг другу. Встречаемся здесь же через час. В Сети перепечатывают статью из «Афтонбладет». Нам нужна цитата...

– Извини... – Эллен встала. Тут что-то не так. *Ей надо связаться с Уве.*

Когда она выходила из комнаты, коллеги испепеляющим взглядом смотрели ей в спину.

Эллен. 11.30

Она снизила скорость, только когда въехала в район вилл на улице Сульенгсвеген в Соллентуне.

Будь он проклят, этот Уве. Почему он не сказал ей, что задержали тренера по теннису?

На телефон Уве не отвечал. В конце концов, она дозвонилась до его коллеги, который сказал, что тот сегодня работает из дому.

Он сидел на застекленной веранде и курил трубку. Увидев, что она приближается к автомобильным воротам, он поспешно встал, всем своим видом давая понять, что ей здесь не рады.

Эллен вышла из машины и прошла прямо к прокуренной веранде.

– Что ты делаешь? – рявкнул он. – Я же запретил тебе приезжать сюда, особенно в этой машине. Что подумают соседи? Ведь они могут решить, что между нами что-то есть.

– А что мне оставалось? К телефону ты не подходишь. И если бы ты выполнял свою часть нашего соглашения, мне незачем было бы сюда приезжать. – Она закашлялась от дыма.

Уве обреченно опустил на пластмассовый стул.

– Свои обязательства по соглашению я выполняю. – Он отвел глаза. – Но если ты хочешь, чтобы я был доступен круглые сутки, надо пересмотреть расценки.

– Что? – Эллен опять закашлялась, но на этот раз не от дыма. Алчность ударила ему в голову. – У тебя самые лучшие условия, и ты это знаешь. Это вымогательство зашло слишком далеко.

– Да, тут ты права. С обеих сторон. Вопрос только в том, что ты с этим будешь делать? Как говорится, мы сидим в одной лодке.

– Может быть, тебе не нравится гриль? – Эллен со значением посмотрела на новехонький гриль «Вебер», стоящий на веранде. – Телевизор в семьдесят дюймов? Денег, которые я передала твоей жене на этой неделе, хватит на весь этот дом!

Дверь на веранду открылась.

– Какими судьбами! Два раза за один и тот же день, должно быть, это мой *lucky day*^[18]. – С этими словами жена Уве Анетта вышла на веранду – за ней тянулся шлейф сильного запаха ванили. Эллен вспомнила духи «Лу-Лу», которые были популярны в ее школьные годы. – Ты ведь заглянешь сегодня в киоск в мою смену? Надеюсь и жду. – Она легонько ущипнула

Эллен за щеку.

Эллен кивнула, стараясь дышать ртом. Сочетание запаха ванили с дымом было невыносимым.

Одета Анетта была вызывающе – блузка с глубоким вырезом, заправленная в красные брюки на несколько размеров меньше. Эллен привыкла видеть ее в голубой футболке.

– Что будете брать? Говорю, как с покупателями. – Она засмеялась и покосилась на своего мужа, которого ситуация не так забавляла.

– Эллен ничего не будет брать, – ответил Уве. – Она как раз собиралась уходить.

С лица Анетты быстро сошла улыбка.

– Если можно, чашечку кофе. – Эллен присела к столу на пластмассовый стул. – Но платить я не собираюсь. Последнее время я явно слишком много переплатила в киоске. Отмыла деньги, как говорится. – Она уставилась на Уве, который смотрел в сторону.

– Как приятно, что ты остаешься. – Анетта, похоже, не почувствовала напряженной обстановки на веранде, или у нее хватило ума проигнорировать ее. – Уже поставила воду. Сейчас приду. Ту-би-ду.

Эллен наклонилась к Уве.

– Что происходит? Объясни, будь любезен! Как так получилось, что я не знаю, что у вас есть задержанный? Что...

– Спокойно, спокойно, – сказал он медленно, подняв обе руки, чтобы ее утихомирить. – Ты несправедлива ко мне. Я долгое время давал тебе очень много информации. Не забывай об этом.

В его голосе появились какие-то новые нотки.

– Прекрати эту болтовню, – еще больше распалялась Эллен. – Что происходит? Почему «Афтонбладет» узнаёт о том, что вы кого-то задержали, раньше меня? А теперь я хочу знать все! И как получилось, что ты не рассказал ни о папе Люкке, ни о камере контроля скорости, ни о наводке на эксгибициониста в парке Лилль-Янсскуген?!

– Давай по порядку. Я не могу рассказывать тебе *все*. С задержанием тренера по теннису все непросто, – сказал Уве. – К сожалению. И дело не в том, сколько ты платишь Анетте за кофе.

– Черт побери, к чему ты клонишь? Я подам на тебя заявку в *Luxfällan*^[19]! – Эллен встала так поспешно, что опрокинула пластмассовый стул.

– Ты не слышишь, что я говорю. Сядь! – Он беспокойно огляделся. – Дело не в этом. Я не могу тебе рассказать *все*. Несмотря на наш договор, – повторил он, как заезженная пластинка.

– Вот как? Это почему?!

– Слушай меня внимательно. – Уве поднял палец, чтобы утихомирить ее. – Ты этого не знаешь. Хорошо? – Он говорил тихо и еще раз огляделся, прежде чем продолжить. – С тобой свяжется полиция, это вопрос времени.

– Что?! – спросила Эллен.

Очевидно, опять слишком громко. Уве занервничал и зашикал на нее.

– Эллен, послушай меня внимательно. Ты проходишь по делу.

– Что значит прохожу по делу? Что ты несешь? Понятно, что прохожу, я ведь с этим работаю...

– Все гораздо сложнее. Тебе угрожает преступник, и теперь ты – часть следствия.

Эллен. 11.30

– Что?! – Джимми так захлопнул за ней дверь, что задрожали стеклянные вставки, за которыми располагалась спортивная редакция. – Стоп-стоп, начни сначала. Ты – часть следствия? Тебе угрожают? Кто же? – Он задернул красные шторы, чтобы отгородиться от коллег.

– Преступник. Тот, кого задержали заочно. Тренер Люкке по теннису.

– Не понимаю, почему он тебе угрожает и что это за угроза?

Судя по голосу, Джимми был искренне обеспокоен, и ее это немного напугало.

– Он угрожал мне в Сети. Писал по-настоящему неприятные вещи, но я не знаю, что именно. Он использовал различные имена, и поэтому невозможно точно установить, что есть что.

– Но как об этом узнала полиция?

– Они изъяли его компьютер, куда он скачал массу фотографий девочек разного возраста. В частности, меня и Люкке. Этот идиот также посылал сообщения со своей личной странички в «Фейсбуке», отследить это было нетрудно. Он сообщил мне время и число, когда он меня изнасилует. Сумасшедший дом! – Эллен почувствовала привкус железа во рту.

Джимми медленно моргал.

– Что? Когда?

– Не знаю, они не хотят говорить. Сюда едет полиция, чтобы задать массу вопросов. Я ничего не знаю. Я виделась с ним только один раз...

Она совсем обессилела и присела на стул, стоящий у овального стола для совещаний.

– Они даже нашли мою сумку у него дома. Это он ограбил меня и болтался у моего подъезда.

– Тебе дадут охрану?

– Охрану? Кто даст? Полиция? Не знаю. Но откуда он мог знать Эльзу? – У нее зашумело в ушах.

– Дай мне подумать. – Джимми сел рядом с ней и закрыл голову руками. – Нет, в голове туман. – Он опять встал. – Сейчас знаю только одно: ты больше не можешь работать с этим делом.

– Что? – Эллен тоже встала. – Скажи, что ты шутишь! Что мне делать?

– Разве ты сама не понимаешь?

– И этот козел получит именно то, чего добивается, а я больше не буду

этим заниматься. Нельзя допускать, чтобы нами манипулировали.

– Нет, но человек, проходящий по делу, не может одновременно освещать его. Так не пойдет. – Джимми повел глазами. Похоже, он не знал, как поступить. Из-за его беспокойства она почувствовала себя еще более незащищенной.

– Дело возьмет Лейф. Поезжай домой, Эллен. Поезжай домой и запри дверь.

Эллен. 23.00

Эллен сидела у себя дома на диване и пристально смотрела в стену. На придиванном столике стояла пустая бутылка вина и полная окурков пепельница. Обычно Эллен не курила так много, но сегодня был особый день.

Вино ее не успокоило. Ни капельки. Сигареты также не действовали. Но она продолжала курить одну за другой.

Зазвонил телефон, но вместо того, чтобы ответить, она поднялась с дивана и направилась к бару. Взяла предпоследнюю бутылку и еще раз напомнила себе, что надо бы пополнить запасы. Открыла бутылку и подумала, что если выпьет еще, ничего не случится, – завтра ей все равно не идти на работу.

Это не тренер по теннису, подсказывала ей интуиция, которая чаще всего ее не подводила. Конечно, он мерзавец, но он не убивал Люкке.

Сегодня, когда она разговаривала с полицией, ей рассказали о том, как тренер третирует ее в Сети и писал разные гадости. Особенно последнюю неделю. «Настоящий сетевой тролль. Но не убийца», – подумала Эллен.

Она вытащила сигарету из пачки. Зажгла ее и затянулась так крепко, что зашипало в легких. Закашлялась. Налила еще вина. Пролила немного на стол, но решила, что вытрет потом.

Она вздрогнула, вспомнив свое посещение клуба «Салькхаллен». Только он и она. Вспомнила его затхлый запах. Нестиранный старый тренировочный костюм. Его взгляд.

Ее мысли прервал звонок в домофон. Сначала ей стало не по себе, но она знала, что дома она в безопасности. В квартиру никто не мог подняться. Филипу она не дозвонилась, он был в каком-то круизе с участниками передачи *Танцы со звездами*.

Сначала Эллен игнорировала звонки, но поскольку они не прекращались, она, в конце концов, сползла с дивана и нажала на громкую связь.

– Привет, кто это?

– Это я. Можно мне подняться?

Сначала она засомневалась, но потом нажала на кнопку лифта. Быстро посмотрела в зеркало и ущипнула себя за щеки, что хоть как-то скрыть бледность. Отбросила ногой почту, лежащую на входном коврикe, и безуспешно попыталась разогнать сигаретный дым.

– Второй раз за неделю. Тебе что, больше делать нечего? – спросила она, когда открылись двери лифта.

– Ты одна? – Он осмотрелся.

– Да, а ты кого-то ищешь?

– Да нет.

Их взгляды на секунду встретились.

– Хорошо, что ты, во всяком случае, проверила, кто звонит, прежде чем пускать человека в квартиру.

– Ты считаешь, что с тобой я в безопасности? – Она вымученно улыбнулась и пробормотала: – Пускать тебя – хуже некуда. Что тебе надо? – Она вернулась на диван, и, немного пошатываясь, опустилась на мягкие подушки.

– Ты пьяная, Эллен?

– Я? Пьяная? Нет. А ты?

Джимми сел на подлокотник дивана и посмотрел на нее.

– А ты не хочешь снять мокрую куртку?

– А ты? – парировал он.

Она с удивлением опустила глаза и увидела, что на ней все еще зеленая парка.

– Ты пьяная, Эллен. Давай я помогу тебе снять куртку.

– Нет, спасибо. Не надо. – Она встала и попыталась стянуть с себя парку, но все еще влажная от дождя, та словно прилипла к ней.

Джимми явно забавлялся, глядя, как она старательно пытается раздеться.

– Послушай, я не пьяная. Могу рассказать, как один раз я напилась. Это было... – она начала смеяться, – это было на свидании.

– Хорошо, только не надо больше рассказывать, – прервал он Эллен.

– Что? Почему нет? Послушай. Это было свидание вслепую. – Она засмеялась при одном воспоминании о той истории. – Бесполезное. Когда-нибудь ходил на такое? – спросила она, но поняла, что ответ ей не нужен.

Джимми покачал головой.

– Нет, конечно же, нет. Тебе, наверное, стоит только показать на ту, кого ты хочешь, и она радостно побежит к тебе. – «Как хорошо, что я это сказала», – подумала Эллен. – Да, во всяком случае, я напилась. По-настоящему, еще до того, как мы увиделись. Можно сказать, я немного подзаправилась. Кстати, хочешь? – Она показала на вино.

Джимми покачал головой.

Она подлила себе.

– Как бы то ни было. На чем я остановилась?

– Ты пришла пьяная на свидание...

Судя по голосу, ему уже было не так забавно, но ей было все равно, поскольку история была смешной. Он скоро это поймет.

– Да, до чего же я нализалась. Мне было плохо. Понимаешь?

Джимми кивнул.

Она вся зашлась от смеха, когда увидела, как Джимми с серьезным видом сидит на диване и слушает ее. Фу. Теперь ей стало стыдно.

– Прости, – сказала она, подавив икоту.

– А что было потом?

– Ты действительно хочешь знать? – Эллен опять икнула.

– Хочу ли я? Не знаю. – Он засмеялся.

– Хорошо, мы с этим кавалером начали общаться, и оказалось, что он жутко унылый. И к тому же, не особо красивый.

Она икнула.

– Мне так показалось. На любой вопрос дает тупиковый ответ. Тебе знаком этот тип? Я спросила его, чем он занимается. Он что-то ответил. Кстати, страшно скучный вопрос, но за неимением лучшего, сам знаешь. Мы еще немного поговорили, и я спросила его, чем он занимается. Опять! – Она рассмеялась до слез. – Понимаешь?

Эллен опять икнула.

– Да, понимаю, но потуши сигарету, а то загорисься.

Она послушалась его и положила сигарету в пепельницу.

– Почему ты тогда не смеешься?

– Но ведь еще не конец. Продолжай, становится по-настоящему интересно. – Он ухмыльнулся. И улыбнулся своей фирменной прекрасной улыбкой. Показались ямочки, и улыбка озарила все лицо.

Она поняла, что он иронизирует, но все равно продолжила.

– Подожди, ты все поймешь. Он замечает, что я уже задавала этот вопрос, но я не помню, что он ответил. Мы болтали дальше, вернее сказать, я болтала, и совершенно неожиданно... – Теперь она так смеялась, что с трудом могла продолжить, – ...я спросила его, чем он занимается. В третий раз!

Она смеялась без остановки.

– Он посмотрел на меня как на сумасшедшую и сказал, что я задаю этот вопрос в третий раз. – Смех не прекращался.

Джимми тоже смеялся, хотя не так сильно.

– А что случилось потом?

– Да что случилось. Он сказал, что я с ума сошла, типа того. И ушел.

– Так чем же он занимался?

– А я не помню.

Оба засмеялись, но через какое-то время наступила тишина.

Джимми посмотрел на нее большими карими глазами:

– Как ты себя чувствуешь?

– Как я себя чувствую? А почему тебя это интересует? – ответила она и отвела глаза.

– В этом нет ничего странного. Знаешь, я просто хотел убедиться, что ты в порядке. Учитывая все произошедшее.

– Мне не надо, чтобы меня кто-то проверял или думал обо мне, особенно ты.

– Что ты такое говоришь? Я за тебя волнуюсь.

– Это почему? – Она покачала головой.

– Потому что ты мне не безразлична. – Он поднялся и встал по другую сторону придиванного столика. – И потому, что этот мерзкий тренер по теннису все еще на свободе. – Джимми стал ходить взад-вперед.

– Послушай, во-первых, я знаю, что тебе на меня совершенно наплевать. Что ты такое говоришь – ты волнуешься? Ты ведь делаешь это по долгу службы? Как мой начальник? – Она прикусила губу, следя за ним взглядом. – И во-вторых, это не тренер по теннису.

– Ты этого не знаешь. – Он остановился. – Полиция считает, что это он. В любом случае он угрожал тебе, и это серьезно. Ты должна быть начеку, Эллен. Я говорил с полицией – у них нет возможности организовать дежурство под твоей дверью или в твоём лифте, – поправил он себя. – Но они будут регулярно проезжать мимо.

– Это еще зачем? Это ведь ничего не даст.

– Нет, но меня это как-то успокоит.

– Тебе на меня совершенно наплевать. – Эллен икнула и забралась с ногами на диван.

– Я волнуюсь за тебя больше, чем ты думаешь, и не как твой начальник. Разве не ясно?

– Ясно?

– Ты должна быть осторожна.

Она прикусила губу.

– Перестань кусать губы. Я от этого с ума схожу. – Джимми посмотрел в сторону. – Эллен, что ты со мной делаешь? – Он покачал головой и сел рядом с ней на диван. – Тебе холодно?

– Нет.

– Но ты вся дрожишь.

Только сейчас Эллен заметила, что ее бьет дрожь.

Своей теплой рукой Джимми взял ее руку. Сначала она хотела вырваться, но ей стало так приятно, что она передумала.

Джимми придвинулся к ней поближе. Ей показалось, что чем ближе он к ней придвигается, тем сильнее ее колотит. Когда их колени соприкоснулись, ее словно всю обожгло.

Джимми наклонился к ней. Его движения были самоуверенными и целенаправленными. Прикоснувшись губами к ее шее, он прошептал ее имя, а потом долго смотрел на нее, прежде чем поцеловать в губы.

Она закрыла глаза и не стала сопротивляться.

Он легко и осторожно поцеловал ее. Это было так же прекрасно, как и раньше.

Какой же надо быть душой, чтобы опять попасть в ловушку? Но сопротивляться было невозможно.

– Твой рот... – Тяжело дыша, он нежно обвел пальцем контуры ее губ. Дотронувшись рукой до ее затылка, снял резинку с ее волос, и волосы распустились по спине. От его малейшего движения и прикосновения она вздрагивала.

Девушка закрыла глаза и почувствовала, как расслабляется. Она воспарила. Опять. Пусть это никогда не кончается. Никогда. Хорошо бы он снял с нее одежду...

Тишину нарушил звонок – звонил телефон Эллен.

– Подойди, – сказал Джимми, резко прекратив.

Словно холодный душ.

Она открыла глаза. Голова шла кругом.

Джимми потянулся за телефоном на столе и передал его Эллен. Не протестуя, она ответила:

– Привет.

Никакого ответа.

Звонили с неизвестного ей номера.

– Привет, – повторила она. – Что тебе надо?

Никакого ответа.

Джимми сжал ее руку.

Эллен слышала чье-то дыхание и еще какие-то звуки. Понять, что это, было невозможно, но похоже на голос ребенка. Голова у нее закружилась.

Джимми взял у нее телефон.

– Привет, кто там?

– Ты что-то слышишь? – спросила Эллен.

– Тсс... – Он отвернулся и положил трубку. Выпустил ее руку и встал с дивана.

– Что это? Что ты слышал?

Сильно побледнев, Джимми покачал головой.

– Так не годится, я должен идти.

– Что? – Эллен почувствовала недомогание.

– Извини. – Он ходил взад-вперед по комнате.

– Извини? Зачем ты вообще сюда пришел? Что происходит? Ты ведь сам все это начал. Ты пришел сюда, чтобы сделать мне больно?

Он вышел из игры. Снова. С тем же успехом он мог бы плюнуть на нее.

Джимми остановился и посмотрел на Эллен.

– Что? Как ты можешь так говорить? Я не хочу тебя ранить. Менее всего я хочу тебя ранить.

– Как мило с твоей стороны. Мне, наверное, надо поблагодарить тебя за то, что в этот раз ты сразу вышел из игры, не дожидаясь, пока мои чувства станут слишком сильными. Ты это хочешь сказать? Ты выходишь из игры, не успев по-настоящему обидеть меня твоим фантастическим появлением. – Она встала с дивана. – Какая патетика! Спасибо, дорогой, что в этот раз ты прекратил все до того, как мы успели переспать друг с другом. Или пока я не успела рассказать еще больше о себе, чтобы потом тебе было чем меня ранить. Я согласна, тебе лучше уйти. – Она решительным шагом прошла к лифту и вызвала его наверх. Внезапно она почувствовала, что протрезвела. Совершенно протрезвела. – А я увольняюсь. Я больше не хочу тебя видеть. Ты знаешь обо мне все, и я понимаю, что ты не хочешь иметь со мной дело, но, черт возьми, не приходи сюда играть со мной.

– Я не считаю ошибкой... – Он никуда не уходил.

– Зато я считаю. – Эллен была вне себя. Ей хотелось только одного: чтобы он ушел, и это унижение прекратилось. Она больше никогда не попадет на его удочку.

– Наоборот. Впервые я чувствую, что поступаю правильно, и не собирался тебя ранить. Что ты имеешь в виду? То, что ты рассказывала о своей сестре?

– Да, именно. И то, что ты заставил меня заниматься делом Люкке.

– Знаю, это обернулось ошибкой. Извини. – Он посмотрел в пол, словно ему было стыдно. – Я подумал, что будет правильно, а потом, когда ты там стояла... я не знаю, я, черт возьми, разволновался и просто выпалил то, что не должен был. Я подумал, что тебе, наверное, захочется поработать с этим, поскольку...

– Перестань извиняться и оправдываться как идиот. Не понимаю,

почему ты приходишь ко мне и играешь, если все равно считаешь, что это ничего не даст. По той же причине, по которой ты поручил мне дело Люкке? Ты думал, что я рассержусь, если ты не придешь? Так, что ли? Спасибо, что пришел, а теперь, будь любезен, уходи.

Джимми посмотрел на нее, будто не совсем уловил смысл ее слов, но, может быть, так лучше.

– У нас ничего бы не вышло. Не получится.

– Ты уже это говорил. Пожалуйста, избавь меня от этой бредятины. Сейчас ты скажешь, что я для тебя слишком хороша, или что ты меня не достоин. Рассказывай это кому-нибудь другому. Я что, похожа на человека, которому интересны твои штампы?

Подъехал лифт, двери открылись. Она стала беспрерывно жать на кнопку, чтобы двери не закрылись, и лифт не уехал без него.

– А теперь уходи.

Он медленно подошел к ней.

– Нет, я не думаю, что тебе интересны избитые фразы. Я также не думаю, что тебе интересен я сам. – Он вошел в лифт и нажал на кнопку первого этажа.

– Что? Что ты хочешь этим сказать? – Эллен встала в дверях лифта, не давая ему спуститься вниз.

– Все сложно, Эллен. Мы бы не подошли друг другу. Между нами столько всякой грязи. Ты скоро это поймешь. – Он провел ладонями по лицу. – Мы из разных миров. И мои чувства к тебе не играют никакой роли.

– Что? Ты что, не слышишь, что я говорю? Оставь эту бредятину для кого-нибудь другого. – Она нажала на кнопку, чтобы закрыть дверь лифта.

Но теперь Джимми поставил ногу между дверными створками.

– Может быть, это штамп, но это правда. Мы никогда бы не подошли друг другу. Я не вписался бы в твою жизнь, а ты не вписалась бы в мою.

– Я думала, что ты меня лучше знаешь. Скажи как есть, ты – свинья, которая со мной играет.

Решительным шагом он прошел обратно в квартиру.

Эллен попыталась его остановить, выставив вперед ладони, но ничего не получилось.

– Во мне много всякого, и, конечно, свинства тоже хватает, но не здесь и не сейчас. Сейчас я уйду ради нас обоих, и мне жаль, что в прошлый раз я не прекратил все раньше. Что позволил нам зайти так далеко...

– Перестань!

– Это было прекрасно, и мне от этого тоже было тяжелее, чтоб ты знала. Ты же не думаешь, что все так просто? Ты думаешь, я хочу слушать

рассказы о твоих свиданиях? Ты так думаешь?

Он не на шутку рассердился.

– Как ты думаешь, что я чувствую каждый день, когда ты уезжаешь с Андреасом? Тем более, когда я знаю, что у вас с ним был роман. Каждый раз, когда я звоню тебе, я смертельно боюсь, – где и с кем ты была, где ты ночевала. Встречаешься ли с кем-то. Влюбилась ли. Я, черт возьми, все время о тебе думаю. – Он провел рукой по волосам. – Когда я пришел сюда в прошлое воскресенье, горел камин и были зажжены свечи. Я чуть с ума не сошел, когда подумал, что у тебя, возможно, кто-то в гостях. То же самое, когда я пришел к тебе сегодня. Мне невыносима мысль о том, что ты можешь быть с кем-то другим, и вместе с тем я не могу быть с тобой.

Она молча стояла.

– Ладно, как будто ты не понимаешь, – отмахнулся он, увидев удивление на ее лице.

Джимми вошел в лифт и повернулся к ней.

– Все не так просто, как ты думаешь. Все крайне сложно. Когда я согласился работать на четвертом канале, я знал, что так и будет. Мне не следовало бы соглашаться. Мне жаль, что так получилось. В какой-то степени я считал, что все будет хорошо. Что мы переболели друг другом, но...

Она опять нажала на кнопку лифта. Хорошо бы дверь захлопнулась.

Он уехал.

Пятница, 30 мая

Эллен. 10.00

Как только она заберет свой компьютер, сразу же поедет домой и запрется. Не будет ни для кого вызывать лифт или подходить к телефону. Эллен натянула кепку на глаза и уставилась в пол, чтобы ни с кем не здороваться.

Завтра она возьмется за себя. Потом станет искать новую работу. Оставаться здесь она не может. К тому же она смутно помнила, что уже подала заявление об уходе. От головной боли и отчаяния в висках стучало.

– А я думал, что ты возьмешь выходные, – приветствовал ее Лейф, когда она вошла в редакцию.

– Я только заберу свой компьютер. Что нового?

– Нового? – повторил он, словно она задала странный вопрос. – По-моему, здесь все время что-то происходит.

– Естественно, я имею в виду Люкке, – ответила она, устав играть в его игры.

– Но ведь она умерла.

Идиот.

– Вчера полиция нашла тренера по теннису. Он прятался у своего приятеля. Мотивированно подозреваемый...

– Вчера? – удивилась Эллен. – В какое время?

– Думаю, около одиннадцати.

Тогда звонил не он.

– Это не он.

– Вот как?

– Полиция ошибается, – сказала Эллен, скомкала листочек со списком дел и выбросила его в корзину для бумаг.

– Что ты хочешь сказать? – спросил Лейф.

– *Мотивированно подозреваемый.* Это как посмотреть. Все равно, что оценивать прыжки в воду. Но ты тоже это знаешь. Тренер по теннису – мерзавец и идиот, но это не означает, что он убил Люкке. Только потому, что они нашли какую-то переписку между ним и Люкке в ее компьютере, и потому, как потом выяснилось, он угрожал всем и вся в Сети, включая меня. Это пустые угрозы. Он не судим ранее. Мы это давно проверили, правда, Анна?

Детеканна подняла глаза за своим компьютером и кивнула. Сегодня у нее были неоновые-желтые очки с маленькими цветочками. Прикольно.

– Если человек занимается такой мерзостью, как сетевой троллинг, еще не значит, что он убийца, – продолжала Эллен. – Ты ведь знаешь, кто такие сетевые тролли? – Она не могла сдержаться.

Лейф фыркнул.

– Против него есть и другие улики. Как, например, ты объяснишь, что сумку нашли в парке Роламбсховспаркен? Это по дороге к нему на работу в спорткомплекс Салькхаллен.

– Да, но в той части города живут и работают довольно многие. – Она поняла, что нет смысла пытаться навести его на другие мысли. Он такой же упертый, как полиция.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Детеканна голосом, в котором слышалось искреннее беспокойство.

– Со мной все в порядке, спасибо.

Краем глаза она видела Джимми. Она делала над собой усилие, чтобы не смотреть в его сторону.

Глаза щипало. Как же она расчувствовалась. Это с похмелья. Посмотри она сейчас *Спасатели Малибу*, и то, наверное, расплакалась бы.

Она упаковала компьютер и уже собралась уходить, как Лейф опять начал.

– Не думай, что я рад, что мне придется разгрести твоё дерьмо. Знаешь, что он заставляет меня делать? – Лейф кивнул лысой головой в сторону Джимми. – Сначала он посылает меня сделать репортаж о поминальной службе по умершей девочке, которая состоится завтра, а в качестве вишенки на торте я должен сделать сюжет о той решающей информации, которая навела полицию на тренера по теннису. Раньше, черт возьми, было лучше. И не надо говорить, что это не так.

Детеканна энергично кивнула.

– Они ведь вышли на тренера по теннису через компьютер Люкке? – спросила Эллен.

– Нет, как говорится, прежде чем болтать о прыжках в воду, надо представлять себе всю картину. Мы получили информацию об эксгибиционисте в лесопарке Лилль-Янсскуген. Затем источник позвонила в полицию. Очевидно, она смогла опознать тренера. Что ты там говорила о мотивированно подозреваемом?

– Прекрати. Опознать?

– Не знаю, именно это я и должен теперь выяснить. Два миллиона крон прямо в карман. Прекрасно. – Он ухмыльнулся. – Мало того что мы стираем защитный слой на лотерейных билетах в «Утре новостей», так я еще должен копаться в этом дерьме. Это ниже моего достоинства.

Эллен почувствовала недомогание.

Этого не может быть.

Прежде чем уйти из редакции, она зашла в аппаратную. У одного из компьютеров лежала пачка бумаги. Она быстро просмотрела ее и нашла полученную по электронной почте наводку, которую распечатал Интернет и дал ей. Письмо об эксгибиционисте.

Она так и думала.

Письмо было отправлено с адреса torsk@gmail.com^[20]. Разумеется. Только сейчас она поняла взаимосвязь. Но неужели это правда? Какой же он идиот! Он что, думал, что она до этого не докопается?

И тут зазвонил ее телефон.

Звонили с рецепшен. К ней пришли.

* * *

Спускаясь по лестнице, через стеклянную перегородку рецепции она увидела свою маму. Что она здесь делает?

Насколько Эллен чувствовала себя измученной, настолько мама выглядела бодрой. Бежевый плащ и остальная одежда в серых тонах. Мамины цвета. Эллен не могла припомнить, что когда-нибудь видела ее в другой цветовой гамме.

Эллен замедлила шаг – а вдруг сегодня она не выдержит маминых комментариев?

– Эллен. Подожди!

Она остановилась на полпути вниз и посмотрела вверх на третий этаж. За ней шел Джимми.

– Пожалуйста, подожди! – Он догнал ее и осторожно взял за плечо.

Ее словно обожгло, и она скинула его руку.

– Извини, – сказал он.

– За что? – Она неохотно посмотрела вверх из-под кепки.

– За то, что... – Он провел рукой по волосам. – За то, что я идиот. Ты права. Я хочу, чтобы ты знала: меньше всего я хочу ранить тебя, но, черт возьми, я не думал, что это тебя все еще волнует, и... я в полном дерьме.

Мимо них с любопытным видом прошли несколько коллег.

Он взял ее за мизинец.

– Эллен, послушай меня...

– Меня на рецепшен ждет мама. – Она отвела его руку.

– Дай мне объяснить...

Эллен дошла до конца лестницы и прошла через защитные двери, напоминающие лезвия ножей. Кажется, чуть замешкаешься, и они разрежут тебя пополам. Именно сегодня они с удовольствием бы это сделали.

Эллен чувствовала, что Джимми продолжает стоять на лестнице и смотреть ей вслед. Рассказать ему о наводке в мейле? Ей действительно надо искать другую работу.

Мама шла ей навстречу.

– Эллен, как плохо ты выглядишь! Я ведь говорила, что тебе не надо браться за это дело. Посмотри на себя, на тебе лица нет.

– Тебе не надо беспокоиться, я больше с этим не работаю, – ответила Эллен, не вдаваясь в объяснения, и отвела руку Маргареты.

– Эллен...

Эллен пожала плечами и скосила глаза в сторону лестницы. Джимми там не было.

Мама поправила сумку, висящую на плече.

– Как здесь красиво, – сказала она с некоторым усилием и оглядела рецепшен. – Я ведь никогда здесь не была. Давай выпьем кофе. – Она показала на ресторан, примыкавший к приемной.

– Зачем ты пришла?

– Или, может, ты голодная? Скоро обед. Пахнет супом, – сказала Маргарета, не сумев скрыть, что запах ей совсем не нравится.

– Сегодня у нас гороховый суп и блины. Хочешь есть? – сухо спросила Эллен. – Пунша, к сожалению, нет.

– Мне хватит и чашки кофе.

Они прошли в ресторан, сделали заказ и сели на мягкие красные диваны в центре зала.

За другими столиками почти никого не было. Пока что. Гороховый суп и блины обычно пользовались большим успехом, и здесь, в здании во Фрихамнене, за ними, как правило, выстраивалась очередь.

Неподалеку от них проводил собрание концептуальный отдел, а еще через несколько столиков Агнета Шёдин^[21] обсуждала что-то с руководителем программы.

Маргарета безотрывно смотрела в ту сторону; похоже, она была под впечатлением от того, что увидела знаменитость, в чем бы никогда не призналась.

Эллен сделала глоток кофе и откусила кусочек свежей булочки с корицей.

– Ну, давай говори, ты же пришла не для того, чтобы выпить кофе и

пообщаться. – Получилось жестче, чем хотелось бы.

– Пожалуйста, Эллен, не начинай. У тебя такой сердитый тон. Я только хочу поговорить с тобой, что в этом странного? Знаешь, меня по-настоящему огорчает, что, по-твоему, я совершаю какие-то поступки с целью ранить тебя. – Мама Эллен опустила глаза и, собравшись с духом, продолжила: – Тебе пришлось нелегко. Разумеется, это наложило на тебя отпечаток, и как твоя мама я действительно хочу, чтобы твоя жизнь изменилась. Ты потеряла в детстве сестру, пережила развод и в то же время испытываешь чувство вины. – Она отпила кофе и скосила глаза в сторону Агнеты. – Не понимаю, как нам с твоим папой могло так не повезти. Но жизнь не всегда складывается так, как хочется, и все совершают ошибки. Но мы никак не хотим тебя ранить. Ты должна это понять. Почему ты не можешь...

– Быть как Эльза?

– Попытаться понять, хотела я сказать. Попытаться понять, что мы не против тебя. Это не мы сравниваем тебя с Эльзой. Ты сама это делаешь, Эллен.

– Перестань. Ты нас все время сравниваешь, и я всегда вытягиваю невыигрышный билет. Знаешь, что испытывает человек, которого постоянно сравнивают с умершим? Выиграть невозможно.

– Нет, я не сравниваю вас все время, но я заметила, что ты это делаешь, и каждый раз мне становится больно. Наверное, это характерно для близнецов, даже если их разлучили. – Глаза у Маргареты заблестели.

Эллен посмотрела в сторону.

– Это тебе Филип позвонил, да? – Она взяла с тарелки несколько сахаринок и положила их в рот.

– Эллен, я за тебя беспокоюсь. – Мама взяла ее за руку. – Ты не можешь снять кепку?

Эллен покачала головой.

– Замечательно! Ты приходишь ко мне на работу и ни с того, ни с сего начинаешь выяснять отношения. Извини, но сегодня я не выдержу никаких обвинений. – Она встала.

Маргарета пристально посмотрела на нее.

– Сядь. Я никогда не обвиняла тебя в смерти Эльзы. Никогда, – решительно сказала она. – Вам было восемь лет, Эллен. Вы были маленькими детьми, и мы оставили вас дома одних. Это не твоя вина. Виноваты мы с папой.

Она взяла Эллен за руку.

– Эллен, посмотри на меня. Это не твоя вина. Слышишь? Ты не

виновата в том, что пропала Эльза.

– Она умерла, – поправила ее Эллен.

– Она умерла не по твоей вине. Пожалуйста, сядь!

Эллен послушалась.

– Мы тебя никогда не обвиняли. Это все твои выдумки. Пока не нашли мою маленькую Эльзу, обвиняли меня.

Эллен охватил приступ ревности.

– Но это я предложила пойти поплавать... Я знала, что сестра не очень хорошо плавает. – У нее было сил обращать внимание на окружающих. – Знаешь, почему я это сделала?

– Эллен, пожалуйста, тише.

– Потому что это было единственное, слышишь меня, единственное, в чем я превосходила Эльзу. Помнишь, как ты переживала, что Эльзе не начислили баллы за плавание? Ты только и делала, что жалела Эльзу, ни разу не похвалив меня. Ни одного раза.

Маргарета в ужасе смотрела на нее.

– Ну, говори же! Разве я не... – В пальцах закололо, и она попыталась стряхнуть боль. – Это моя вина. Скажи. Скажи же! – Эллен закричала так, что в ресторане затих гул.

– Но Эллен! – воскликнула мама. – Это для тебя чересчур. Тебе не надо было с этим работать. Я все время это говорила, но ты не слушаешь.

– Что тут происходит? – на них удивленно смотрела Детеканна.

Эллен не ответила.

– Не хочу вам мешать, но ты забыла телефон в редакции, а тебе звонят. Только я хотела убрать звук, как увидела фото. – Детеканна протянула телефон. – Я не собиралась подсматривать, но так получилось.

Эллен взяла телефон.

Кто-то послал фотографию Эльзы. Опять. И текст: *Если ты сейчас же не прекратишь, ты умрешь, точно так же, как твоя сестра-близнец.*

– Что это? Эллен, да на тебе лица нет. – Маргарета взяла телефон. Эллен не успела ее остановить, и мама взглянула на фото.

Наступила полная тишина.

– Что это? – наконец спросила она.

Внезапно по щекам Эллен полились слезы, и она не стала их сдерживать.

– Ты должна связаться с полицией, – сказала Детеканна.

– Что происходит? – В голосе мамы слышался испуг.

– Надо поговорить с Джимми, – предложила Детеканна и повернулась к Эллен.

– Нет, – возразила Эллен, – я позвоню в полицию. – Она с трудом встала с дивана, голова шла кругом. Пошла в сторону туалета в глубине ресторана, едва держась на ногах.

Она набрала номер Уве и рассказала ему о сообщении. Голос у нее дрожал.

– Раз есть заявление в полицию, вы можете выяснить, кто это? – спросила она. – Это не может быть тренер по теннису – ведь сейчас у него нет доступа к телефону!

– А тебе известно, что твой начальник пытался забрать заявление?

– Что? Это почему?

– Спроси у него. В любом случае, обратного хода нет.

Эллен покачала головой. Она ничего не понимала.

– Ты можешь тогда помочь мне и узнать, кто послал это фото?

– Это не так просто.

Эллен открыла дверь в туалет и вошла, хлопнув за собой дверью.

– А теперь слушай меня внимательно. – Внезапно в голове у нее прояснилось. – Наверное, вы использовали подставное лицо, но у вас что, совсем мозгов нет? Torsk@gmail.com! На что ты, Анетта и этот третий человек собираетесь потратить вознаграждение?

Эллен. 18.45

Эллен кружила по району Сёдер. Она не сразу нашла то, что искала.

В ее действиях нет никакой логики, но она вынуждена проверить. С нее хватит.

Уве не стал рисковать – ведь Эллен могла все испортить, и ему ничего не оставалось, как помогать ей. Возможно, он знал также хорошо, как и она, что тренер по теннису не виновен в смерти Люкке. До чего отвратительна вся эта система и их зацикленность на педофилах. Интересно, действительно ли они обдумывали каждый шаг, или просто ухватились за то, что тренер по теннису оказался свиньей.

Уве не знал, кому принадлежит номер, потому что звонили с незарегистрированной сим-карты, купленной за наличные, но он дал Эллен распечатку входящих и исходящих звонков. Позвонив по нескольким номерам, Эллен вычислила, кому принадлежит сим-карта – некой Жанетте, проживающей на улице Росенлундсгатан, 34, первый этаж. Она явно звонила Эллен несколько раз с этого номера.

Жанетта. Она не знала никого с таким именем.

Эллен погуглила ее, но женщин с именем Жанетта Эрикссон оказалось довольно много.

Эллен припарковалась так, чтобы иметь хороший обзор. На самом нижнем этаже, рядом с въездом в гараж, на улицу выходили большие окна. «Она здесь живет?» – подумала Эллен и осталась в машине.

Похоже, это было фабричное помещение, переделанное в квартиру-студию. Высокие потолки. Кухня размером со школьный класс. Рядом – кипельно-белая гостиная с большими черными лампами на потолке. Везде горит свет, но никого не видно.

Она только хотела увидеть ее, но зачем? Сказать ей, чтобы она перестала звонить?

– Поезжай домой, Эллен, – громко сказала она самой себе.

Но стоило ей повернуть ключ зажигания, как она заметила, что в кухню кто-то вошел. Только через несколько секунд она поняла, кто это. Ненужный человек в ненужном месте.

Джимми.

Что он здесь делает? Ей дали неправильный адрес? Может, Уве все перепутал?

Или Жанетта его сестра? Она ведь живет в Сёдере.

Джимми открыл холодильник и закрыл его, ничего не взяв. Он явно беспокоился. Открыл кран. Открыл шкаф.

Не думая, Эллен достала телефон и позвонила ему. Раздались гудки.

Она увидела, как он опустил руку в карман джинсов и достал телефон. Посмотрел на дисплей и положил трубку на обеденный стол, не ответив.

В кухню вошла девушка – блондинка с длинными волосами. На руках она несла ребенка. На вид ребенку около года. Темноволосый, в розовой пижамке.

И только когда блондинка поцеловала Джимми в губы, Эллен прозрела.

Она ударила по рулю и посигналила.

Джимми и Жанетта посмотрели в окно и увидели ее.

Эллен продолжала сигналить, пока Джимми не вышел из ворот гаража рядом со студией. Он делал ей знак рукой, чтобы она перестала, и она сдалась. Открыла дверь машины со стороны пассажирского сиденья.

– Садись, – сказала она решительно. От злости она вся дрожала.

– Не стоит этого делать, – наклонился к ней Джимми. Он с беспокойством посмотрел на Жанетту, которая пристально наблюдала за ними из студии.

– Садись в машину, я тебе сказала. Иначе опять начну сигналить.

В конце концов, он сел рядом с ней. Едва он закрыл дверь, как она рванула с места.

Эллен. 19.00

Эллен поехала по улице Росенлундсгатан в сторону улицы Магнус Ладулосгатан, не зная, куда направиться дальше. Если раньше она испытывала смятение, то сейчас просто рвала и метала. Почему Джимми ничего не говорил?

Выехав на улицу Рингвеген, остановилась на светофоре. Загорелся зеленый, но она продолжала стоять. Стоявшие за ней машины начали сигналить.

– Поезжай вперед до стадиона Синкенсдамм. – Джимми говорил спокойно.

Не раздумывая, она повиновалась, выехала на улицу Крукмакаргатан, развернулась на 180 градусов и заехала на пустую парковку.

– Так вот оно что, – сказала она, выключив двигатель. – Я была маленьким побочным проектом забавы ради.

– Нет. Все не так, как ты думаешь.

– Вот как. А тогда что? Вы, может быть, женаты? – продолжила Эллен, не дав ему ответить. – Во всяком случае, она тебе не сестра.

Джимми словно окаменел.

– Сегодня я получила сообщение с фотографией Эльзы, такое же, которое ты на днях видел в моем телефоне. Тот, кто отправил сообщение, хочет, чтобы я умерла, точно как моя сестра. – Она достала телефон. – Хочешь посмотреть?

– Нет.

– Нет? Это потому, что ты знаешь, кто отправил сообщение?

Джимми провел рукой по волосам.

– Твоя девушка? Или кто вас знает, может быть, ты воспользовался ее телефоном?

– Что? – Теперь он смотрел на нее. – Зачем мне посылать тебе такие сообщения? Как ты могла такое подумать?

– Не знаю, ведь ты же пытался забрать заявление из полиции. Послушай, ты так беспокоился за меня из-за всех угроз, а теперь получается, что это было частью твоей игры?

Джимми пристально смотрел прямо перед собой.

– Давай отвечай! – Она не скрывала своей злости.

– Прости, – наконец сказал он и закрыл лицо ладонями. – Это жуткий кошмар.

Эллен так впилась в руль, что у нее побелели костяшки пальцев.

– Я пытался, – медленно произнес он. – Я и вправду пытался не влюбиться в тебя.

– Что ты несешь? – вскричала она.

– Пожалуйста, успокойся, дай мне объяснить.

– Не понимаю, Джимми. – Она услышала растерянность в собственном голосе.

– Потому что у меня семья. У меня дочь, – пробормотал он, глядя в окно.

Его дочь. От этого признания ей стало больно.

– Но почему ты не говорил, что у тебя есть дочь? Или хотя бы подруга? – в отчаянии спросила Эллен.

Джимми тяжело вздохнул.

– Что я должен был сказать? Что я свинья, которая предает свою семью? Это, по-твоему, хорошо?

– Нет, но ведь это так. Ты оказался трусом и спрятал голову в песок. Сваливал на то, что мы, мол, с разных планет, и на прочую чушь.

– Но мы же действительно разные.

Они молча смотрели на отблеск прожекторов на арене Синкенсдамма.

– Ты в нее влюблен? – спросила Эллен через какое-то время.

– Влюблен ли я в нее? – Он покачал головой. – Какое это имеет значение?

– Отвечай на мой вопрос. Ты в нее влюблен?

– Да. Я к ней хорошо отношусь.

Эллен снова схватилась за руль.

– Знаешь, мои чувства к Жанетте не играют никакой роли. У нас есть Бьянка, и от того, что я буду размышлять, влюблен ли я в ее маму или нет, легче не станет. Что есть, то есть.

Бьянка.

Бьянка.

– Так ты влюблен в нее или нет? – Эллен добивалась ответа.

– Нет, я в нее не влюблен. К сожалению. Или что я должен сказать? Дело в том, что у нас есть общий ребенок, и это на всю жизнь. Вот и все. Я бы никогда не позволил дочери расти с разведенными родителями, спорами об опекунстве и всем этим дерьмом. Неделя у одного родителя, неделя у другого. Одно это чего стоит. Нет. – Он покачал головой. – Бьянке нужны мы оба, и не ее вина, что я не влюблен в ее маму. Нет, черт возьми, не влюблен.

Эллен не знала, как отнестись к его словам.

- Сколько твоей дочери?
- Скоро будет год.
- Год. – Эллен начала обратный отсчет. – О, значит, когда ты играл со мной год назад, Жанетта была беременна?
- Пожалуйста, не говори «играл». Меньше всего я играл тогда.
- А что мне тогда говорить?

Джимми пожал плечами.

– Да, Жанетта была беременна. Но тогда я этого не знал. Мы расстались совсем незадолго до того, как я встретил тебя...

– Ага, понятно. *You were on a break.* [\[22\]](#)

– Прекрати, не брали мы никакой паузы. Между нами все было кончено. Я так думал, но совершенно неожиданно Жанетта опять возникла. В тот день, когда состоялся наш последний вечер. – Он повернулся к ней. – Кстати, это был самый лучший момент в моей жизни. Никогда, говорю это серьезно, Эллен, я не чувствовал ни с кем такой душевной близости, но догадываюсь, что сейчас это трудно понять.

Эллен была с ним согласна, но не захотела сказать это вслух.

– Тогда она и рассказала, что беременна. Я ничего не мог с этим поделать. Уже было поздно делать аборт, и сегодня я этому рад, даже если получилось так, как получилось. Пойми меня правильно, но ни за что на свете я не хотел бы остаться без Бьянки.

– Но ты бы мог рассказать мне все, как есть, я бы поняла.

Он бросил на нее быстрый взгляд. Казалось, его удивили новые нотки в ее голосе.

– Поняла бы? Как бы я смог объяснить тебе, что я влюблен в тебя, но...

– Как она узнала о моем существовании?

– Она знает о тебе со дня нашего знакомства. Жанетта, как бы это сказать, человек... энергичный. Она не сдалась, и можно сказать, она меня добивалась. В конце концов, я почти не смел встречаться с тобой, боясь того, что она может сделать и мне, и тебе.

– Что?

– Жанетта пугала меня. Она вела себя как одержимая, и теперь это ясно как день. Она поняла, что я опять встретил тебя. Она, наверное, заметила это по мне, а теперь и ты втянута в это дерьмо. Она еще больше больна, чем я думал. А я... я знаю, что свинья. Я изменил, но, черт возьми... – Он ударил локтем о дверь. – Я не знаю, что со мной. Я не могу не думать о тебе. – Он повернулся к ней. – Я надеялся, что переболел тобой, но это не так. Я даже не думал, что вообще смогу испытывать к

кому-нибудь такие чувства, какие я испытываю к тебе.

– Но... – Она не знала, что сказать. – Почему ты просто взял и исчез? Ты что, не понимаешь, в каком я была состоянии? – У нее защипало глаза.

– Понимаю. – На секунду он заколебался. Погладил ее по руке, все еще крепко сжимавшей руль. – Я тоже был совершенно раздавлен, но что я мог сделать? – Он покачал головой.

Они сидели молча.

– Даже не знаю, что сказать, – наконец заговорила Эллен. – Как ты мог быть таким идиотом и сделать ей ребенка?

– Пожалуйста, Эллен, это не поможет. Бьянка...

– А как ты? Ты же не счастлив. – Судя по голосу, она не могла скрыть отчаяние.

– Как есть, так есть. – Он пожал плечами.

Вот и все.

– Но разве для девочки не лучше, если ее родители будут счастливы? Даже если они в разводе, – ухватила за соломинку Эллен.

– Нет, – коротко ответил он. – Это невозможно. Ты не понимаешь. Все страшно сложно. Жанетта нездорова, она ведь, черт возьми, угрожала тебе и посылала эти безумные сообщения. И я не допущу, чтобы Бьянка жила у нее каждую вторую неделю. Прости, Эллен. Прости, что я втянул тебя в эту историю.

– Ты это знал? Ты поэтому все время говорил о ненависти в Сети?

– Я не знал, что это она. Я понял это только вчера, когда тебе вечером позвонили, и я расслышал голос Бьянки.

– Но как...?

– Я был вынужден забрать заявление из полиции, ради Бьянки. Придя домой, я проверил компьютер Жанетты и обнаружил, что она завела себе почту на сайте «Gmail», адрес которой я не знал. То есть, это не тот почтовый ящик, которым она обычно пользуется. Тогда я увидел, что она посылала тебе электронные письма, прямо скажем, не особо приятного содержания. Я разоблачил ее, и тогда она стала угрожать, что отберет у меня Бьянку.

– Не сможет.

Он вздохнул.

– Я не знаю, на что она способна. Наверное, она нашла фотографию Эльзы в документах, которые я приносил домой.

– Но как она связала одно с другим?

– Она знает о тебе практически все.

Эллен прикусила губу и попыталась осознать его слова.

– Ты заявишь на нее в полицию? – спросил Джимми.

Эллен пожала плечами.

Оба пристально смотрели на капли дождя, стекающие по переднему стеклу.

– Представь, что я заявила на нее, тогда мы... – Она засомневалась и опустила глаза.

– Нет, это невозможно. Конечно, в глубине души я тоже так считал. Обнаружив, что Жанетта тебе звонила, я решил, что, может быть, наконец-то появилась конкретная зацепка. Но потом подумал о том, что заявление обернется против Бьянки. Я позабочусь о том, чтобы Жанетта тебя больше не беспокоила. Обещаю. Я не предполагал, что так будет. Я не знаю, как справлюсь со своими чувствами к тебе, но одно дело – мучить самого себя, и совсем другое – ранить тебя. К тому же я должен думать о Бьянке. Поэтому мы должны расстаться. Дальше так продолжаться не может.

И тут Эллен почувствовала зависть. Неприятное чувство, и направлено оно не против Жанетты, а против Бьянки. Годовалой девочки. Ей стало стыдно.

– Черт. Было бы легче, если бы ты был вампиром, – сказала она.

Он коротко рассмеялся.

– Эллен Тамм...

– Я ничего не могу сделать? – Она поняла, что не может скрыть отчаяния.

Она хотела только одного – удержать его, дойти до последнего, но ей стало ясно, что это конец.

– Ты плачешь? – спросил он.

Она не хотела показывать ему, как ей больно, но скрыть это было невозможно.

– Прости. – Он нежно провел рукой по ее щеке и вытер слезы. Она почувствовала себя совершенно раздавленной.

На пути к нему домой они не сказали друг другу ни слова.

Вся дрожа от холода, она выпустила его из машины и поехала обратно по улице Росенлундсгатан.

В зеркале заднего обзора она увидела, как он смотрит ей вслед.

Она опустила зеркало вниз.

Суббота. 31 Мая

Эллен. 10.00

Дождь наконец прекратился, но небо оставалось темным. Могилы на маленьком кладбище олицетворяли конец всему.

Эллен, прищурившись, посмотрела на колокольню Дандерюдской церкви. Воздух был холодным. Первый раз за очень долгое время ей по-настоящему захотелось поехать к маме домой на Эрелу. Она решила отправиться туда после поминальной службы и остаться на выходные. Они заедут на могилу к Эльзе, а потом им надо будет многое выяснить. После прошедшей недели она поняла, что должна заняться собой. Так дальше продолжаться не может. «Замерзшая печаль», – подумала она и вздрогнула. Может быть, все не так очевидно, как она себе представляет. Ей предстоит поставить себя на место других людей и заново оценить свое место среди них.

Эльза умерла.

Люкке умерла.

И Джимми ушел из ее жизни. Опять.

– Эллен, что ты здесь делаешь?

Она обернулась и увидела Андреаса. Он шел к ней по покрытой гравием дорожке с камерой на плече. Лейф следовал за ним по пятам.

– Разве ты не взяла отгул? – спросил Лейф.

– Да, но я здесь по личным делам, – коротко ответила Эллен и повернулась к Андреасу. – Что у вас нового? Вы что-то сняли?

– Только не рассказывай, чем мы сейчас занимаемся, – сказал Лейф. – Ведь она здесь по личным делам. Собираемся и едем. Хватит с меня этих глупостей. Так и в могиле недолго перевернуться, – пробурчал он.

– А вы не поедете на панихиду? – спросила Эллен.

– Нет, думаю, мы пропустим, – ответил Андреас. – Как-то неловко.

* * *

Раньше Эллен никогда не была на панихиде и не знала, чего ожидать.

Вместо маленького гроба в церкви стоял подрамник с большой фотографией Люкке, сделанной в школе. Фотографию обрамляли букеты и венки разных цветов и оттенков. Рядом горело несколько зажженных свечей, и их пламя дрожало от движения воздуха. Люди в темной одежде

сидели на старых деревянных скамьях.

Эллен села на одну из пустых скамеек в последнем ряду. Провела глазами по иллюстрациям из Библии, развешенным по стенам. Стеариновые свечи на люстре не горели, и она не понимала, почему.

Ряды перед ней заполнялись под тихий гул. Эллен не отпускала мысль о том, хорошо ли эти люди на самом деле знали Люкке.

Среди собравшихся выделялись журналисты в джинсах и кроссовках. Они сели на скамью по другую сторону прохода. Некоторых она знала, некоторых – нет. Обычно журналистов на такие мероприятия не приглашали. Эллен пыталась найти объяснение тому, почему родители пошли на это.

На самом деле она поняла слова Лейфа о том, что можно перевернуться в гробу. И все же она была здесь.

О похоронах Эльзы она помнила только то, как после церемонии увидела ее, играющую между надгробиями. Сестра радостно прыгала в белом летнем платье с развевающимися по ветру волосами. Она смеялась и казалась счастливой, словно ей только что дали сахарную вату и скоро разрешат покататься на карусели. Когда Эллен рассказала об этом маме, та покраснела, как рак, и прошипела, что так больше говорить не надо.

После этого образ живой Эльзы исчез. Единственное, что от нее осталось, – сама Эллен.

В проходе, ведущем к алтарю, появились Харальд и Хлоя. Хлоя отставала от Харальда на несколько шагов и шла, опустив глаза вниз. Они не прикасались друг к другу.

«Охотник, который сбрил бороду, и злая мачеха», – подумала Эллен.

Когда Харальд заметил Эллен, он остановился у ее ряда и прожег ее своим пристальным взглядом.

– Я слышал, что ты тоже пострадала. Мне страшно жаль. Мы все от него пострадали. – Он говорил почти как священник.

Эллен кивнула.

– Надеюсь, это будет красивая церемония, – услышала она собственные слова, сказанные за неимением лучшего. – *Но знай, это был не тренер по теннису.*

– Наша семья сегодня уже встречалась с твоими коллегами. Надеюсь, они уважительно почтут память о Люкке. – Он поправил галстук.

– Без сомнения. – Эллен попыталась сказать убедительно.

Харальд кивал чаще, чем надо, словно пытался оправдаться, что они пригласили прессу на панихиду.

Эллен проводила его взглядом, когда он проследовал к алтарю.

Хлоя уже уселась на самый первый ряд, как будто была девочке ближе всех.

Эгоизм.

В дверях появился пожилой господин.

Папа Харальда. Они были поразительно похожи – Эллен узнала его по портрету в доме Харальда.

Он трусил, почти волоча за собой ноги, словно каждый шаг приближал его к горькой действительности.

Следом за ним шла директор школы, где училась Люкке.

Интересно, она здесь как представитель школы, или ей стыдно, что она не разобралась с отношениями одноклассников к Люкке?

Эллен увидела несколько родителей одноклассников Люкке, но самих детей не было.

Вошла Хелена, и Эллен вздрогнула, словно взглянула в лицо самой скорби.

Она поздоровалась, осторожно кивнув. В ответ Хелена уставилась в каменный пол и продолжала идти вперед.

Могла ли она убить своего ребенка? В припадке безумия? Или злобы?

Вид у Хелены был очень одинокий. Она больше никогда не сможет поговорить со своей дочерью. Больше никогда не сможет сказать «прости» или обнять ее. Никогда, действительно никогда, когда речь заходит о смерти. «Если ты неверующий», – подумала Эллен и посмотрела на крест над алтарем.

«Я никогда не буду такой одинокой», – подумала Эллен, представив свою собственную маму. Она попыталась вообразить, каково той было потерять Эльзу.

Хелена села по другую руку Харальда.

Две женщины и один мужчина.

Зависть.

Двери церкви закрылись, и наступила мертвая тишина.

Эллен с трудом дышала в совершенно неподвижном воздухе. Свечи у алтаря больше не мерцали.

Зазвонили колокола, и она снова могла дышать полной грудью.

Глаза жгло. Так странно. Иногда на тебя накатывает скорбь, и ты не можешь совладать с нею. Плакать не хотелось. У нее нет права плакать на панихиде по Люкке, она ведь не знала девочку.

От чужой скорби появилась боль в затылке, которая перекинулась на позвоночник. Ей не надо было сюда приходить.

Колокола смолкли.

– Что только не делает с нами скорбь, – начал священник. – Начнем нашу панихиду с того, что все вместе сложим руки и в последний раз помолимся за Люкке.

Эллен сделала, как он велел.

– *Бог, он всех детишек любит, и меня он не забудет. И куда бы я ни шел, всюду руки он простер. Счастье может и уйти, а Отец на небеси...*

Внезапно кто-то с передних рядов встал. Эллен приподнялась, захотев увидеть, кто это.

Это была Мона. Она извинилась, поскольку нескольким людям пришлось подняться, чтобы она смогла выйти в церковный проход.

Эллен привстала еще больше.

– Теперь я хочу, чтобы мы устремили наши мысли к Люкке. Достаньте ваши молитвенники, – призвал священник. – Поем псалом двести сорок восемь.

Мона шла по проходу, пристально глядя прямо перед собой.

Заиграл орган, и священник запел дрожащим голосом:

– *Бог, хранитель всех детей...*

Собравшиеся тихо подхватили:

– *Звездочка на небе светит, птенчик в гнездышке щебечет...*

Эллен прокралась со своего ряда.

* * *

На пригорке у церкви Моны не было. «Скорее всего, она пошла к общинному дому», – подумала Эллен и поспешила туда. Потянула тяжелую дверь.

Хотя она придерживала дверь одной рукой, дверные петли громко заскрипели.

Помещение оказалось больше, чем она ожидала. Почти как зал. Вдоль стен были расставлены стулья, а посередине на полу лежало несколько вытертых половиков.

У окна на табуретке, вся скрючившись, сидела Мона.

Похоже, она не заметила, что кто-то вошел.

Девушка молча стояла у двери и смотрела на пожилую даму, съезжившуюся, как птенчик, под несколькими одеялами.

Эллен увидела, что Мона дрожит. Одно из одеял сползло со стула на пол.

Она закрыла за собой дверь и осторожно направилась к Моне. Пол

скрипел под ногами, но Мона по-прежнему не реагировала.

Эллен подняла одеяло с пола и накрыла им Мону, в ту же секунду вспомнив, как та закутала ее саму в одеяло, когда она насквозь промокла от дождя.

Перед глазами Эллен возникло флисовое одеяло в полоску.

И только сейчас сложился пазл.

Два по цене одного в магазине «Айса».

Одеяло Моны было такой же расцветки, что и одеяло, в которое была завернута Люкке. Полоски ярких цветов.

«Конечно, таких одеял много, – подумала Эллен. – Но какое странное совпадение».

Любовь и вина.

Но почему? Мона казалась единственным человеком, которому Люкке была по-настоящему небезразлична. Или Эллен и тут ошиблась?

Мона.

Злоба или безумие?

Или ни то, ни другое.

– Это ты ее убила, – произнесла Эллен медленнее и громче, чем ей хотелось.

Мона не прореагировала.

– Но почему?

Мона по-прежнему молчала, но задрожала еще сильнее.

Эллен переставила стул, стоявший у стены, и села, взяв Мону за руку. Она сама была в шоке от своих действий.

– Я не понимаю. Ты ведь единственная, кому Люкке была действительно небезразлична. – Эллен говорила мягким голосом, она не хотела испугнуть Мону, боясь ее реакции. Женщина явно в шоке. Надо спокойно идти вперед. С каждой секундой она все больше и больше убеждалась в том, что права.

Мона знала, что Люкке пошла на теннис. Она могла подойти к Люкке, не прибегая к насилию. Если Эллен все правильно поняла, Мона была единственной, к кому Люкке могла прильнуть. Эллен свело живот, и она бессознательно крепко сжала руку Моны.

Та ответила, пожав руку Эллен.

Эллен тяжело дышала.

Смерть, смерть, смерть.

Она посмотрела на удобные туфли Моны и ее полные икры. Сквозь черные нейлоновые колготки виднелись варикозные вены.

Вот она такая, смерть. Она многолика.

Внезапно все встало на свои места. Эллен была заиклена на ненависти и злобе. Но на самом деле все было наоборот. Дело было в добре.

Хелена – плохая мама Люкке, которая не испытывала к дочери должных материнских чувств. Хлоя – злая мачеха. Харальд – эгоистичный отец. Мона – единственная, кому Люкке по-настоящему была небезразлична и кто фактически заменил ей мать. Эллен вспомнила слова экстрасенса Мигнуса. Он считал, что к смерти Люкке причастны многие. Возможно, так и было. Но они об этом не догадывались.

Она вспомнила о птице, убившей своих птенцов ради их спасения от того, что ее испугало. Это и есть объяснение? Если Мона спасла Люкке, то от чего? От ее семьи? Правда ли, что никакого другого выхода не было? Она убила девочку, потому что хотела ее защитить? Одно противоречит другому.

– Ты спасла ее, – сказала Эллен, опять удивившись своим словам, шедшим вразрез с любой логикой и всем основным представлениям о добре и зле.

Мона пристально посмотрела на Эллен.

– Я не собиралась убивать ее. – Мона покачала головой. – Но на меня что-то нашло.

Глаза за круглыми очками наполнились слезами.

Эллен едва могла верить тому, что слышала. Еще меньше она была в состоянии воспринять все противоречия этой трагедии. Для нее это было чересчур.

– Это так ужасно, но другого выхода не было, – продолжала Мона.

Она делает признание.

С ума сойти. «От этого можно, черт возьми, сойти с ума, – подумала Эллен. – Я сижу рядом с убийцей».

В ладони кольнуло, она хотела отнять руку, но заставила себя этого не делать.

– В церкви собрались одни негодяи. Я не могла там оставаться. Я не из их числа. – Мона подняла голову, повысила голос и выпрямила сгорбленную спину. – Это лицемерие. Они притворяются, что оплакивают того, кто был им совершенно безразличен. Почему сейчас? Ты можешь объяснить? Те, кто сейчас сидит на скамьях в Божьем доме, виноваты в страданиях Люкке. – Взгляд Моны прояснился. – Я убила ее, но для ее спасения. У меня не было выбора. Девочка уже потерялась в этом мире, где была всем, подчеркиваю, всем безразлична. Всем! Кроме меня.

Она опять сгорбилась. словно ее покинули последние силы. Она

дотронулась до груди и пробормотала что-то о давлении.

Эллен не поняла, что именно, она с трудом разбирала слова Моны.

Мона раскачивалась взад-вперед на стуле и вертела головой. Смотреть на это было страшно. Эллен посмотрела на дверь в надежде, что кто-то войдет. Мона по-прежнему крепко держала ее за руку.

– Я спасла ее от зла, – прошептала она. – От ее семьи. – Она медленно покачала головой. – Я всегда переживала из-за того, что не была частью своей семьи, что мой отец отказался от меня, а мать смешивала меня с грязью. Таким же образом и родители Люкке обращались с ней, и я не могла больше на это смотреть. Что это за жизнь, можешь объяснить?

Эллен покачала головой. Вспомнила сумку в парке Роламбсховспаркен. Он находится по дороге к дому Моны в Абрахамсберге. Должно быть, Мона избавилась от сумки в страшной панике. Почему эта мысль даже не пришла Эллен в голову?

Потому что она была слишком дикой.

– Теперь ей лучше, – продолжила Мона и похлопала Эллен по руке. – Наконец-то она попала к Богу. Он о ней позаботится. – Она убежденно кивнула. – Наконец-то она может почувствовать себя защищенной и любимой. Эта семья, образец совершенства, оборотни против воли Божьей. Точно так, как дьявол. Вот кто их породил, – многозначительно сказала она. – Люкке подвергалась моральному насилию. Над Люкке всегда шел дождь. Где здесь быть добру? Почему никто не спас меня таким же образом, когда я была в ее возрасте, чтобы мне не пришлось переживать одно и то же всю оставшуюся жизнь?

– Что ты хочешь сказать? Почему ты не помогла Люкке вместо того, чтобы убить ее?

– Помогла? Не будь такой наивной, девочка. Помощи ждать было неоткуда. Людей не изменить, а в нашем обществе нет такой службы, которая могла бы спасти ее. Они только делают хуже. Поверь мне, я знаю. Ее все предали. – Глаза у Моны потемнели. – Предала школа, предали одноклассники, предали учителя. Они сказали, что станут разбираться с ее ситуацией осенью. Осенью! Дьявол был создан по ангельскому подобию. – Она замолчала и еще глубже, если это вообще было возможно, заглянула Эллен в глаза. – Я слышу твои мысли – ты считаешь, что я ее убила. – Мона покачала головой. – Семья и ее окружение медленно убивали ее задолго до того, как я...

– Все равно не понимаю.

Мона сделала глубокий вдох.

– Я больше не могла защищать ее от этого ужасного дождя. Эта

девочка достаточно настрадалась. Сколько раз можно слышать, что тебя не любят? Ответь мне! Сколько в состоянии вынести маленькая девочка? Она больше не выдерживала, а я скоро должна была уйти на пенсию. Кто бы тогда о ней позаботился? – Она раскачивалась в такт словам. – Когда я увидела сообщение от Харальда в телефоне Хлои, я его стерла. Я знала, что девочки никто не хватится. Все были заняты своими делами. Никто не хотел заботиться о Люкке. – Она пожала мягкими плечами. – Я забрала ее с тенниса. Как же она была рада, что я приехала! Ты бы видела ее улыбку, когда я заехала на парковку. Хлоя просто оставила ее совершенно одну под дождем. И я взяла пузырек Хлои со снотворным... – Она замолчала.

Эллен прикусила губу, слова Моны ее пугали.

– А потом пути назад не было.

Мона наклонила голову.

– Тебе знакомо чувство, когда ты больше ничего не можешь сделать? Нет такой сказки, которая могла бы увести ее от той жуткой действительности, в которой она была вынуждена жить. Бедная девочка. Пусть свет Божий укажет нам дорогу и даст прийти к истине. Именно так я и поступила. Я сделала круг и попала на Юргорден. Не знаю, что заставило меня туда поехать, но когда я приехала, то не сомневалась, что по-другому и быть не может. С помощью одеяла...

По ее круглым щекам текли слезы, но она и не думала их вытирать.

– Я была единственной, кто ее любил. Единственной, кто ее знал. Ей теперь лучше, я знаю. – Она улыбнулась спокойной улыбкой. – Я спасла ее от зла.

Эллен. 15.00

Они приехали на Эрелу в три часа дня.

Когда полиция приехала в церковь за Моной, Эллен отправилась за своей мамой, которая ночевала в городе. Вместе они уехали из Стокгольма.

Она выполнила свою миссию. Беспрерывно звонил телефон – они хотели, чтобы она вернулась на работу и рассказала о признании, но нет. Все кончено, и она выключила телефон.

Мона была виновной. Она убила Люкке.

В машине Эллен попыталась объяснить своей маме, что произошло, но это было нелегко.

– Мона не является злом, – сказала Эллен, когда они ехали по аллее к замку. Как же здесь красиво. Каждый раз, когда она приезжала домой, она любовалась видами. Пашни, поля и лес. Вдоль дороги стояли ухоженные деревья, словно приветствуя их.

Она не была дома с Рождества, когда остров лежал в снегу, а теперь все цвело.

Точно так же, как в день смерти Эльзы.

– Она убила ребенка, – возразила Маргарета, словно все было так просто.

Эллен покачала головой.

– Я была дома у Моны, я сидела на ее диване. Она закутала меня в одеяло. Может быть, мне не надо было звонить в полицию. Люкке все равно не вернуть. Я не могу думать о Моне плохо. Помнишь, ты рассказывала о птицах Веры? Они были как одна семья. Мона была единственной, кому было не все равно.

Мама Эллен положила ладонь на ее руку.

– Постарайся больше об этом не думать. Не сегодня. Ты нашла виновного. Что еще ты можешь сделать для Люкке?

– Мона жила с мамой-алкоголичкой, которая о ней не заботилась, и с папой, которому она была не нужна. Папу интересовали только ее братья, но не она. То же самое было с Люкке.

То же самое было со мной.

– Она убила ребенка, Эллен. Я больше не хочу говорить об этом.

Эллен кивнула. Мама права.

Она выехала на покрытую гравием дорожку перед замком и припарковалась рядом с черным ходом. Выключив двигатель, осталась

сидеть в машине. Посмотрев на замок и флигели, перевела взгляд на двор.

– Двадцать пять лет назад пропала Эльза, – сказала ее мама, у которой, похоже, тоже не хватало духу выйти из машины.

– Она умерла, мама.

Эллен сильно ударила по рулю. «Смерть, смерть, смерть».

Маргарета взяла ее за руку.

– Перестань, Эллен, перестань.

Они продолжали молча сидеть на своих местах. Потом мама вышла из машины, обошла ее, открыла дверь со стороны водительского сиденья и взяла Эллен за руку.

– Пойдем, сделаем это вместе.

Они вместе вошли в дом с черного хода.

– Я сварю кофе, – предложила мама, когда они сняли верхнюю одежду.

Эллен оглядела кухню. Дома ничего не изменилось. Она села за круглый кухонный стол и стала смотреть на Ингарен, озеро, унесшее жизнь Эльзы.

У мостков цвели кувшинки. Она осторожно потрогала ожерелье.

Маргарета поставила чашки на стол и села рядом с ней.

– А ты надела ожерелье. Красиво.

– Может, лучше выпьем вина?

– Эллен, так проблемы не решают.

Эллен закатила глаза. Кто бы говорил – ведь она каждый вечер перед сном пьет джин с тоником.

– Я знаю, я пошутила.

– Нет, не пошутила. Хватит. Я не могу видеть, как моя вторая дочь исчезает в черной дыре. Нельзя топить боль в вине. Мы должны положить этому конец.

– Прекрати посылать меня к тетушкам, которые занимаются болтологией. Это не помогает.

– Нет, не буду. Думаю, мы можем начать с того, что *мы* поговорим друг с другом. Когда вчера я увидела в твоём телефоне это ужасное сообщение, – она приложила руку к груди, – я так испугалась, Эллен! Я не переживу, если с тобой что-то случится...

– Ты бы хотела, чтобы умерла я, а не Эльза?

– Эллен, как ты можешь так говорить? Ты действительно думаешь, что...

Эллен пожала плечами.

– Мне очень больно слышать такие слова. Я знаю, что сделала много ошибок, но я хотела бы объяснить тебе, как сильно я тебя люблю. – Мама

сжала ее руку. – Когда у тебя появятся дети, ты поймешь. Когда ты теряешь ребенка, ты сходишь с ума, это никогда не пройдет.

– А как, по-твоему, потерять сестру?

– Ужасно.

Эллен увидела, как ее глаза наполняются слезами.

– Нам предстоит во многом разобраться... – Маргарета замолчала. – Сегодня мы получили доказательство того, что может произойти с человеком, если он не разобрался со своим прошлым.

Не думая, Эллен наклонилась вперед и обняла свою маму. Она не могла вспомнить, когда делала это в последний раз. Она вдохнула запах маминых духов; сколько Эллен себя помнила, мама душилась одними и теми же духами. Напряжение медленно покидало ее. Странное, но приятное чувство.

Внезапно Эллен встала.

– Ты куда? – спросила Маргарета.

– Я скоро приду, – сказала Эллен и спустилась в винный погреб. Там она достала с полки бутылку, до которой нельзя было дотрагиваться. Ей говорили, что эти вина надо хранить. Для особого случая. Эллен не знала, для какого, но не могла представить себе более подходящий случай, чем этот.

Мама права. Филип прав.

Она думала о смерти как минимум раз в час. И так все время с того дня, как ее сестру нашли мертвой. Последнюю неделю она стала думать об этом еще чаще. Она носила в себе заряженную бомбу и не хотела превратиться в Мону.

Она поднялась наверх. Достала две чашки, решив обойтись без хрустальных бокалов из буфетной.

Маргарета посмотрела на нее:

– Что ты делаешь?

Эллен достала из ящика штопор.

– Эллен, только не это вино...

Р-р-раз, и она вытащила пробку.

– Брось, Эллен. – Маргарета покачала головой и вытерла под глазами.

Эллен вдохнула винный аромат, который никак не сочетался с чашками, но какая разница. Сделала глоток.

– Давай хотя бы возьмем бокалы! – Маргарета не могла сдержать улыбку.

Эллен покачала головой и села рядом с матерью.

– Ты права. Я должна во всем разобраться, но ты тоже должна. Мы

сделаем, как ты сказала. Мы поговорим об этом, мама. С чего начнем?

Благодарю:

Кристоффера Линда за то, что ты в меня верил.

Катю Тюден за то, что ты меня выдержала.

Денис Рудберг за то, что ты вдохновила меня и помогла мне.

Каролин Динкельшпиль за поддержку и прекрасную дружбу.

Александера Валлениуса за помощь с фактическим материалом по вопросам полицейской работы.

Пера Файерссона за помощь с фактическим материалом по вопросам журналистской работы.

Дага за все! Без тебя я бы не смогла написать эту книгу.

Хермин Лили и Дугласа за возможность быть вашей мамой.

Маму за то, что ты научила меня, что хорошо, а что плохо.

Папу за то, что ты дал мне мое «черт возьми».

Маркуса за самую лучшую в мире поддержку.

Викторию – самую лучшую в мире младшую сестру, которая так красиво нарисовала Люкке на первой обложке.

Семью Блей и семью Бенгтсон за возможность быть членом ваших семей.

Бабушку Ингрид, папину маму, за все то, что ты мне дала.

Бабушку Бритту, мамину маму, за то, что я – это я. Хорошо бы ты сейчас была с нами.

Благодарю ВСЕХ вас, кто верил в меня, поддерживал меня и радовался за меня!

Вы так много для меня значите!

notes

Примечания

Любишь кататься, люби и саночки возить (англ.). – Здесь и далее примеч. пер.

Всех к черту (*англ.*).

3

Моя дорогая! (*фр.*)

Капли дождя продолжают падать вниз... (*англ.*)

Розовый туман (*англ.*).

Наряд медсестры-блудницы (*англ.*).

Наряд кукурузы-блудницы (*англ.*).

Это вне моей зоны комфорта (*англ.*).

Patricia – стоящее на причале стокгольмское судно, на котором находится ресторан и ночной клуб, популярный среди лиц нетрадиционной ориентации.

Доставка на дом (*англ.*).

«Удача» по-шведски – *lycka*, произносится «люкка», почти как имя «Люкке».

Песня в исполнении Мари Фредрикссон из шведского сериала «Sparvöga» («Воробьиный глаз») 70-х годов.

Прикосновение матери (*англ.*).

Любовь и вина (*англ.*).

Речь идет о получившем международный резонанс убийстве двоих детей в шведском городке Арбога, в возрасте одного года и трех лет. Убийство было совершено гражданкой Германии в марте 2008 года на почве ревности к новой подруге своего бывшего бойфренда – матери убитых детей.

Подготовка к сексуальному принуждению.

Так в просторечии в Швеции называют культурно-исторические объекты, которые находятся под охраной государства.

Счастливый день (*англ.*).

«*Lyxfällan*» дословно переводится со шведского как «Западня роскоши». Это шведское реалити-шоу канала ТВ3, на котором обсуждают проблемы людей, живущих не по средствам.

Torsk – клиент проститутки (швед.).

Известная шведская телеведущая и писательница.

Вы взяли паузу (*англ.*).